

НИЛ ФЕРГЮСОН

История Дом от Шилль Дов

ПРОРОКИ
ДЕНЕГ

1798
1848

Выдающаяся книга по оценке
New York Times

Ниал Фергюсон

**Дом Ротшильдов.
Пророки денег. 1798–1848**

«Центрполиграф»

1998

УДК 929
ББК 84(7Сое)

Фергюсон Н.

Дом Ротшильдов. Пророки денег. 1798–1848 / Н. Фергюсон —
«Центрполиграф», 1998

ISBN 978-5-227-08588-7

Блестящий труд Н. Фергюсона основан на редких документах и десятках тысяч писем из семейного архива Ротшильдов. В этой увлекательнейшей семейной саге автор раскрывает тайны феноменального экономического успеха династии и ее доминирования в качестве мировой политической и финансовой силы на протяжении многих десятилетий с момента основания до середины XIX века.

УДК 929
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08588-7

© Фергюсон Н., 1998
© Центрполиграф, 1998

Содержание

Введение	9
Часть первая	37
Глава 1	37
Майер Амшель	43
Двойная революция	48
Глава 2	59
Истоки мифа	62
Наследие Майера Амшеля	69
Часть вторая	77
Глава 3	77
Война и мир	78
Ватерлоо Натана	88
Братские отношения	96
Глава 4	101
Экономические последствия мира	102
Конец ознакомительного фрагмента.	109

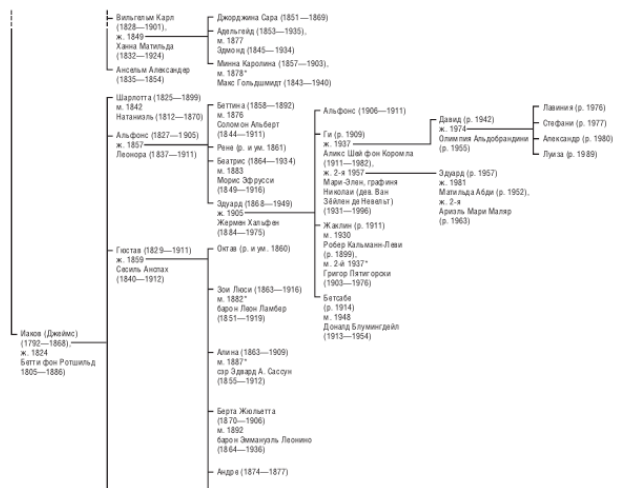
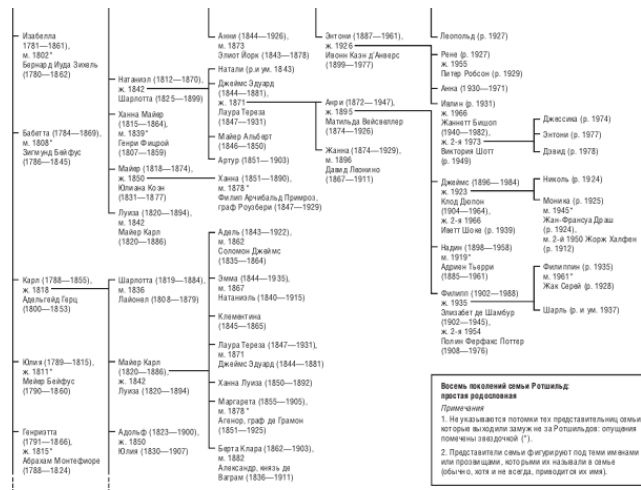
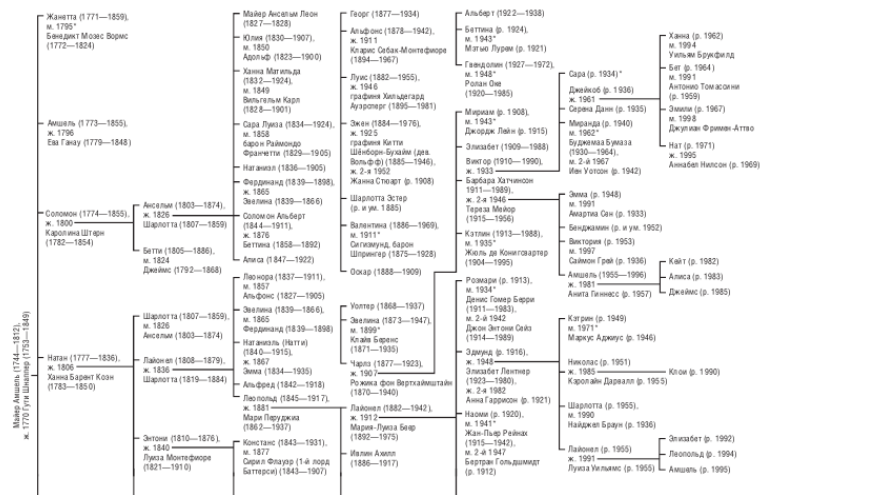
Нил Фергюсон
Дом Ротшильдов.
Пророки денег. 1798—1848

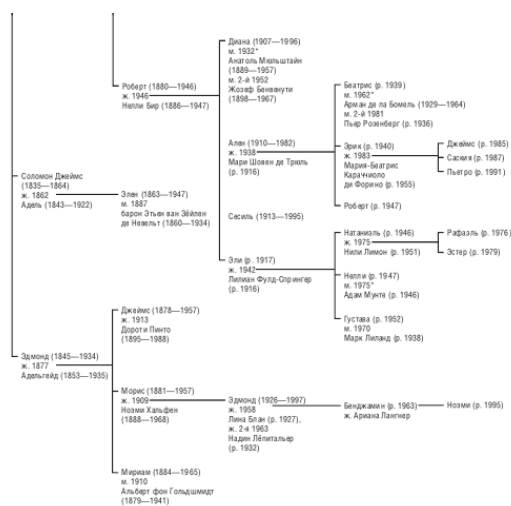
Посвящается Сьюзен, Феликсу и Фрейе

Niall Ferguson
The House of Rothschild:
Money's Prophets 1798—1848

The House of Rothschild: Money's Prophets 1798–1848 Copyright
© 1998, Niall Ferguson All rights reserved
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019
© «Центрполиграф», 2019

Введение

Реальность и миф

I

Как заметил однажды 3-й лорд Ротшильд, «банковское дело – по сути перемещение денег из пункта А, где они находятся, в пункт Б, где они нужны». В его словах содержится определенная простая истина, пусть даже они и отразили личное нежелание Виктора Ротшильда заниматься финансами. Но, если бы в истории фирмы, основанной его прапрадедом два века назад, не было ничего, кроме перемещения денег из пункта А в пункт Б, она навела бы скуку. На деле же все не так.

За всеми банками стоит история, хотя не все заказывают исторические исследования. Однако своя мифология есть только у Ротшильдов. Начиная со второго десятилетия XIX в. семью окружают многочисленные слухи и домыслы. Говорят о последствиях их стремительного взлета по общественной лестнице; об их политическом влиянии, не только в пяти странах, где имеются банкирские дома Ротшильдов, но и по всему миру; об их иудаизме. В результате мифы оказались почти такими же долговечными, как и сам банкирский дом «Н. М. Ротшильд и сыновья». Фамилия «Ротшильд», которая переводится с оригинального немецкого как «Красный щит», возможно, не так хорошо известна в наши дни, как сто лет назад, когда, как заметил Чехов, умирающий русский гробовщик мог иронически прозвать так бедного еврейского музыканта [бедный еврейский музыкант носил «фамилию известного богача Ротшильда»]¹. Но большинству читателей фамилия знакома хотя бы потому, что она до сих пор более или менее часто мелькает в прессе. Возможно, банк Ротшильдов уже не тот финансовый гигант, каким он был на протяжении столетия после 1815 г., а семья гораздо больше рассредоточена, в том числе территориально, и разобщена. Однако фамилия «Ротшильд» по-прежнему привлекает к себе внимание – иногда нездоровое. Даже те, кто совершенно не разбирается и не желает разбираться в финансах, по крайней мере один-два раза в жизни наткнулись на эту фамилию. Благодаря, очевидно, наследственной склонности членов семьи к зоологии и садоводству в мире насчитывается не менее 153 видов или подвидов насекомых, в названии которых увековечена фамилия «Ротшильд», а также 58 птиц, 18 млекопитающих (в том числе жираф Ротшильда (*Giraffa Camelopardalis rothschildi*), 14 растений (в том числе редкая орхидея Пафиопедилум Ротшильда (*Paphiopedilum rothschildianum*) и лилия Глориоза Ротшильда (*Gloriosa rothschildiana*), – не говоря уже о трех рыбах, трех пауках и двух рептилиях. Столь же часто проявляющаяся у членов семьи склонность к вкусной пище также увековечила фамилию в суфле (которое готовят с засахаренными фруктами, бренди и ванилью) и острой закуске (креветки, коньяк и сыр грюйер на тосте). В Израиле в честь нескольких членов этой семьи названы города и многочисленные улицы; вина, которые делают на принадлежащих Ротшильдам виноградниках в Мутоне и Лафите, пьют во всем мире. От долины Эйлсбери до Ривьеры известны дома, построенные Ротшильдами. Есть даже остров Ротшильда в Антарктике. Шопен и Россини посвящали Ротшильдам музыкальные, а Бальзак и Гейне – литературные произведения. Не менее знамениты Ротшильды в мире искусства многочисленными коллекциями (некоторые из них можно увидеть в публичных галереях), в мире скачек – благодаря победителям дерби. Во время написания этой книги я почти не встречал людей, которые не слышали бы по крайней мере одного анекдота о Ротшильде – чаще всего вспоминают легенду о непомерных прибылях Натана Майера Ротшильда, полученных в результате спекуляций на исходе битвы при Ватерлоо; почти так же часто все вспоминают историю о покупке акций Суэцкого

канала, которую постарался прославить Дизраэли. А для тех, кто не знает истории, в сборниках еврейских анекдотов до сих пор приводят шутки о Ротшильдах. Им даже посвящены два фильма, одна пьеса² и эксцентричный бродвейский мюзикл, который, впрочем, пользовался весьма скромным успехом.

Необходимо сразу же сказать, что в этой книге почти ничего не говорится о жирафах, орхидеях, суфле, винтажных винах или островах в Антарктике. Главным образом, речь в ней идет о банках и банковском деле; и вот несколько слов, призванных успокоить тех читателей, которые больше интересуются тем, как богатые семьи распоряжаются своим богатством, чем тем, как они его нажили.

На самом деле банкирский дом «Н. М. Ротшильд и сыновья» формально вовсе не является банком – по крайней мере, по определению великого финансового журналиста Викторианской эпохи Уолтера Бэджета, которое он дал в своем труде «Ломбард-стрит» (1873). «Иностранец, – пишет Бэджет, – вероятно, подумает, что если кого и можно назвать банкирами, то в первую очередь их [Ротшильдов]. Но это лишь иллюстрирует существенную разницу между тем, как понимаем банковское дело мы, англичане, и как понимают его жители континентальной Европы. Господа Ротшильды – крупные капиталисты, в чьих руках, несомненно, масса заимствованных денежных средств. Но они не берут 100 фунтов, подлежащие оплате по требованию, и не возвращают их чеками по 5 фунтов каждый, как принято у нас в Англии. Они заимствуют крупные суммы на более или менее долгие сроки. Английские банки имеют дело с множеством мелких сумм, которые подлежат выплате по предупреждению за короткий срок или по требованию. И способы, какими те и другие употребляют свои деньги, также различны. Иностранец считает главной составляющей банковского дела «биржевые операции», то есть покупку и продажу векселей иностранных государств. Но подавляющее большинство английских сельских банков не знают, как провести крупную «биржевую операцию»... С таким же успехом они могут, например, начать торговлю шелком. Биржевыми операциями занимается небольшая, обособленная группа брокеров, крупнейшими из которых... являются Ротшильды... Они [Ротшильды] – не английский банк ни по условиям, по каким они занимают деньги, ни по способу, каким они ими распоряжаются».

Приехав в Англию как торговец тканями, Натан Майер Ротшильд официально был купцом, который пожелал заниматься различными финансовыми услугами. Сам он в 1817 г. говорил: «[Я] занимаюсь... государственными сделками и банковскими операциями». Под последними он, скорее всего, имел в виду операции с Английским банком. Он не имел в виду депозитные операции банков, про которые Бэджет писал «как принято у нас в Англии» и которые остаются главной сферой деятельности крупных современных банков, имеющих множество филиалов.

Фирму «Н. М. Ротшильд и сыновья» нельзя считать и автономной: до определенного времени в период 1905–1909 гг. она принадлежала к группе так называемых «Домов Ротшильдов», которая возглавлялась семейной компанией, – хотя Лондонский дом единственный, чье существование не прекращалось и не прерывалось до сегодняшнего дня (банк «Ротшильд и компания» (Rothschild & Cie Banque) – лишь не прямой потомок изначального Парижского банкирского дома, национализированного в 1981 г.). В зените славы, в 20-е – 60-е гг. XIX в., семейной группе принадлежало пять учреждений. Помимо Лондонского дома, возглавляемого Натаном, существовала оригинальная фирма «М. А. Ротшильд и сыновья» (M. A. Rothschild & Sohne) во Франкфурте (после 1817 г. она носила название «М. А. фон Ротшильд и сыновья» (M. A. von Rothschild & Sohne), и после смерти отца, Майера Амшеля, ее возглавил Амшель, старший его сын; «Братья де Ротшильд» (de Rothschild Freres) в Париже, основанная Джеймсом, младшим сыном Майера Амшеля. Кроме того, существовали две дочерние компании Франкфуртского дома: «К. М. фон Ротшильд» (C. M. von Rothschild) в Неаполе, которую возглавлял четвертый брат, Карл, и «С. М. фон Ротшильд» (S. M. von Rothschild) в Вене, возглавляемая

вторым по старшинству братом, Соломоном. Вплоть до 1860-х гг. пять домов сотрудничали так тесно, что невозможно обсуждать историю одного, не говоря об истории всех пяти: они во всех отношениях являлись составляющими многонационального банка. И даже в первом десятилетии XX в. система компаний продолжала функционировать так, что английские Ротшильды имели финансовую долю в Парижском доме, а французские Ротшильды – долю в Лондонском доме. Однако, в отличие от современных многонациональных банков, фирма Ротшильдов всегда была семейным предприятием, а право принятия решений было строго монополизировано партнерами. Вплоть до 60-х гг. XX в. партнерами могли стать лишь члены семьи Ротшильд мужского пола.

Необходимо уяснить самое важное. На протяжении почти столетия, с 1815 по 1914 г., эта многонациональная компания была крупнейшим банком в мире. Если рассуждать строго в исчислении их объединенного капитала, можно сказать, что Ротшильды до 1880-х гг., если не позже, играли, так сказать, в собственной лиге. Ничего равного им XX в. не знал. Даже крупнейшие современные международные банковские корпорации обладают лишь долей того превосходства, каким пользовались Ротшильды во времена своего расцвета, – как в наши дни ни один отдельный человек не владеет теми же долями мирового богатства, какими владели Натан и Джеймс как частные лица в середине 1820–1860 гг. (см. Приложение 1). Таким образом, экономическую историю капитализма нельзя считать полной, пока не будет предпринята попытка объяснить, как Ротшильды стали так феноменально богаты. В чем заключается «тайна» их беспримерного успеха и есть ли она? Ротшильдам приписывают многочисленные апокрифические изречения – например, призыв держать треть состояния в ценных бумагах, треть в недвижимости и треть в драгоценностях и произведениях искусства, обращаться с фондовой биржей как с холодным душем («быстро войти, быстро выйти») или оставлять последние 10 % другому, – но все подобные изречения ничего толком не объясняют.

Чем именно занимались Ротшильды? И как они пользовались своим огромным экономическим влиянием? Для того чтобы правильно ответить на эти вопросы, необходимо кое-что понять в государственных финансах XIX в. Дело в том, что именно ссужая деньги правительствам или спекулируя уже существующими государственными облигациями Ротшильды нажили очень большую часть их колоссального состояния.

II

В XIX в. все государства время от времени сталкивались с дефицитом бюджета; некоторые жили так почти всегда – то есть государственных доходов от сбора налогов обычно не хватало на покрытие расходов. В этом отношении государства XIX в., конечно, мало чем отличались от государств в XVIII в. И, как и до 1800 г., самый большой рост расходов обычно приходился на периоды войн и подготовку к ним. Неурожаи (или самый низкий уровень экономической активности в сфере торговли) также вызывали периодическое падение доходов, так как поступление налогов в казну сокращалось. Такие дефициты, хотя часто относительно небольшие по сравнению с национальным доходом, нелегко было финансировать. Национальные рынки капитала были не очень развиты, а международный рынок капитала тогда лишь формировался; в Амстердаме образовался лишь первый финансовый центр. Для большинства государств займы были дороги – то есть им приходилось платить относительно высокие проценты по займам, так как инвесторы не считали их надежными кредиторами. Таким образом, дефицит бюджета часто покрывался либо с помощью продажи активов, принадлежащих монаршей семье (земли или должностей), либо с помощью инфляции, если правительство предпочитало девальвировать валюту. Конечно, был и третий вариант – введение новых налогов, но, как то часто случалось не только в XVII, но и в XIX в., серьезные изменения налоговой системы обычно требовали некоторого политического согласия, достигае-

мого через представительские учреждения. Одной из причин Великой французской революции стало предложение Генеральных штатов ввести новые налоги после того, как окончились неудачей все остальные попытки реформы финансов, которая должна была покрыть военные расходы. Исключением из общего правила была Великобритания, в которой с конца XVII в. развилась сравнительно сложная система государственных займов (государственный долг) и денежно-кредитная политика (Английский банк). Еще одним исключением из общего правила можно назвать небольшое немецкое княжество Гессен-Кассель, которое управлялось с прибылью благодаря тому, что его правитель сдавал своих подданных внаем другим государствам в качестве солдат. Управление огромным инвестиционным портфелем стало одним из первых шагов Майера Амшеля Ротшильда к тому, чтобы из торговца монетами (его первоначальное занятие) стать банкиром.

Период с 1793 по 1815 г. характеризовался постоянными военными действиями, которые оказывали серьезные побочные эффекты на финансы. Во-первых, беспрецедентные расходы на войну ускоряли инфляцию во всех странах-участницах. Самой крайней формой таких побочных действий можно назвать крах ассигнатов во Франции. Европейские валюты – в том числе фунт стерлингов после 1797 г. – находились в беспорядке. Во-вторых, нарушения в ходе нормальной жизни, вызванные войной (например, оккупация французами Амстердама или континентальная блокада при Наполеоне), создавали возможности для получения огромных прибылей по весьма рискованным операциям, таким, например, как контрабандный ввоз тканей, слитков золота или управление капиталами ссыльных правителей. В-третьих, перевод крупных субсидий из Великобритании ее союзникам на континенте требовал новшеств в системе расчетов с другими странами: раньше никому не приходилось иметь дела с такими крупными суммами. Именно в таких в высшей степени сложных условиях Ротшильды совершили решительный скачок от управления двумя скромными фирмами – небольшим торговым банком во Франкфурте и компанией по экспорту сукна в Манчестере – к правлению многонациональной финансовой компанией.

И после окончательного поражения Наполеона потребность в международных финансовых услугах не окончилась: наоборот, вопросы с улаживанием долгов и контрибуций, оставшихся после войны, тянулись почти все 1820-е гг. Более того, после Наполеоновских войн в силу политических кризисов, постигших Испанию и Османскую империю, возникли новые финансовые потребности. В то же время сокращение расходов и денежная стабилизация в Великобритании породили потребность в новых формах инвестиций для тех, кто за годы войн привык вкладывать деньги в высокодоходные британские облигации. Именно такие потребности с успехом удовлетворяли Натан и его братья. Разработанная ими система позволяла британским инвесторам (и другим богатым «капиталистам» в Западной Европе) вкладываться в долги тех государств, покупая имеющие международное хождение облигации с фиксированной процентной ставкой (то есть переводимые). Невозможно переоценить важность такой системы для истории XIX в. Растущий международный рынок облигаций свел вместе истинных «капиталистов» Европы: представителей элиты, достаточно богатых, чтобы вкладывать деньги в такие активы, и вместе с тем достаточно проницательных, чтобы оценить преимущества таких активов по сравнению с традиционными формами вложения богатства (земля, продажные должности и т. д.). Облигации были ликвидными. На главных европейских биржах их можно было покупать и продавать пять с половиной дней в неделю (кроме праздников); в другое время и в других местах ими торговали неофициально. Кроме того, такие облигации могли приносить большой доход от прироста капитала. Единственным их недостатком можно считать также возможные крупные потери капитала.

Что влияло на взлеты и падения рынка облигаций XIX в.? Ответ на этот вопрос является ключевым для понимания истории банка Ротшильдов. Очевидно, важную роль играли экономические факторы – особенно условия для краткосрочных займов и привлекательность альтер-

нативных частных ценных бумаг. Но самым главным фактором служила политическая стабильность: уверенность вкладчиков (особенно крупных инвесторов, формирующих рынок, вроде Ротшильдов) в способности государств – эмитентов облигаций продолжительное время выполнять свои обязательства, то есть выплачивать проценты по своим облигациям. На самом деле вынудить такие государства нарушить обязательства могли лишь два фактора: война, которая повышала расходы и снижала государственные доходы от сбора налогов, и внутренняя нестабильность, под которой можно понимать целый ряд событий, от смены кабинета министров до полномасштабной революции, что не только сокращало доходы, но и могло привести к власти новое правительство, склонное к безрассудной финансовой политике. Именно за признаками приближения какого-либо из двух факторов, способных привести к кризису, следили рынки – и внимательнее всех Ротшильды.

Вот почему Ротшильды всегда придавали такое значение тому, чтобы как можно скорее получать последние политические и экономические новости. Три вещи способны были дать инвестору превосходство над конкурентом: близость к центру политической жизни, источнику новостей; скорость, с какой он получал новости о событиях в ближних и дальних странах; а также способность манипулировать другими инвесторами с помощью передачи таких новостей. Это объясняет, почему Ротшильды тратили столько времени, сил и денег на поддержание наилучших отношений с ведущими политическими фигурами своего времени. Кроме того, это объясняет, почему они столь тщательно создавали сеть платных агентов на других ключевых финансовых рынках. В задачу агентов входила не только торговля ценными бумагами от имени Ротшильдов, но и обязанность держать их в курсе последних финансовых и политических новостей. И это объясняет, почему они постоянно стремились увеличить скорость доставки ценных сведений. С самых первых дней Ротшильды полагались на собственную систему курьеров и выгадывали на своей возможности узнавать политические новости раньше европейских дипломатических служб. Кроме того, иногда они пользовались почтовыми голубями для передачи последних курсов акций и обменных курсов с одного рынка на другой. До появления телеграфа (и позже телефона), изобретений, которые призваны были «демократизировать» новости, увеличивая их общедоступность, система связи Ротшильдов давала им важное преимущество над конкурентами. Даже после того, как утратили это преимущество, они продолжали влиять на финансовую прессу, через которую новости распространялись в кругах широкой публики.

Сведения о признаках международной или внутренней напряженности напрямую влияли на рынок облигаций, ведя к ежедневным колебаниям курсов и прибылей, за которыми так пристально следили инвесторы. Однако связь между политикой и рынком облигаций шла и в обратном направлении. Дело в том, что изменение котировок существующих государственных облигаций – плод недавней фискальной политики – обладало важным влиянием на настоящую и будущую политику. Проще говоря, если какое-либо государство хотело больше занять, выпустив больше облигаций, падение котировок или, наоборот, рост доходности существующих облигаций оказывали серьезное пагубное воздействие. Именно поэтому курс облигаций имел дополнительное значение, о котором редко задумываются историки. Можно сказать, что курс облигаций играл роль своего рода опроса общественного мнения, хотя по современным, демократическим меркам такой опрос можно считать в высшей степени нерепрезентативным. Участие в таком опросе могли принимать только богатые – «капиталисты». Правда, и саму политическую жизнь в XIX в. трудно назвать демократической. В самом деле, держателями государственных облигаций были, грубо говоря, те же люди, которые вершили политику, хотя иногда возникало напряжение между собственниками, чьи активы главным образом заключались в земле или объектах недвижимости, и держателями облигаций, чьи портфели состояли главным образом из ценных бумаг. Таким образом, эти капиталисты представляли в большой степени политический класс Европы, и их мнения имели вес в социально неоднородном, неде-

мократическом обществе. Государство, где инвесторы назначали повышенную цену на государственные облигации, могло чувствовать себя в безопасности. Если же инвесторы спешили избавиться от государственных облигаций, было ясно, что текущее правительство доживает последние дни и проживает последние деньги.

Неоспоримым достоинством рынка облигаций можно считать то, что к нему рано или поздно обращались практически все страны (к которым с течением времени добавлялись все новые молодые национальные государства и колонии); и большинство государств имело рыночные долги в немалых размерах. Переменчивая судьба государственных облигаций позволяет изучать политическую историю того периода, так сказать, изнутри. Кроме того, государственные облигации являются важным фактором для понимания размера и границ власти такого банка, как банк Ротшильдов, который на протяжении почти всего XIX в. определял рыночную политику для таких облигаций. Более того, изменив существующую систему, в результате чего государства стали занимать деньги для того, чтобы государственные облигации пользовались большим спросом, Ротшильды на самом деле создали международный рынок облигаций в его современном виде. Уже в 1830 г. один немецкий писатель заметил, как благодаря новшествам в виде облигаций, введенных Ротшильдами после 1818 г., «каждый обладатель государственных бумаг [может]... собирать проценты к своему удобству в нескольких различных местах без всякого труда. Дом Ротшильдов во Франкфурте выплачивает проценты по австрийским «металликам», неаполитанским «рентам» и англо-неаполитанским облигациям в Лондоне, Неаполе или Париже – где это удобно».

Таким образом, ядро данной книги – международный рынок облигаций, для развития которого Ротшильды сделали немало. Значительное внимание уделено также другим формам финансирования, которыми они занимались: торговле слитками и аффинажу, акцептованию и дисконту коммерческих векселей, прямой торговле предметами потребления, обмену валюты, арбитражу и даже страхованию. В дополнение к неизбежной сети кредитов и дебетов с другими фирмами, которые возникали в связи с этими видами деятельности, Ротшильды также предлагали избранной группе клиентов – как правило, членам королевских фамилий и аристократам, которым они предпочитали содействовать, – ряд «персональных банковских услуг». Спектр таких услуг варьировался от крупных личных займов (как в случае с князем Меттернихом) до первоклассного личного почтового обслуживания (как в случае с королевой Викторией). Вопреки впечатлению Бэджета, Ротшильды иногда также принимали вклады таких избранных клиентов. Кроме того, Ротшильды занимались крупномасштабными инвестициями в промышленность – этот аспект их деятельности часто недооценивается. В 1830-е – 1840-е гг., когда с развитием железных дорог появилась возможность реорганизовать транспортную систему Европы, Ротшильды находились в числе ведущих спонсоров железнодорожных линий, начав с Франции, Австрии и Германии. Более того, к 1860-м гг. Джеймс де Ротшильд построил нечто вроде панъевропейской сети железных дорог, проложенных на север из Франции в Бельгию, на юг в Испанию и на восток в Германию, Швейцарию, Австрию и Италию. С самого начала Ротшильды также очень интересовались добывающей промышленностью, начав в 1830-е гг. с приобретения испанского ртутного месторождения в Альмадене. Они сделали резкий скачок в 1880-е и 1890-е гг., когда вложили средства в месторождения золота, меди, алмазов, рубинов и нефти. Подобно их первоначальной финансовой сфере, такое приобретение стало поистине всемирной операцией, которая распространялась от Южной Африки до Бирмы, от Монтаны до Баку.

Главной темой данной книги, таким образом, стала необходимость объяснить истоки и развитие одного из крупнейших и самых необычных предприятий в истории современного капитализма. И все же не следует считать ее лишь пособием по истории экономики. Во-первых, история фирмы неотделима от истории семьи: выражение «Дом Ротшильдов», которое часто употребляли историки (и кинорежиссеры) прошлых поколений, использовалось совре-

менниками, в том числе самими Ротшильдами, для того, чтобы подчеркнуть их единство. В то время как регулярно пересматриваемые и обновляемые договоры о сотрудничестве регулировали управление сферами коллективной деятельности Ротшильдов и распределение накопленных прибылей, не меньшим значением для семьи обладали брачные договоры. В период своего расцвета Ротшильды систематически заключали внутрисемейные браки, не допуская, таким образом, распыления капитала и спасая его от притязаний «чужаков». Если женщины из семьи Ротшильд все же выходили замуж не за представителей семьи, их мужьям запрещалось напрямую участвовать в семейном бизнесе, как и самим женщинам-Ротшильдам. Завещания партнеров также обеспечивали сохранение и рост бизнеса путем наложения завещаний одного поколения на следующее. Неизбежно возникали противоречия между коллективными притязаниями семьи, так недвусмысленно выраженными Майером Амшелем перед смертью, и пожеланиями отдельных ее представителей: им повезло родиться Ротшильдами, однако многие из них не унаследовали ненасытного аппетита основателя династии к работе и прибылям. Сыновья разочаровывали отцов. Братья презирали братьев. Кто-то любил без взаимности; кому-то запрещали выходить замуж за избранника или жениться на любимой. Вынуждали сочетаться браком не желающих того кузенов; мужья и жены ссорились. Во всем этом у Ротшильдов много общего с большими семьями, которые населяют многочисленные романы XIX и начала XX в.: с Ньюкомами Теккерея, Паллисъерами Тrolлопа, Форсайтами Голсуорси, Ростовыми Толстого и Будденброками Манна (хотя, к счастью, не с Карамазовыми Достоевского!). Конечно, XIX в. можно назвать эпохой больших семей – рождаемость была высокой, а смертность в богатых семьях падала, – и, может быть, только в этом смысле Ротшильды не были «исключительной семьей», как их однажды назвал Гейне.

Из-за того, что Ротшильды были так богаты, в материальном отношении они могли бы равняться с европейской аристократией; их успех в преодолении различных юридических и культурных препятствий для достижения полного эквивалента *статусности* – один из примечательных примеров в социальной истории XIX в. Помня, что их отцу в свое время запрещалось владеть собственностью за пределами тесной и грязной Юденгассе во Франкфурте, пять братьев, что вполне понятно, стремились приобретать землю и просторные резиденции. Правда, почти все живописные дворцы и особняки, ставшие самыми внушительными памятниками членам семьи, построили только представители третьего поколения Ротшильдов³. Зато они активно получали награды, титулы и другие почести. Самую желанную награду, звание английского пэра, представитель семьи получил в 1885 г. Кроме того, третье поколение Ротшильдов увлекалось охотой и лошадиными бегами – занятиями, которые отождествляют в первую очередь с аристократией. Схожий процесс социальной ассимиляции можно наблюдать и в их культурных пристрастиях. Джеймс и его племянники были страстными коллекционерами произведений искусства, украшений и мебели; коллекции они передали по наследству своим многочисленным потомкам. Кроме того, они покровительствовали писателям (Бенджамину Дизраэли, Оноре де Бальзаку и Генриху Гейне), музыкантам (среди них можно отметить Фридерика Шопена и Джоакино Россини), а также архитекторам и художникам. Во многих отношениях они были Медичи XIX в.

Однако неправильно представлять Ротшильдов образом «феода-лизированной» буржуазной семьи, члены которой «имитируют» манеры и образ жизни землевладельческой элиты. Ротшильды привнесли в аристократическую среду образцы поведения, которые коренились в коммерции. Вначале они видели в покупке земли возможность вложения капитала, от которого они ожидали получения прибыли. К большим домам, которые они строили, они, по крайней мере отчасти, относились весьма функционально: как к частным отелям для демонстрации «корпоративного гостеприимства». Сыновья и внуки Натана даже покупку лошадей расценивали как своего рода приятное спекулятивное капиталовложение; они играли на бегах так же, как занимались спекуляциями на фондовой бирже. Цинично выражаясь, общение с пред-

ставителями аристократии было для Ротшильдов очень важным, если правила устанавливали именно они. Кроме того, в ходе неформального общения можно было узнать столько же полезных сведений, сколько и на официальных встречах с министрами.

В то же время в каком-то смысле Ротшильды больше напоминали членов королевской семьи, чем аристократию или средний класс. И дело не только в том, что они сознательно подражали многочисленным венценосцам, с которыми знакомились. Подобно разветвленной семье, из которой вышли многие европейские монархи, Ротшильды были исключительными в своем предпочтении эндогамии. Им нравилось сознавать, что они не имеют себе равных – по крайней мере, в пределах европейской еврейской элиты. В этом смысле выражения вроде «царей иудейских», которыми награждали их современники, содержат известную долю истины. Именно так Ротшильды рассматривали самих себя и вели себя соответственно. Это доказывают выражения вроде «наша королевская семья», которые часто встречаются в их письмах. Примерно так к ним относились и другие, не столь богатые, евреи.

Их отношение к иудаизму и еврейским общинам Европы и Ближнего Востока – бесспорно, одна из самых притягательных тем семейной истории. Для Ротшильдов, как для многих еврейских семей, которые в XIX в. мигрировали на Запад, социальная ассимиляция или интеграция в странах, где они обосновались, часто противоречила их вере, хотя после ослабления дискриминационных законов они смогли владеть не только деньгами, но и многими желанными вещами, которые можно было купить за деньги. И все же, какими бы пышными ни были их дома и какое бы хорошее образование ни получали их дети, они постоянно сталкивались с антиеврейскими настроениями, которые варьировались от враждебной франкфуртской толпы до легкого презрения аристократов и банкиров-неевреев. Отчасти в ответ на такое давление многие другие богатые еврейские семьи предпочли обратиться в христианство. Но Ротшильды этого не сделали. Они по-прежнему оставались твердыми приверженцами иудаизма, играя важную роль в делах различных еврейских общин, членами которых они были. Более того, с самых первых дней они стремились воспользоваться своим финансовым влиянием на отдельные государства, чтобы улучшить юридическое и политическое положение живших там евреев. Они поступали так не только в своем родном городе Франкфурте, но последовательно почти в каждом государстве, с которым они вели дела впоследствии, а также в некоторых странах, где у них не было экономических интересов – например, в Румынии и Сирии. Некоторые представители семьи прославились своей благотворительной деятельностью, в определенной степени связанной с их материальным успехом: сохраняя веру предков и помня о своих «бедных единоверцах», Ротшильды не только демонстрировали благодарность своей счастливой судьбе, но и заботились о том, чтобы так продолжалось и дальше.

Наконец, что, возможно, важнее всего, история семьи в равной степени связана не только с финансами, но и с политикой: в истории XIX в. почти нет таких крупных политических фигур, которые не появятся на страницах этой книги. С самых первых дней Ротшильды культивировали дружбу с политиками, с теми, кто определяет не только размер бюджетного дефицита, но также и внутреннюю и внешнюю политику, которая так влияет на финансовые рынки. Политики, в свою очередь, довольно быстро оценили важность дружбы с Ротшильдами: они часто казались незаменимыми для платежеспособности государств, которыми они управляли. Кроме того, на Ротшильдов всегда можно было положиться для получения срочнейших политических новостей. Покровительство, какое оказывал Майер Амшель Карлу Бударусу, главному финансовому советнику правителя Гессен-Кассельского имперского княжества, а позже Карлу Теодору Антону фон Дальбергу, князю-примасу наполеоновского Рейнского союза, стало прототипом многочисленных отношений, какие соединяли его сыновей с политиками по всей Европе. Начиная с 1813 г. Натан сблизился с Джоном Чарльзом Херрисом, начальником военно-торговой службы, который финансировал вторжение Веллингтона во Францию. Еще одним давним «другом» Ротшильдов в Англии был Чарльз Стюарт, брат министра иностран-

ных дел лорда Каслри и делегат от Великобритании на конгрессах в Вене, Троппау, Лайбахе и Вероне. Кроме того, в начале 1820-х гг. Натан поддерживал непосредственный контакт с премьер-министром лордом Ливерпулом и канцлером казначейства Николасом Ванситтартом; во время парламентской реформы 1830–1832 гг. он давал герцогу Веллингтону важные финансовые советы.

Влияние Ротшильдов распространялось и на членов королевской семьи. Натан первым завязал отношения с британским королевским домом благодаря тому, что его отец выкупил огромные долги, сделанные принцем-регентом Джорджем (позже король Георг IV) и его братьями. Эти слабые вначале связи укрепились благодаря заботливому покровительству Леопольду Саксен-Кобургскому, который женился на Шарлотте, дочери Георга IV, а позже стал королем Бельгии Леопольдом I. И его племянник Альберт, ставший consortом королевы Виктории, не брезговал обращаться к Ротшильдам за финансовой поддержкой. В свою очередь, старший сын Виктории и Альберта поддерживал дружеские отношения со многими членами семьи и до и после того, как он сменил на престоле свою мать и стал королем Эдуардом VII. Список викторианских политиков, которые были дружны с Ротшильдами, можно продолжать и продолжать: в 1840-е – 1850-е гг., когда Лайонел задумал попасть в палату общин, его поддерживали не только виги (например, лорд Джон Рассел) и сторонники Пия (Гладстон), но и сторонники политики протекционизма – тори Дизраэли и лорда Джорджа Бентинка. Позже, разочаровавшись в Гладстоне, сыновья Лайонела обратили внимание не только на Дизраэли, но и на лорда Рандольфа Черчилля, Джозефа Чемберлена и Артура Бальфура. В 1880-е и 1890-е гг. их мнением по многим вопросам государственной важности интересовались маркиз Солсбери и граф Роузбери, который сменил Гладстона на посту премьер-министра. Более того, Роузбери женился на Ханне Ротшильд, дочери Майера.

Французские Ротшильды также играли непосредственную роль в политике. В начале 1820-х гг. они дружили с графом де Вилл ел ем, в 1830-е гг. быстро переметнулись на сторону Луи-Филиппа. Им удалось пережить революцию 1848 г., поддерживая лидеров республиканцев. Они изящно подрывали авторитет Наполеона III, чей авантюризм в международных делах им не нравился. Кроме того, у них имелся надежный друг в Третьей республике в лице Леона Сэя, который четырежды становился министром финансов Франции. В Германии и Австрии в 1818–1848 гг. особую важность приобрела дружба Соломона и Меттерниха, хотя уникальными их отношения назвать сложно. Среди «друзей» семьи эпохи Реставрации можно упомянуть графа Аппоньи, австрийского посла в Париже, а также членов семьи Эстерхази; в Пруссии – канцлера князя Гарденберга, Вильгельма фон Гумбольдта, просветителя, реформатора и дипломата, и Кристиана Ротера, финансиста, который впоследствии стал президентом Прусского королевского банка. Наладить связи с Бисмарком оказалось труднее, хотя к 1870-м гг. Майер Карл сумел стать посредником в дипломатическом общении между «старым Б.» и правительствами в Лондоне и Париже. Император Вильгельм II наградил Альфреда де Ротшильда медалью за дипломатические заслуги, а его брата Натти называл «старым и весьма почтенным знакомым».

Главная задача данной книги заключается в том, чтобы пролить свет на эти отношения. Как отметил Фриц Штерн в своем пионерском труде об отношениях Бисмарка с Герсоном Бляйхрёдером, раньше историки, как правило, стеснялись признавать роль финансовых факторов в политике великих государственных деятелей XIX в. Как ни странно, многие историки марксистского толка, которые когда-то были так влиятельны, почти никак не исправили положение, предпочитая утверждать, а не доказывать, что интересы правящего класса по сути оставались тождественными интересам «финансового капитала» или подчинялись им. В последние годы историки, которые специализируются на эпохе британского империализма, постарались обогатить понимание отношений между Сити и Британской империей. Но модель «джентльменского капитализма», отстаиваемая Кейном и Хопкинсом, не совсем применима к Ротшиль-

дам; а учитывая сам масштаб роли Ротшильдов в финансах XIX в., можно назвать их исключением, которое, наверное, лишь подтверждает правило. Ротшильды после второго поколения, возможно, и вели себя как джентльмены, когда они находились в Вест-Энде или в своих загородных имениях. Но в «конторе» они оставались беспримесными капиталистами, применявшими правила и принципы, зародившиеся на франкфуртской Юденгассе.

III

Вышеизложенное является наброском к тому, что можно назвать реальной историей Ротшильдов, подробно изложенной в этой книге. История увлекательна и сама по себе. И все же она становится вдвойне увлекательной, если сопоставить ее с необычайной мифологией, окружавшей семью с тех самых пор, как современники впервые начали называть Ротшильдов «исключительными».

Самые ранние мифы о Ротшильдах – насколько позволяют судить сохранившиеся опубликованные записи – появляются примерно в 1813 г., через год после смерти основателя фирмы. Однако, несмотря на хвалебное название и общий тон, мемуары С. Дж. Коэна «Образцовая жизнь бессмертного банкира Майера Амшеля Ротшильда» нельзя считать авторизованной биографией. Тем не менее она задала тон для того, что можно в широком смысле назвать сочувственным (пусть и неофициальным) разъяснением финансового успеха Ротшильдов, по сути изображающим его как миракль о вознагражденной добродетели. Коэн заявляет: Майер Амшель был не только набожным и заботливым, но его жизнь «несомненно доказала, что еврей, как еврей, может быть религиозным и в то же время превосходным человеком и добропорядочным гражданином». Подобно авторам многих более поздних хвалебных трудов, Коэн почти ничего не пишет о предпринимательской деятельности Майера Амшеля. Правда, он намекает, что его успех банкира был знаком божественного одобрения.

Лет тринадцать спустя было опубликовано более точное, но сравнительно более морализаторское толкование. «Общая немецкая энциклопедия для образованных классов», изданная в Лейпциге Ф. А. Брокгаузом, служит типичным примером справочника эпохи Бидермейера. Энциклопедия пользовалась популярностью – тираж составил около 80 тысяч экземпляров; но, хотя по форме она напоминала французские энциклопедии, которые ассоциировались с дореволюционным просвещением, ее содержание контролировалось консервативными властями. Более того, автором статьи «Ротшильд», впервые появившейся в издании 1827 г., был Фридрих фон Генц, секретарь Меттерниха. Положительный настрой статьи отражал растущее влияние Ротшильдов как на государственные финансы Австрии, так и на личные дела Генца. Статью в энциклопедии Ротшильды не просто одобрили, но и оплатили: перед публикацией Генц прочел ее вслух Леопольду фон Вертхаймштайну, одному из старших клерков Венского дома, а через десять дней получил «реальную награду» от самого Соломона фон Ротшильда.

Хотя в статье на четыре колонки Генц почти ничего не писал о жизни Ротшильдов во франкфуртском гетто – более того, Генц вообще ничего не писал об их вере, – он намекал на то, что они лишь недавно стали «величайшей из всех коммерческих компаний». Своим успехом, по его мнению, они были обязаны «усердию и набожности» Майера Амшеля... а также его «познаниям и испытанной честности». Пятеро сыновей Майера Амшеля восхвалялись за «разумную необходимость требований... щепетильность, с какой они исполняют свои обязанности... простоту и ясность их планов, и сообразительность, с какой они подходят ко всем действиям». Помимо их деловых качеств, Генц выделял «личную высоконравственность каждого из пяти братьев», называя ее «решающим фактором успеха их начинаний»: «Нетрудно создать партию для себя, когда человек настолько силен, чтобы привлечь многих к своей выгоде. Но для того, чтобы... сочетать поддержку всех сторон и... заслужить оценку великих и малых, требуется обладать не просто материальными средствами, но также и духовными качествами,

которые не всегда идут рука об руку с богатством и властью. Делать добрые дела повсеместно, никогда не отказывать в помощи нуждающимся, всегда охотно исполнять просьбы любого, кто просит о помощи, безотносительно к его классу, и оказывать самые важные услуги самым милосердным образом – благодаря таким средствам каждая из пяти ветвей семьи достигла истинной популярности, и не по расчету, а из естественной филантропии и доброты».

Конечно, в подобных высказываниях прослеживаются некие общие черты: в таких лестных выражениях писались панегирики богатым покровителям начиная с античных времен. Частным образом Генц высказывался более двусмысленно. Его первое замечание о Ротшильдах (в ответ на предложение, сделанное в 1818 г. его другом Адамом Мюллером, написать «заказной» очерк) было решительно двусмысленным. Да, соглашался Генц, Ротшильды представляют собой «яркий вид с собственными характерными чертами»; точнее, они – «обычные невежественные евреи, которые демонстрируют свое мастерство вполне естественным образом [то есть инстинктивно], понятия не имея о более возвышенных отношениях между вещами». С другой стороны, они также «одарены поразительным инстинктом, который всегда побуждает их выбирать то, что нужно, а из двух нужных вариантов наилучший». Их громадное богатство «стало всецело результатом их инстинкта, который публика склонна называть удачей». В части своих «Биографических заметок о Доме Ротшильдов», которые были опубликованы лишь после его смерти, Генц подробнее распространяется по этому последнему пункту – об отношениях между способностями («добродетелью») и обстоятельствами («удачей») в макиавеллиевском ключе: «Одну истину, хотя она и не вполне нова, как правило, трактуют неправильно. Слово «удача» применительно к истории знаменитых личностей или выдающихся семей лишается всякого смысла, если мы отваживаемся всецело отделить его в каждом случае от личных или выдающихся факторов. В жизни бывают такие обстоятельства и события, когда везение или невезение, удача или неудача могут сыграть определяющую, хотя и не исключительную, роль в судьбе человека. Однако продолжительный успех или постоянные неудачи... всегда можно приписать личной добродетели или личным недостаткам тех, кто благословен или проклят первым или вторым. Тем не менее для того, чтобы даже самые выдающиеся личные качества принесли плоды, иногда требуются исключительные обстоятельства и потрясающие мир события. Именно так учредили свои троны основатели династий, и именно так возвысился Дом Ротшильдов».

Читатели «Энциклопедии» Брокгауза были избавлены от таких во многом избитых философских размышлений. Вместо этого – в виде сноски, вставленной редактором Генца, – их снабдили специфическим и до тех пор не оглашавшимся эпизодом, призванным проиллюстрировать отношения между добродетелью и удачей, на которые намекал Генц: «Когда покойный курфюрст Гессенский вынужден был в 1806 г. бежать при приближении французов, его большое личное состояние едва не стало добычей Наполеона. Р. спас значительную его часть благодаря своим отваге и уму, хотя не без риска для себя, и добросовестно заботился об этом состоянии».

В издании 1836 г. историю дополнили подробностями. Выяснилось, что курфюрст «поручил Ротшильду возврат своих личных владений, стоимость которых приближалась ко многим миллионам гульденов. И только пожертвовав всем своим имуществом и пойдя на значительный личный риск, Ротшильд спас порученную ему собственность. Узнав, что все имущество Ротшильдов было конфисковано французами, ссыльный курфюрст решил, что и его имущество также утрачено. Более того, он даже не считал нужным осведомиться о его судьбе».

Однако курфюрст недооценивал добродетельного Майера Амшеля: «Когда положение вновь успокоилось, Ротшильд немедленно возобновил дела со спасенным имуществом... В 1813 г., когда курфюрст вернулся в свои владения, Дом Ротшильдов не только немедленно предложил вернуть крупные суммы, которые были ему доверены; курфюрсту также выплатили обычный процент начиная с того дня, когда суммы были переданы на хранение. Курфюрст,

изумленный таким образом честности и добросовестности, оставил фирме весь свой капитал еще на несколько лет и отказался от процентов за более ранний период, приняв низкие проценты только начиная со времени своего возвращения. Рекомендую Дом Ротшильдов [остальным. – *Лет.*], особенно на Венском конгрессе, курфюрст определенно очень помог Ротшильдам расширить их связи».

Такая рекомендация стала «решающим фактором в стремительном... развитии дела [Майера Амшеля]». История эта очень известна; ее очень часто повторяли и пересказывали, и сами Ротшильды охотно пропагандировали свой поступок. В 1834 г. Натан за ужином подарил запись этой истории члену парламента от либералов Томасу Фоуэллу Бакстону, а версия из издания Брокгауза 1836 г. была зачитана Карлом фон Ротшильдом и, возможно, дополнена подробностями гувернером его сыновей д-ром Шлеммером. Эта история даже стала темой двух небольших картин кисти Морица Даниэля Оппенгейма, которые семья заказала в 1861 г.

И все же Генц не считал спасение сокровищ курфюрста единственным объяснением последующего успеха Ротшильдов; он постарался разъяснить и методы, какими Ротшильды вели дела. «Успех всех великих операций, – пишет Генц, – не зависит единственно от выбора и использования подходящего момента, но гораздо больше от приложения сознательно принятых и основополагающих принципов». Помимо их «проницательного управления и выгодных обстоятельств», именно эти «принципы» позволили Ротшильдам во многом добиться успеха. Один из их принципов требовал, чтобы «пять братьев вели общие дела в нерушимом единстве [интересов]... любое предложение, откуда бы оно ни исходило, служило предметом коллективного обсуждения; каждая операция, даже не представляющая большой важности, проводилась по согласованному плану и объединенными усилиями; и каждый получал равную долю в ее результатах».

Как и в истории с сокровищами курфюрста, о принципе идеальной братской гармонии, скорее всего, рассказали сами братья. В 1817 г., когда они представили на рассмотрение рисунок герба (после того, как австрийский император пожаловал им дворянство), в четвертой четверти изображалась рука, держащая пять стрел, символ единства пяти братьев. Этот символ фирма «Н. М. Ротшильд и сыновья, Лимитед» использует на своей почтовой бумаге по сей день. Позже братья приняли девиз: *Concordia, integritas, industria* («Согласие, честность, трудолюбие»). Девиз призван был точно отражать добродетели, перечисленные в «Энциклопедии» Брокгауза.

Генц стал первым из многих, кто писал о Ротшильдах в крайне дружественных (если не льстивых) тонах. Наверное, самое лучшее и нежное описание Ротшильдов можно найти в романах Бенджамина Дизраэли, который близко познакомился с членами этой семьи (и, подобно Генцу, питал определенный интерес к их богатству). Например, в романе «Конингсби» (1844) прослеживается явное сходство Сидонии и Лайонела де Ротшильда (хотя и неполное). Так, говорится, что отец Сидонии нажил деньги во время Пиренейских войн; затем он «решил эмигрировать в Англию, с которой он, с течением времени, наладил прочные торговые связи. Он прибыл к нам после Парижского мира со своим огромным капиталом. Он все поставил на заем Ватерлоо; и это событие сделало его одним из богатейших капиталистов Европы». После войны Сидония и его братья ссужали деньги европейским государствам, и он «стал господином и повелителем мирового денежного рынка». Младший Сидония также обладает всеми необходимыми навыками банкира: он получил хорошее математическое образование и «свободно говорил на основных европейских языках». В «Танкреде» (1847) еврейка Ева, образ, явно навеянный Ротшильдами, спрашивает: «Кто самый богатый человек в Париже?» – на что Танкред отвечает: «По-моему, брат самого богатого человека в Лондоне». Они, разумеется, принадлежат к ее «расе и вере». Вероятно, персонажи Дизраэли, прообразами которых послужили Ротшильды, часто служат рупорами для выражения собственных, иногда весьма своеобразных, мыслей автора о месте евреев в современном мире: их ни в коем случае нельзя считать

«реалистичными» портретами конкретных представителей семьи Ротшильд. Тем не менее в портретах заметны индивидуальные черты, что делает романы Дизраэли ценной находкой для историка.

Другие «позитивные» изображения Ротшильдов в литературе не столь значительны. Так, в одной австрийской новелле 1850-х гг. Соломон фон Ротшильд изображается своего рода венским Санта-Клаусом: он помогает дочери плотника, которая хочет выйти замуж за талантливого, но бедного ученика своего богатого отца. Поздний образец того же жанра – рассказ Оскара Уайльда «Натурщик-миллионер» (1887), где по сюжету обедневшему молодому человеку помогает жениться на любимой девушке великодушный «барон Хаусберг». Такие сказки, в которых персонажи, навеянные Ротшильдами, рассыпают щедрые дары, нашли отражение и в некоторых популярных трудах XX в., посвященных Ротшильдам, особенно в книгах Балла, Рота, Мортонна, Коулса и Уилсона. Сознательно (и иногда избыточно) положительная тональность таких трудов видна даже из названий: «Роман о Ротшильдах», «Великолепные Ротшильды», «Семейный портрет», «Семья богачей», «Рассказ о богатстве и власти». Мюзикл 1969 г. о Майере Амшеле и его сыновьях представляет собой доведение такой льстивой тенденции до абсурда. Ранняя история семьи превратилась в сентиментальную сказочку о хороших еврейских мальчиках, которые преодолевают нищету и упадок бедных кварталов в городе на юге Германии; иными словами, настоящий кич.

И все же такие положительные отзывы составляют относительно малую часть мифологии о Ротшильдах. Более того, не будет преувеличением заметить, что на каждого автора, который хотел бы приписать хотя бы часть финансового успеха Ротшильдов их добродетелям, найдется два или три, которые придерживаются противоположной точки зрения.

Сначала, в 1820-е – 1830-е гг., нападать на Ротшильдов в печати было не так просто, как впоследствии, особенно в Германии; в числе прочих услуг, которые Фридрих Генц оказывал своим «друзьям», была рассылка в газеты вроде «Альгемайне цайтунг» инструкций с запретом критиковать Ротшильдов. Даже в 1843 г. радикальный республиканец Фридрих Штайнманн не сумел найти издателя для своего подробного и в высшей степени критического труда «Дом Ротшильдов, его история и операции». Книга вышла лишь через 15 лет. Самое большее – допускались намеки на расследования вроде того, что было опубликовано в 1826 г. немецким экономистом и журналистом Фридрихом Листом, в чем коротком репортаже о краже в Парижском доме Джеймс де Ротшильд нехотели назывался «могущественным господином и повелителем всего чеканного и нечеканного серебра и золота в Старом Свете, чьей копилке смиренно поклоняются короли и императоры, царем царей». Даже в относительно либеральной Англии Ротшильдов вначале критиковали лишь в аллегорическом смысле, как, например, на карикатуре Крукшенка «Еврей и врач». Иногда критика допускалась под эгидой парламентской привилегии, как в вышедшей в 1828 г. аллюзии Томаса Данкома «на новую и устрашающую власть, которую до сих пор не знала Европа; повелитель несметных богатств, [который] хвастает, что он является властителем мира и войны и что доверие стран зависит от кивка его головы».

Отнюдь не случайно первая критика Ротшильдов во Франции появилась на страницах литературных произведений. В повести «Банкирский дом Нусингена» (1837–1838) Бальзак изобразил плутоватого банкира, уроженца Германии, который нажил состояние благодаря череде фальшивых банкротств и вынуждал своих кредиторов принимать в возмещение обесцененные бумаги. Сходство властного, безжалостного и грубого Нусингена и Джеймса де Ротшильда слишком бросалось в глаза, чтобы быть просто совпадением. В романе «Блеск и нищета куртизанок» (1838–1847) Бальзак пришел к знаменитому выводу, который относится не только к его персонажу Нусингену, но и, косвенно, к Джеймсу: «...всякое состояние, быстро составленное, является делом случая, следствием открытия либо узаконенного воровства».

Возможно, также именно Бальзак сочинил или, по крайней мере, растиражировал одну из самых распространенных историй «антиротшильдовского» канона. В «Банкирском доме Нусингена» он описывает вторую по величине коммерческую операцию Нусингена: крупную спекуляцию на исходе сражения при Ватерлоо. Девять лет спустя эта история пересказывается в непристойном памфлете Жоржа Дарнвалья «Поучительная и любопытная история Ротшильда I, царя иудейского» (1846), где, в частности, написано, что, первым узнав о поражении Наполеона при Ватерлоо, Натан сумел заработать крупную сумму, спекулируя на фондовой бирже. В более поздних версиях той же истории утверждалось, что Натан сам был свидетелем сражения, с риском для жизни переправился через штормовой Ла-Манш и добрался до Лондона, опередив официальное известие о победе Веллингтона и таким образом прикарманив от 20 до 135 млн ф. ст. Другие приписывали ему подкуп французского генерала Груши, следствием чего стала победа Веллингтона; затем он же якобы намеренно исказил известия об исходе сражения в Лондоне, чтобы породить паническую продажу акций.

Конечно, современные писатели могут пересказывать легенду о Ватерлоо, иллюстрируя деловую хватку Натана, – более того, события тех лет в наши дни в основном помнят по этому историческому анекдоту. По признанию жившего позже американского банкира Барнарда Баруха, легенда побудила его заработать свой первый миллион. Однако мысль об огромной прибыли, полученной в результате спекуляции на основе новости, которую узнали раньше остальных, поражала воображение многих современников; более того, она заклеимила такого рода «безнравственную» и «нездоровую» экономическую деятельность, неприятную равно консерваторам и радикалам, когда они обсуждали фондовую биржу. Отказывая Гладстону в просьбе сделать Лайонела де Ротшильда пэром, королева Виктория прямо спросила, может ли человек, «который обязан своим огромным богатством ссудам, предоставленным иностранным государствам, или успешным спекуляциям на фондовой бирже, просить включить его в сословие пэров», поскольку ей это казалось «еще противнее, чем азартная игра, потому что делается в гигантском масштабе – и весьма далеко от законной торговли, к которой она относится с уважением...».

Пересказывая анекдот о Ватерлоо, современники часто подчеркивали и политический нейтралитет Ротшильда: подразумевалось, что в случае победы Наполеона Натан сыграл бы на понижении, а не на повышении, британских облигаций. Правда, некоторые авторы предпочитают считать эту спекуляцию свидетельством положительной поддержки коалиции против Наполеона. Особенно французские критики считают историю с Ватерлоо символом «непатриотичных» (иногда прогерманских, иногда пробританских) взглядов семьи. Как выразился Дарнваль, «Ротшильды всегда только выгадывали на наших катастрофах; когда Франция побеждала, Ротшильды проигрывали». То, что Ротшильды оказывали финансовую поддержку противникам Наполеона, могло равным образом считаться признаком их политического консерватизма. То же самое можно сказать и в связи с тем, что после 1815 г. они предоставляли займы Австрии, Пруссии и Франции Бурбонов. Более того, для радикальных противников династии Бурбонов, восстановленных во власти на Венском конгрессе, Ротшильды были овеяны дурной славой «главных союзников Священного Союза». Немецкий писатель Людвиг Бёрне считал их «худшими врагами государства. Они больше других подрывали основы свободы, и не подлежит сомнению, что большинство народов Европы к этому времени находились бы в полном обладании свободой, если бы такие люди, как Ротшильд... не оказывали тиранам поддержку своим капиталом».

Тем не менее не всегда легко подтвердить, что с политической точки зрения Ротшильды склонялись к консервативным режимам. Уже в 1823 г. в песни двенадцатой «Дон-Жуана» Байрон спрашивал: «Кто властвует на бирже? Кто царит / На всех великих сеймах и конгрессах?» – и отвечал: «Вы думаете – дух Наполеона? / Нет! Ротшильда и Беринга миллионы!» Самое главное здесь то, что Байрон усматривал влияние «Ротшильда» и на роялистские, и на либераль-

ные режимы; его власть распространялась даже на республики Латинской Америки. Еще до революций 1830 г. получила распространение мысль, что Ротшильды не просто банкротили легитимистские режимы; сознательно или бессознательно, они укрепляли собственную власть, которая соперничала с властью королей и императоров, а возможно, и затмевала ее. События 1830 г., когда во Франции свергли Карла X, а Джеймс де Ротшильд остался невредимым, как будто подтверждают намек на некую новую, финансовую, власть, которая важнее королевской. «Не будет ли величайшим благословением для мира, – язвительно спрашивает в 1832 г. Бёрне, – если всех королей прогонят, а на их троны сядет семья Ротшильд?» У. М. Теккерей шутил, что «Н. М. Ротшильд, эсквайр... играл с новыми королями, как девочки с куклами». Генрих Гейне описывал Натана, который сидит, как будто на троне, и говорит, «как король с придворными, которые его окружают». Та же точка зрения заметна у Гейне в описании детского бала-маскарада, устроенного Соломоном: «Дети были в нарядных маскарадных костюмах, и они играли в займы. Они были одеты как короли, с коронами на головах, а один мальчик постарше был одет точно как старый Натан Ротшильд. Он очень хорошо играл свою роль, держал руки в карманах брюк, брэнчал деньгами и злился, когда один из маленьких королей хотел взять у него займы...»

В другом месте Гейне подробнее анализировал двойственную природу власти Ротшильдов. Он признавал, что в какое-то время она поддерживала реакционные режимы, потому что «революции в целом вызываются нехваткой денег», а «система Ротшильдов... предотвращала такую нехватку». При этом Гейне утверждал, что «система» Ротшильдов также потенциально революционна сама по себе:

«Никто больше самих Ротшильдов так не способствует революции... и, хотя это может показаться еще более странным, эти Ротшильды, банкиры королей, эти величественные распорядители расходов, чье существование может подвергнуться серьезнейшей опасности из-за краха европейской государственной системы, тем не менее сознают... свою революционную миссию».

«Я вижу в Ротшильде, – продолжал он, – одного из величайших революционеров, создателей современной демократии: Ротшильд... уничтожил господство земли, приведя к верховной власти систему государственных облигаций и тем самым мобилизовав собственность и доход и в то же время наделив деньги привилегиями, которыми ранее обладала только земля. Тем самым он, правда, создал новую аристократию, но, поскольку она стоит на самом ненадежном фундаменте, на деньгах, она никогда не будет играть такую устойчиво регрессивную роль, как прежняя аристократия, корни которой находились в земельных владениях, в самой земле».

Ротшильды не только заменили собой старую аристократию; они также представляли новую материалистическую религию. «Деньги – бог нашего времени, – объявил Гейне в марте 1841 г., – и Ротшильд – пророк их».

Похоже, лучше всего революционное значение Ротшильдов демонстрировала их роль в развитии железных дорог. В 1843 г., после открытия финансируемых Ротшильдами железнодорожных линий, проложенных в Орлеан и Руан, Гейне с придыханием писал о «сотрясении» общества, последствия которого он считал непредвиденными. Впрочем, к тому времени в его отношении к крепнущей власти «правлящей денежной аристократии» и очевидному слиянию ее интересов с интересами старой земельной аристократии можно различить новую скептическую нотку. В 1840-е гг. все больше журналистов относились к Ротшильдам с неприкрытой враждебностью, гораздо большей, чем та, которую демонстрировал Гейне, находившийся в долгу у Ротшильдов (и надеявшийся, что так будет и дальше). Особенно резкую критику вызвало приобретение Джеймсом концессии по строительству железнодорожной ветки, связывавшей Париж и Бельгию. Так, книга Альфонса Туссенеля «Евреи, короли эпохи: история финансового феодализма» (1846) была в первую очередь направлена против финансовых условий, в соответствии с которыми предоставлялась концессия.

На одном уровне Туссенель был социалистом, впрочем, весьма своеобразным; он считал, что французская сеть железных дорог должна принадлежать государству и управляться им. Однако критика Ротшильдов-капиталистов была неразрывно связана с доводами об их еврейском происхождении. Францию «продали евреям», а железные дороги прямо или косвенно контролировались «бароном Ротшильдом, финансовым королем, евреем, которому пожаловал дворянство сам христианский король». Именно последний аспект книги Туссенеля вызвал больше всего подражателей. Вслед за Туссенелем анонимный автор «Суждения, направленного против Ротшильда и Жоржа Дарнвалля» уравнивал иудаизм и капитализм:

Джеймса он называл «евреем Ротшильдом, королем мира, потому что сегодня весь мир принадлежит евреям». Фамилия Ротшильд «обозначает всю расу – это символ власти, которая тянет лапы ко всей Европе». В то же время, «эксплуатируя все, что можно эксплуатировать», Ротшильды были просто «образцом всех буржуазных и коммерческих добродетелей». Хорошо известны связи подобных трактатов с тем, что позже получило название «марксизма». В своей печально известной статье 1844 г. «К еврейскому вопросу» сам Карл Маркс выразил свое отношение к «настоящим евреям», под которыми он имел в виду капиталистов, независимо от их религиозной принадлежности. После революционной волны 1848–1849 гг., когда Ротшильды как будто остались невредимы вместе с большинством временно сброшенных режимов, Марксу ясна была мораль: «...за каждым тираном стоит еврей, как за каждым папой – иезуит».

Правда, к 1850-м гг. Гейне сменил точку зрения. Если до того времени он считал Ротшильдов в каком-то смысле союзниками революционных перемен, то позже такое мнение не подтвердилось. Гейне начал критиковать Ротшильдов не только как защитников политического статус-кво, но также и как типичных капиталистов и потому эксплуататоров. Литераторы левого, революционного толка в 1840-е гг. чаще других уравнивали эти качества с их иудаизмом, хотя никто так и не объяснил, *почему* отношение евреев к экономической деятельности настолько отличается от отношения неевреев. Если мы хотим найти более или менее связное объяснение делового успеха Ротшильдов, следует обратиться к романам Дизраэли «Конингсби» и «Танкред», пусть их автор довольно странно и со ссылками на самого себя утверждает, будто своим успехом Ротшильды обязаны религии и расе.

Выделяли и другие отличительные признаки. Во Франции периода Второй империи некоторые современники проводили различия между Ротшильдами и другими евреями – между консервативными «высокими банками», олицетворением которых считались Ротшильды, и «новыми» банками, олицетворяемыми «Креди мобилье» (Credit Mobilier), основанным братьями Перейр, последователями Сен-Симона. Банк «Креди мобилье» изображался многими литераторами как главным образом политический вызов доминированию Ротшильдов в государственных финансах Франции. Так, Наполеон III призывал «освободиться» от опеки Ротшильдов. В отличие от многих откровенно антисемитских выпадов против Ротшильдов подобная аргументация оказалась более веской. «Креди мобилье» до сих пор иногда изображают революционным банком нового типа, который способствует индустриализации как эволюционной стратегии – в противовес «старым» и безоговорочно паразитическим частным банкам, возглавляемым Ротшильдами. Но современники, особенно финансист Жюль Исаак Мирес, иногда приписывали это различие в стиле разному культурному фону двух семей (братья Перейр были евреями-сефардами, чьи предки вышли из Испании, а Ротшильды – ашкенази). Другие ощущали различие в более традиционном политическом смысле: Ротшильды олицетворяли «денежную аристократию» и «финансовый феодализм», в то время как их конкуренты выступали за «финансовую демократию» и «экономический 1789 год». В этом смысле упадок и крах в 1860-е гг. «Креди мобилье» становился не просто событием в мире финансов: он стал предвестником краха самой Второй империи. Даже в современной историографии часто приводят знаменитую эпиграмму Джеймса: «Империя – это падение» (L'Empire, c'est la baisse). Его

слова часто называют погребальной песней бонапартистскому режиму и символом возрождения политического превосходства «высоких банков» во Франции.

Впрочем, даже после провозглашения республики в 1870 г. поток антиротшильдовской литературы во Франции не иссяк. Только нападали на них теперь справа, а не слева. Так, Гонкурам, братьям-литераторам, салонным снобам-консерваторам, Ротшильды казались «париями – королями мира... которые всего домогаются и всем владеют». Под завесой республиканских взглядов восстановили абсолютизм; однако то был продажный и чуждый абсолютизм, совсем не похожий на монархический и имперский режимы, существовавший ранее. Катализатором для новой волны публикаций, враждебных по отношению к Ротшильдам, послужил крах банка «Юнион женераль» (Union Generale) в 1882 г., в котором его владельцы с горечью обвиняли «еврейские финансы» и их союзников, «масонское правительство». Эмиль Золя в романе «Деньги» изобразил это событие победой персонажа по фамилии Гундерман, олицетворявшего Ротшильда, «короля банкиров, хозяина биржи и всего мира... человека, которому известны были все тайны, который повелевал повышением и понижением курса, как бог повелевает громом». Но Золя хотя бы признавал, что католики-антиевреи предпринимали сознательную попытку низвергнуть Гундермана. Потребовался извращенный ум Эдуара Дрюмона, который в своей книге «Еврейская Франция» (1886) утверждал, что сам банк «Юнион женераль» был основан евреями для того, чтобы лишать католиков их сбережений. «Бог Ротшильд, – писал в заключение Дрюмон, – вот истинный «хозяин» Франции». Еще одним поставщиком подобных пасквилей был Огюст Ширак, который в своих «Королях республики» (1883) и «Спекуляциях 1870–1884» (1887) провозглашал подчинение республики «королю по фамилии Ротшильд с куртизанкой или служанкой по имени «еврейские финансы».

Наверное, самое большое распространение подобные полемические выпады против социальной и политической власти, которой якобы обладали Ротшильды, получили во Франции, хотя такие взгляды находили сторонников повсюду. Например, в Германии на Ротшильдов нападали в таких книгах, как «Франкфуртские евреи и жульнический отъем состояния», опубликованной в 1880 г. издательством «Германикус», откровенно расистском памфлете Макса Бауэра «Бисмарк и Ротшильд» (1891) или в «Истории Дома Ротшильдов» Фридриха фон Шерба (1893). Такие труды находили отклик в риторике антисемитских «народной» и «христианско-социальной» партий, добившихся скромного успеха на выборах в отдельных частях Германии и Австрии. Не гнушались подобными выпадами и социал-демократы. Более того, представление о власти Ротшильдов стало таким всеобъемлющим, что даже уважаемый в ученых кругах (хотя с тех пор дискредитированный) Вернер Зомбарт в своей книге «Евреи и экономическая жизнь» (1911) признавал: «Современная фондовая биржа является ротшильдовской (и потому еврейской)».

Можно найти подобные примеры и в Англии. Там, как и в континентальной Европе, «антиротшильдовские настроения» чаще встречались у левых, чем у правых. Хорошим примером служит книга Джона Ривза «Ротшильды: финансовые правители государств» (1887), в которой автор приходит к типичному выводу: «Ротшильды не принадлежат ни к одной национальности, они космополиты... они не принадлежали ни к одной партии, они были готовы богатеть равным образом за счет друга и врага».

Довод Ривза о том, что Ротшильды захватили политическую власть не только внутри страны, но и во всем мире, был отнюдь не нов. Еще в 1830-е гг. в одном американском журнале появился такой перл: «Ни один кабинет министров пальцем не шевельнет без их советов. Их руки без труда протягиваются от Петербурга до Вены, от Вены до Парижа, от Парижа до Лондона, от Лондона до Вашингтона». По мнению англичанина Томаса Рейкса, современника Ротшильдов, который вел дневник, они были «металлическими монархами Европы». Александр Вейль в своем очерке «Ротшильды и европейские финансы» (1841) заходит еще дальше (в переводе Ривза):

«В Европе есть только одна власть, и эта власть – Ротшильд. Его спутники – дюжина других банкирских домов; его солдаты, его оруженосцы, соответственно, – все дельцы и купцы; а его меч – спекуляция. Ротшильд – следствие, которое неизбежно должно было появиться; и, если бы не Ротшильд, на его месте был бы другой. Впрочем, его ни в коей мере нельзя назвать случайным последствием; он – главное последствие, вызванное к жизни принципами, которые руководят европейскими государствами с 1815 года. Ротшильду, для того чтобы стать Ротшильдом, нужны были эти государства, в то время как государствам, с их стороны, требовался Ротшильд. Однако сейчас Ротшильду больше не нужно Государство, хотя Государство по-прежнему испытывает в нем нужду».

В 1845 г. один анонимный немецкий карикатурист выразил по сути ту же точку зрения, хотя и более наглядно: он изобразил гротескного еврея, за которым явно угадывается Ротшильд, в виде «всеобщего насоса», чудовищного механизма, который выкачивает деньги по всему миру, а его щупальца дотянулись даже до Испании и Египта, где управляют монархами и министрами. Похожий образ появился в «Мефистофеле» Вильгельма Марра в 1850 г., где Ротшильд изображен в окружении европейских королей, и все протягивают к нему руки за деньгами. В 1870 г. Лайонела изобразили в том же виде в «Периоде». Двадцать четыре года спустя американский популист Харви по прозвищу «Монета» изображал Ротшильдов в виде огромного черного осьминога, протянувшего свои щупальца по всему миру. Французский карикатурист Леандр также изображал Альфонса де Ротшильда в виде огромного вампира, сжимающего в своих когтях весь мир.

И все же без ответа остается главный вопрос. Как Ротшильды *пользовались* своей огромной финансовой властью? Была ли она их конечной целью, результатом патологической жадности к процентам и комиссиям? Наверное, чаще всего современники Ротшильдов считали, что власть позволяла Ротшильдам предотвращать войны. Еще в 1828 г. князь Пюклер-Мускау писал о «Ротшильде... без кого ни одно государство в Европе сегодня, как кажется, не в состоянии вести войну». Три года спустя Людвиг Бёрне недвусмысленно доказал, что продажа Ротшильдом облигаций австрийского государственного займа не позволила Меттерниху провести интервенцию и помешать расползанию революции в Италии и Бельгии. Кроме того, Бёрне намекал, что Ротшильды способны были добиться от Франции более миролюбивой политики по отношению к Австрии. Сходные утверждения делали и видные политики, например австрийский дипломат граф Прокеш фон Остен в декабре 1830 г.: «Все это вопрос способов и средств, и то, что говорит Ротшильд, имеет решающее значение, а он не даст денег на войну». После польского кризиса 1863 г. Дизраэли заявил, что «мир во всем мире сохранили не государственные деятели, а капиталисты». Даже враждебный Ротшильдам Туссенель придерживался той же точки зрения: «Евреи *спекулируют на мире*, то есть на подъеме, и это объясняет, почему мир в Европе длится уже пятнадцать лет». Позднейшие авторы время от времени придерживались сходной точки зрения. Ширак утверждал, что цитирует Ротшильда, который якобы говорил: «Войны не будет, потому что Ротшильды ее не хотят». По мнению Мортон, пять сыновей Майера Амшеля были «самыми воинствующими пацифистами всех времен и народов». И мало кто не вспоминает исторический анекдот, в котором Гутле Ротшильд якобы заявляет: «До войны дело не дойдет; мои сыновья не дадут на нее денег».

Современным читателям ясно без доказательств, что избежание войны – дело хорошее, даже если мы сомневаемся в способности банкиров предотвратить войну. Однако в эпоху военных конфликтов, которые начались с Крымской войны и закончились Франкопрусской войной, часто находились те, кто ставил под сомнение мотивы, по которым Ротшильды стремились к сохранению мира. Во время войны за объединение Италии, которой, как считается, Ротшильды всеми силами пытались избежать, граф Шафтсбери считал «странным, страшным, унижительным», что «судьбы этой страны служат развлечением нечестивого еврея!». Во время Гражданской войны в США на Севере нападкам подвергался нью-йоркский агент Ротшиль-

дов Огаст Белмонт, потому что он высказывался в пользу мирных переговоров с Югом, а в 1864 г. поддерживал назначение генерала Джорджа Маклеллана кандидатом от Демократической партии. Точно так же раздражение прусского правительства вызывали попытки Ротшильдов избежать военного конфликта в ходе «объединительных войн», когда этого активно желал Бисмарк. Такую же критику «пацифизма» Ротшильдов можно найти в дипломатической и политической переписке великих держав на рубеже XIX и XX вв. В качестве примера окончательного враждебного выпада можно привести слова иностранного редактора (позже редактора) «Таймс» Генри Уикема Стида, который называл попытки Натти избежать войны между Германией и Великобританией в июле 1914 г. «грязной попыткой международных немецко-еврейских финансистов шантажом вынудить нас отстаивать нейтралитет».

Впрочем, другие комментаторы – как слева, так и справа – часто придерживались противоположной точки зрения: они утверждали, что Ротшильды откровенно провоцировали войны. В 1891 г. в газете «Профсоюзный лидер» Ротшильдов называли «бандой кровопийц, ставших причиной неслыханного ущерба и страданий в Европе в течение нынешнего столетия, которые накопили свое огромное богатство, главным образом провоцируя войны между государствами, которые в противном случае никогда бы не поссорились. Стоит где-нибудь в Европе случиться беспорядкам, когда повсюду циркулируют слухи о войне и души переполняет страх перемен и бедствий, можете быть уверены, что где-то неподалеку от места беспорядков маячит Ротшильд с крючковатым носом».

Ту же самую мысль, но более изощренно излагал тяготеющий к левым взглядам либерал Дж. А. Гобсон, автор классического труда «Империализм» (1902). Подобно многим радикальным литераторам того времени, Гобсон считал, что Англо-бурскую войну развязала «небольшая группа международных финансистов, главным образом выходцев из Германии, представителей еврейской расы». Ротшильды, по его мнению, были центральными фигурами в этой группе: «Неужели кто-то всерьез полагает, – спрашивает он в «Империализме», – что какое-либо европейское государство способно вести большую войну или открыть подписку на крупный государственный заем, если против этого выступают Дом Ротшильдов или его клиенты?» Шерб излагает во многом ту же точку зрения в своей «Истории», только с позиций немецкого национализма: «Дом Ротшильдов возвысился из ссор между государствами, стал великим и могущественным из-за войн, а несчастья государств и народов составили его состояние».

Война или мир? Существует, впрочем, еще одна версия: что Ротшильды считали свою финансовую власть средством для защиты интересов своих единоверцев. Для бедных евреев по всей Европе необычайное возвышение Натана Ротшильда и его богатство обладали почти мистической важностью – отсюда легенда о «еврейском талисмане», магическом источнике его удачи, который неразрывно связан с Ротшильдом в еврейском фольклоре. Судя по этой необычайной истории, один вариант которой был опубликован анонимным автором в Лондоне всего через четыре года после смерти Натана Ротшильда, источником финансового успеха Натана служил находящийся в его владении волшебный талисман. Его богатство было на самом деле предназначено для высшей цели: «отомстить за беды, причиненные Израилю», обеспечив «восстановление Иудейского царства – отстроить твои башни, о, Иерусалим!» и «возвращение Иудеи нашей древней расе».

Мнение, что Ротшильды собирались вернуть Святую землю еврейскому народу, можно встретить и в более серьезных трудах. Еще в 1830 г. один американский журнал предполагал, что «небольшие финансовые затруднения» могут вынудить султана продать Иерусалим Ротшильдам. Французский социалист Шарль Фурье пишет о такой возможности в своей книге «Ложная промышленность» (1836). И Дизраэли в 1851 г. говорил о том, что евреи «возвращаются... на свою землю» на деньги Ротшильдов. Ту же мысль можно найти в народных сказках из российской черты оседлости, например «Царь в замке Ротшильдов».

Другой возможностью (о которой также упоминается в сказке) было то, что Ротшильды могли воспользоваться своей финансовой властью, чтобы заставить царя прекратить преследования российских евреев. Это иллюстрировало выбор, над которым приходилось размышлять восточноевропейским евреям весь XIX в.: эмигрировать ли в далекую «Землю обетованную» или оставаться и требовать равенства перед законом? В начале XIX в. перед западноевропейскими евреями стояла та же дилемма. Что важно, автор «Еврейского талисмана» в конце своего трактата обвиняет Натана в том, что тот предпочел удобство социальной ассимиляции в Англии суровым условиям его священной миссии. Более того, он утверждал, что смерть Натана стала результатом его решения искать политической эмансипации в Англии – и звания пэра для себя, – а не продолжать бороться за возвращение евреям Иерусалима.

Центральная дилемма, стоявшая перед Ротшильдами, заключается в следующем: в силу их богатства другие евреи ждали от них руководства в стремлении к равным гражданским и политическим правам. Как мы увидим, такое руководство проявлялось со сравнительно раннего этапа, начиная с попыток Майера Амшеля добиться гражданских прав для франкфуртских евреев в эпоху Наполеоновских войн, и продолжалось кампанией его внука Лайонела за право допуска евреев в палату общин в 1840-е – 1850-е гг. Такая стратегия хорошо подходила Ротшильдам; она сочеталась с их собственными, внутрисемейными планами проникновения в общественную и политическую элиту, где они жили, не меняя религии; кроме того, она позволяла им делать добрые дела на благо своих «единоверцев», в то же время приобретая в глазах других евреев «квазикоролевский» статус. Однако, чем больше Ротшильды стремились к эмансипации евреев как к международной цели – вмешиваясь от имени еврейских общин в дела Сирии, Румынии, России, а также тех стран, где жили они сами, – тем больше поощряли заявления антисемитов о том, что евреи – раса космополитов, не привязанных ни к какой стране. В то же время, когда другие евреи, потеряв надежду ассимилироваться, начали требовать возвращения в Святую землю в том или ином качестве, позиция Ротшильдов оказалась еще больше скомпрометированной: они сами не имели никакого желания покидать свои похожие на дворцы городские и сельские резиденции ради бесплодной Палестины. Их враги-антисемиты радостно потирали руки. На враждебных карикатурах 1840-х – 1890-х гг. Ротшильдов изображали в толпе евреев, покидающих Германию и отбывающих в Святую землю, – они путешествовали первым классом и все же уезжали. Комментируя кампанию Лайонела за допуск евреев в палату общин, Томас Карлайл спрашивал: «Как истинный еврей, по самой сути своей, может пытаться стать сенатором или даже гражданином любой страны, кроме собственной несчастной Палестины, куда должны быть направлены все его мысли, шаги и усилия?»

Таким в общем и целом был довод (хотя и не язык) первых сионистов, таких как Теодор Герцль, которые пришли к выводу, что единственным «решением еврейского вопроса» может стать отъезд всех евреев из Европы и основание собственного еврейского государства. Герцль предпринял ряд попыток заручиться поддержкой Ротшильдов, считая, что они вот-вот «ликвидируют» свой огромный капитал в ответ на антисемитские нападки. Но его обращение «к семейному совету Ротшильдов» на 66 страницах так и не было отослано, поскольку после Первой отповеди Герцль решил, что они «вульгарные, высокомерные, эгоистичные люди». Позже он называл Ротшильдов «национальным бедствием для евреев»; он даже угрожал «ликвидировать» их или развязать против них «варварскую кампанию», если они пойдут против него.

Если даже сионист в 1890-е гг. мог выражаться таким языком, неудивительно, что так же выражались радикальные антисемиты, процветавшие в побежденных государствах Центральной Европы после Первой мировой войны, хотя и с совершенно другими обоснованиями. Более того, наверное, самой любопытной чертой ранней национал-социалистической, шовинистической пропаганды против Ротшильдов является именно отсутствие оригинальности. Неплохим примером может служить обращение Дитриха Экарта «Ко всем рабочим» (1919):

«Дому Ротшильдов принадлежит 40 миллиардов! <...> [Им] нужно лишь применять их богатство, выгодно его размещать, им не нужно трудиться – во всяком случае, в том смысле, в каком «труд» понимаем мы. Но кто обеспечивает их и их семьи таким огромным количеством денег? <...> Кто делает это? Вы, никто, кроме вас! Совершенно верно, это ваши деньги, заработанные трудами, путем лишений и экономии, деньги, которые словно магнитом притягивает в сундуки этих ненасытных людей».

Подобные призывы не слишком отличались от того, что говорили радикалы во Франции и в Германии начиная с 1840-х гг. Еще одним национал-социалистом, считавшим Ротшильдов образцом «еврейского вопроса», который он обещал «решить», был Гитлер. Так, в статье, опубликованной в мае 1921 г. в нацистской «Фёлькише беобахтер», он называл их представителями группы еврейских «капиталистов», которые управляли социалистической прессой. В 1922 г. он не менее двух раз произносил речи, в которых ссылаясь на «существенную разницу между достижениями такого человека, как Альфред Крупп, который увековечил свои огромные достижения путем неустанного новаторского труда, и ненасытностью Ротшильда, который финансировал войны, революции и загонял целые народы в процентное рабство путем займов». Сходную точку зрения высказывал и Розенберг в книге «Миф двадцатого века».

Неслучайно Гитлер употреблял прошедшее время; к 1920-м гг. во Франкфурте уже не было банка Ротшильдов, и даже три оставшихся банкирских дома Ротшильдов в Лондоне, Париже и Вене перестали играть главную роль в экономике Германии. Однако это не помешало нацистам после прихода к власти неоднократно делать Ротшильдов целью своей антисемитской пропаганды: старые мифы вытащили со свалки и дополнили новыми подробностями, чтобы продемонстрировать различные расовые характерные черты, которые были так противны Гитлеру. Например, в пьесе Эберхарда Мюллера «Ротшильд побеждает при Ватерлоо» (1936) Натан на поле сражения произносит такие слова: «Мои деньги повсюду, и мои деньги дружелюбны. Это самая дружелюбная власть в мире, она толстая, круглая, как пуля, и улыбается»; «Мое отечество – лондонская фондовая биржа»; «Богатство Англии в моих руках». Сходные темы пользовались популярностью и в мае 1938 г., когда антиеврейскую выставку Ю. Штрейхера послали в Вену. Один зал был посвящен исключительно Дому Ротшильдов. В позднейшей версии, которую привезли во Франкфурт, экспонировали поддельные «факсимильные письма», написанные Майером Амшелем «одному английскому банкиру». В письмах Майер Амшель якобы объяснял, «как он собирался разослать своих пятерых сыновей по всей Европе с целью захватить всю нееврейскую торговлю и финансы».

Кульминацией нацистской антиротшильдовской пропаганды стал фильм Э. Вашнека «Ротшильды», который вышел на экраны в июле 1940 г., а затем переснят и после доработки вышел год спустя с подзаголовком «Акции на Ватерлоо». Он стал одним из трех фильмов, призванных подготовить население Германии к более жестким мерам, направленным против евреев; наряду с ним демонстрировали фильм «Еврей Зюсс» и печально известный «документальный» фильм «Вечный жид». Правда, легенда о Ватерлоо поначалу вызвала замешательство в министерстве пропаганды, поскольку тогда там еще не знали, как им «правильно» вести себя с Великобританией. В то время как некоторые англичане (Веллингтон и «министр финансов» Херрис) изображаются продажными и нравственными уродами, другие, особенно банкир «Тернер» и его жена-ирландка, изображаются вполне сочувственно, как жертвы махинаций Ротшильдов. Впрочем, сами Ротшильды изображены вполне недвусмысленно, что доказывает синопсис, составленный союзниками после войны:

«В 1806 г. «ландграф» Гессенский, убегая от Наполеона, вынужден кому-то отдать на хранение свое состояние в 6 млн ф. ст. Он отдает деньги еврею-банкиру из Франкфурта, Майеру Амшелю Ротшильду. Злоупотребление его деньгами становится фундаментом власти Ротшильдов. Амшель Ротшильд посылает деньги своему сыну Натану, которого не уважают конкуренты. Но Натан безжалостно обманывает их всех. С помощью своего брата из Парижа он

передает деньги Веллингтону в Испанию – Натан должен первым узнать новость, что Наполеон бежал с острова Эльба; он единственный ставит все свое состояние на возвращение Людовика Орлеанского [так!]. В обществе он становится посмешищем – никто не воспринимает его всерьез, кроме его еврейских наймитов и министерства финансов Великобритании. «Лорда» Веллингтона снова посылают сражаться с Наполеоном. У него почти нет времени подготовиться к войне – все его время отнимают дамы! Зато ему (как и Фуше в Париже) вполне хватает времени на то, чтобы совещаться с Ротшильдом, который намекает, что Веллингтон будет щедро вознагражден, если Ротшильд первым узнает об исходе сражения. Как только Ротшильд узнает, что Наполеон побежден, он распространяет весть о поражении англичан. За этим следует паника – все продают государственные облигации. Их скупает Ротшильд. Бедняки теряют свои деньги. Немногие уважаемые богатые англичане (один из них изображен вполне порядочным благодаря тому, что женат на ирландке!) теряют все свое имущество. Звезда Давида нависает над Англией – над той частью мира, с которой сражается нацистская Германия».

Налицо все темы нацистского антисемитизма. Евреи не хранят верность тем странам, где они живут, и просто хотят нажиться на страданиях остальных: «Много денег можно нажить только большой кровью!» – говорит Майер Амшель (Эрих Понто) Натану (Карл Кульман). Под их руководством «международное еврейство» занимается «гигантскими спекуляциями», в то время как «солдаты истекают кровью на полях сражений». Евреи физически выглядят по-другому; они вызывают отвращение: Майер Амшель ходит в кафтане и с браслетами, а его жирный сын питает преувеличенное вожделение к жене своего соперника-арийца – характерный для Геббельса штрих. Несмотря на то что министру пропаганды фильм не понравился, он пользовался относительной популярностью: тайная полиция докладывала о большом воодушевлении во время первых показов в Берлине и окрестностях. Как сообщалось, фильм собирал полные залы в оккупированной Франции. Когда в январе 1945 г. один британский военнопленный листал немецкую газету, он был так поражен, найдя вариант этой истории на первой полосе, что перевел ее и взял с собой на родину после того, как окончилась война.

Поучительно сравнить фильм Вашнека с его американским предтечей и образцом, «Дом Ротшильдов», поставленным Дэррилом Зануком в 1934 г., в котором обе главные роли, Майера Амшеля и Натана, исполнял Джордж Арлисс. В более раннем фильме Ротшильды изображены сочувственно: их путь «из грязи в князи» – вариант «американской мечты» (дополненный здоровым романом между дочерью Ротшильда и отважным молодым британским офицером, который привозит весть о победе при Ватерлоо). В то же время препятствия, с которыми они сталкиваются, зловещий прусский министр барон Ледранц (Борис Карлофф) и мятежная толпа во Франкфурте, – намекают на тогдашние события в Германии. Однако даже в американском фильме история Ротшильдов представлена по большей части в виде мифа, и многое там можно истолковать не в таком сочувственном свете. Майер Амшель, хотя и симпатичный старик с искорками в глазах, который устраивает утренники для детей, все равно вынашивает планы мирового господства. Более того, местами два фильма похожи на точные копии друг друга. В фильме Вашнека Натан рисует карту Европы, чтобы показать центры власти Ротшильдов, а также их родословное древо, которое, когда ветви соединяются, образует звезду Давида; затем пылающая звезда накладывается на карту Англии с сопровождающими титрами: «В то время как снимается этот фильм, последние члены семьи Ротшильд покидают Европу как беженцы и спасаются у своих союзников в Англии. Битва против британской плутократии продолжается!» В фильме Занука использован очень похожий образный ряд: на смертном одре Майер Амшель велит пяти сыновьям ехать в разные европейские города. Затем эти города высвечиваются на карте, на которую снова накладывается звезда Давида. Однако заключительная фраза фильма подчеркивает параллель между нацистской антиеврейской политикой и антисемитскими погромами против франкфуртских евреев в 1918 г. По сути два фильма рассказывают об одном и том же, хотя и в разном ключе.

Такое двуликое изображение Ротшильдов в кино симптоматично и указывает на более общую двусмысленность. Все существующие легенды, связанные с Ротшильдами, можно считать единым мифом – мифом об огромном богатстве; о стремительном взлете по социальной лестнице; о безграничной политической и дипломатической власти; и о каком-то таинственном последнем доводе, который имеет отношение к религии семьи. Обычно миф пересказывают в пренебрежительном тоне: богатство нажито несправедливым путем, проникнуть в высшее общество не удалось, власть основана на коррупции, а цели зловещи. Однако равным образом его можно рассказывать в голливудском стиле, как сказку об экономических сверхдостижениях, общественном успехе, законной власти и нравственности. Другие темы, которые активно использовались в нацистской пропаганде, разумеется, с тех пор стали табу – в некоторых странах они даже преследуются по закону. Но двусмысленность мифа о Ротшильдах как будто гарантирует его постоянное воспроизводство и модификацию. Последнее ярче всего проявилось во Франции. Отдельные номера сатирического журнала «Крапуйо», выходившие в 1951 г., были несомненно антисемитскими; в них перепечатывались статьи (и карикатуры) из праворадикальной литературы XIX в. Впрочем, отдельные «гранды», которым доставалось на страницах журнала, евреями не были и в целом тон статей был сравнительно умеренным. Как показывает работа таких писателей, как Костон и Пейрефитт, в атмосфере Четвертой республики возможно было повторять более или менее дословно старые легенды о «200 семьях, которые правят Францией», лишь слегка меняя интонацию. Что характерно, в апреле 1962 г., когда премьер-министром (а позже, в 1969 г., президентом) стал бывший директор банка «Братья де Ротшильд» Жорж Помпиду, журнал «Канар ан-шене» прокомментировал назначение просто: «Теперь Французская Республика равна братьям Ротшильд». Впрочем, такие же отголоски легенды о Ротшильдах можно отыскать и в британской прессе. В 1980-е гг. кое-кто позволял себе враждебные выпады исходя из того, что ряд политиков-консерваторов работали в банке «Н. М. Ротшильд и сыновья» либо до, либо после назначения на политические посты, в то время когда банк проводил ряд крупных операций по приватизации. Глава теневого кабинета министров от партии лейбористов Рой Хаттерсли дошел до того, что усматривал «взаимосвязь вклада в партию тори и получение должностей в правительстве» после первой проведенной Ротшильдами приватизации, – позже он вынужден был отозвать свое утверждение.

Однако нигде миф о Ротшильдах не повторяется с такой пылкостью, граничащей с безумием, как в писаниях Дэвида Айка, в прошлом члена партии «зеленых», который стал поповедником «религии нового века». Аик называет Ротшильдов членами «всемирной элиты или братства», которое называется также «культом всевидящего ока», а также «надсмотрщиками», которые тайно управляют миром. Начиная с времен Майера Амшеля они «манипулируют правительствами и работают с помощью сети своего братства, порождая войны и революции». Они – тайная власть, которая «правит» другими известными банками, такими как банки Варбургов, Шродеров и Лазардов, а также «стоят» за такими американскими финансистами, как Дж. П. Морган, Рокфеллеры, Кун, Лёб и К^о («очевидный фронт Ротшильдов»), Спейеры и Леманы – не говоря уже об Английском банке и Федеральной резервной системе. Через свою всемирную сеть они, среди прочего, инспирировали следующие события: убийство Авраама Линкольна; Англо-бурскую войну; создание Израиля (первый шаг к контролю над ближневосточной нефтью); революцию в России («удачный удар по России посредством Соединенных Штатов, финансовой руки всемирной элиты, во многом управляемой Ротшильдами»); финансирование Гитлера... И даже плавающий курс доллара при президенте Никсоне – их рук дело. Сегодня, утверждает Аик, Ротшильды и их помощники из консервативной партии и прессы замышляют монополизировать всемирные запасы энергии – отсюда их интерес к приватизации электричества, угля и газа.

Беглые поиски в Интернете открывают изобилие таких же странных теорий заговора. «Очерк корпоративного и банковского влияния» Дона Аллена призван доказать «линейную

связь» между Ротшильдами, Английским банком и Федеральной резервной системой. В «Альбионик Рисерч Уикли» Джеймс Доэрти утверждает, что опознал «всемирный денежный картель» или «Империю Сити», которые действуют в интересах «короны» посредством «легендарных» торговых банкиров Английского банка, в том числе Варбургов, Ротшильдов и Бэрингов. В «Письменах для Америки» приводится более изощренная версия утверждений Айка об экономическом обосновании, стоящем за поддержкой Ротшильдами сионизма, «единственной целью» которого, очевидно, является «обеспечение постоянного и безопасного доступа к обширным природным ресурсам на Дальнем Востоке». В том же духе написана и «Нация заговора» Шермана Г. Скольника. Там повторяется утверждение, что Ротшильды «организовали убийство президента Линкольна», поскольку его «послевоенная политика должна была положить конец их спекуляциям». Кроме того, Скольник повторяет, что «Ротшильды... финансировали приход Гитлера к власти как бастион против Советского Союза», добавив в виде «разъяснения», что «Ротшильды тесно сплетены с католической церковью и, совместно с традиционной мафией и американским ЦРУ, стакнулись с Банком Ватикана, который занимал пронацистскую позицию».

Такие сюрреалистические пасквилы не ограничиваются Интернетом. В книге телепроповедника и политика-республиканца Пата Робертсона «Новый мировой порядок», вышедшей в 1991 г., утверждается, что Ротшильды «запятнали себя оккультизмом... просвещенного масонства» и что «Пол Варбург, создатель Федеральной резервной системы, был агентом Ротшильдов». Выходец из совершенно другой политической среды, Халид Мухаммад – бывший помощник Луиса Фаррахана, лидера радикальной афроамериканской организации «Нация ислама» – повторяет предположение, что «Ротшильды... финансировали Гитлера» и «помогали» в его антисемитской политике; так же как – ну, разумеется! – «приобрести контроль» над Английским банком и Федеральной резервной системой. Можно подумать, что серьезная история банка должна всячески избегать ссылок на такого рода чушь. Однако невозможно проводить всестороннее научное исследование предмета, беззаботно делая вид, будто таких мифов не существует.

IV

Таким образом, отчасти целью данной книги является замена мифологии о Ротшильдах исторической реальностью, насколько возможно «реконструировать» ее из существующих документальных источников. Некоторые читатели наверняка зададутся вопросом, почему этого не сделали раньше. В самом деле, почему лишь крошечная доля книг, посвященных Ротшильдам, на самом деле основана на серьезных архивных исследованиях? С одной стороны, богатые и успешные семьи часто обращаются к помощи наемных писателей, которые стремятся заработать деньги, в который раз пересказывая старые, уже вышедшие в тираж мифы и анекдоты. Еще одна причина – в том, что до недавнего времени было совсем непросто получить доступ к соответствующим документам. К сожалению, обширный архив Франкфуртского дома, в который входило также все, что сохранилось от Неаполитанского дома, был уничтожен в 1912 г., за исключением немногочисленных ранних документов, пересланных в Париж⁴. Часть архива Венского дома в 1938 г. конфисковали нацисты; в конце войны архив оказался в руках советских властей вместе с различными бумагами, принадлежащими членам французской ветви семьи, захваченными в годы немецкой оккупации. Эти материалы в годы холодной войны были похоронены в московском «трофейном» архиве КГБ и лишь в 1990 г. стали доступны зарубежным исследователям в Центре хранения историко-документальных коллекций⁵. Когда граф Корти в 1927–1928 гг. писал свой двухтомный труд о «возвышении» и «правлении» Ротшильдов, ему приходилось полагаться главным образом на австрийский государ-

ственный архив и опубликованную переписку, мемуары и дневники политиков XIX в. Архив Лондонского дома до 1978 г., как правило, оставался закрытым для ученых, хотя члены семьи и такие близкие к ним люди, как Люсьен Вольф, пользовались находившимися там документами для написания ряда важных монографий.

С другой стороны, архив Французского дома – основа монументального двухтомного труда Бертрана Жилля, опубликованного в 1960-е гг., – после национализации в 1981 г. банка Ротшильдов находится в Национальном архиве. Учитывая богатство материала, которое находилось в Париже и Лондоне после того, как семья ослабила ограничения, странно, как мало с тех пор проводилось серьезных исследований. В основном социальная и политическая история английской ветви династии и горстка статей и монографий на довольно узкие темы служит сравнительно малым урожаем для таких важных – более того, во многом уникальных – документальных коллекций. Даже том очерков «Ротшильды: европейская семья», написанный к выставке 1994–1995 гг., прошедшей с большим успехом в Еврейском музее Франкфурта, содержит довольно мало произведений, основанных на новых архивных исследованиях. Книга Полин Превост-Марсийяси, посвященная архитектуре Ротшильдов, – единственная на сегодняшний день книга, автор которой успешно воспользовалась всеми главными документальными коллекциями Ротшильдов в Лондоне, Париже и Москве.

Впрочем, можно привести еще одно объяснение такому малому количеству научных трудов. Оно заключается в обширности материалов. Архивы содержат поистине огромное количество писем и документов. «Мы, Ротшильды, – закоснелые писаки, – напоминала Шарлотта де Ротшильд своим детям в 1874 г., – и жить не можем без писания и получения писем». Что правда, то правда! Самыми важными в лондонском архиве являются так называемые «личные письма» (серии XI/109), переписка между партнерами банка в период 1812–1898 гг. Эти письма занимают 135 коробок. Из них я ссылаюсь в тексте примерно на пять тысяч. (Для сравнения, в базе данных писем из всех архивов, которую полностью или частично цитировали я и мои помощники, содержится около 13 тысяч статей.) Частота личной переписки – ее можно считать личной в том смысле, что, за немногими исключениями, с их содержанием были знакомы лишь отправители, адресаты и иногда клерки-переписчики, – значительно варьировалась в зависимости от объема операций, политических новостей, количества партнеров в различных отделениях и времени года. Иногда партнеры в Париже в спокойную неделю отправляли всего по два-три письма; но на пике активности три партнера могли писать по одному-два письма в день. Вот простой пример: в марте 1848 г. лондонские партнеры получили по меньшей мере 60 важных частных писем от своих партнеров на континенте. Такие письма часто бывали весьма пространными. В первые годы существования компании Амшель и Соломон имели обыкновение писать братьям по пять-шесть раз в неделю. В их посланиях политические новости, финансовые сведения, деловые запросы и ответы перемежались семейными сплетнями и личными жалобами. Можно сказать, что тогдашние письма заменяли телефонные переговоры: в них часто содержатся сведения такого рода, которые нынешние бизнесмены редко доверяют бумаге. Кроме того, следует подчеркнуть, что письма Ротшильдов были нетипичными по меркам XIX в. Во-первых, поскольку партнеры, как правило, находились не так далеко друг от друга в географическом смысле, немногие конкуренты Ротшильдов переписывались таким образом на регулярной основе. Маловероятно, чтобы сравнимые по объему связки писем хранились в архивах других банков. Во-вторых, благодаря прочным семейным связям в личных письмах, как правило, содержатся самые важные и надежные политические сведения. В 1840-х гг. Джеймс не преувеличивал, уверяя, что он может «ежедневно» видеться с королем Луи-Филиппом: во времена политических кризисов именно так и было. Его письма в Лондон, которые я цитирую довольно часто, представляют собой один из самых примечательных источников по финансовой и политической истории XIX в.

Архив оставляет лишь два повода для сожаления. В серии XI/109 имеется значительный и непонятный пробел, относящийся к периоду 1854–1860 гг., а после 1879 г. переписка сходит на нет, хотя письма из Парижа в серии XI/101 продолжают входить вплоть до 1914 г. Что серьезнее, почти все копии исходящих писем *от* лондонских партнеров (если они вообще делались) были уничтожены по приказам последующих старших партнеров. Письма, относящиеся к периоду 1906–1914 гг., занимают всего восемь коробок. Поэтому письма Натана можно считать поистине драгоценными – они довольно редки по сравнению с тысячами писем его братьев. Досадно мало писем от его старшего сына Лайонела; до 1906 г. почти нет писем от его внуков. Следует также заметить, что сохранилось сравнительно мало неделовых писем партнеров; более того, первый лорд Ротшильд потребовал, чтобы после его смерти всю его личную переписку сожгли (хотя мне удалось найти несколько писем в архивах тех политиков, кому он писал). Если временами история банка «Н. М. Ротшильд и сыновья» делает крен в сторону континентальных родственников, это неизбежное следствие неравномерности источников. Нам повезло в том, что сыновья Натана (особенно

Нат) проводили на континенте много времени, и сохранились их письма «домой» родителям и братьям; но они, разумеется, не заменяют писем из Лондона. Для сравнения, мне не удалось найти ничего, кроме случайных образцов еще более обширной общей и частной переписки от различных агентов Ротшильдов – особенно тех, которые находились в главных центрах в Мадриде, Брюсселе, Санкт-Петербурге, Нью-Йорке, Мехико и Сан-Франциско. Сохранилось довольно много рутинных деловых писем от представителей мелких и средних фирм, которые выступали в роли «корреспондентов» или время от времени вели дела с Ротшильдами; и снова мне хватило времени только на то, чтобы бегло просмотреть часть писем, которые иногда приходили даже из Калькутты, Шанхая, Мельбурна и Вальпараисо.

Еще одна трудность, которая объясняет, почему письма из серии XI/109 до сих пор не использовались историками в полной мере, заключается в том, что, вплоть до конца 1860-х гг., все представители второго поколения и ряд ключевых фигур третьего поколения партнеров (а также некоторые агенты фирмы) переписывались друг с другом главным образом на *юдендойч*, или раннем идише, диалекте немецкого, который записывался древнееврейскими буквами. Отчасти так произошло потому, что идиш был первым языком членов семьи. В то же время Ротшильды не хотели, чтобы их личную переписку читали посторонние. Даже современным знатокам иврита с трудом удастся расшифровывать относительно архаичный шрифт, которым пользовались братья. Поэтому мои предшественники в основном полагались на переводы редких писем или отрывков, подчас весьма вольные, сделанные группой беженцев из Германии, нанятых в помощь исследованию в 1950-е гг. (так называемые материалы «Т»), или на письма, написанные детьми Натана на довольно разборчивом английском. Однако героический труд Мордекай Закера, который перевел часть писем, а часть – начитал на диктофон, устранил для меня это препятствие, сделав впервые доступным «девственный» исторический источник первой степени важности.

Зная, что посторонним не так легко прочесть их корреспонденцию, Ротшильды писали друг другу более или менее откровенно – огромное преимущество для исследователя! Их письма отличаются уникальной прямоотой и интимностью. Партнеры высказывались откровенно, а подчас даже оскорбительно; они, как правило, не скрывали своего отношения к монархам и министрам, с которыми им приходилось иметь дело, а мнения их редко бывали лестными. Тон писем разговорный, подчас грубоватый. Сразу заметен контраст с официальными, сухими, деловыми письмами, посланными из одного Дома Ротшильдов в другой, или с гораздо более тщательно составленными письмами к политическим друзьям или деловым партнерам за пределами узкого круга партнеров и членов семьи. Если рассматривать их в связке с другими архивными источниками, перечисленными в библиографии, письма Ротшильдов открывают пласт реальности, во многих отношениях более интересный, чем самые причудливые мифы.

V

Ученые-историки любят участвовать в историографических дебатах. Ротшильды служат темой для стольких дискуссий, что утомительно углубляться далее простого перечисления, что я, послушный долгу, сейчас и делаю. Пять домов Ротшильдов составляют раннюю версию того, что позже стало известно как «многонациональная компания»: историкам бизнеса, возможно, небезынтересно будет узнать больше о том, как работала фирма в виде международной частной компании. Специалисты по истории экономики много лет стараются оценить вклад банков в индустриализацию; по этому вопросу здесь можно найти богатый материал, особенно в том, что касается роли Ротшильдов в развитии европейских железных дорог. Кроме того, история Ротшильдов хорошо иллюстрирует разницу в подходе к банковскому делу в Великобритании, Франции и Германии, по той очевидной причине, что различные ветви семьи работали в каждой стране сходными, хотя и не идентичными, способами. Книга также проливает свет на часто обсуждаемый вопрос о европейском экспорте капитала: сторонникам парадигмы Гобсон/ Ленин, возможно, захочется сравнить ее с представленными здесь фактами. Мне хотелось бы думать, что книга также внесет свой вклад, пусть и косвенный, в некоторые более технически изощренные дебаты в еще молодой отрасли финансовой истории. Боюсь, что мой труд не может служить «образцовой» историей банка. Прекрасно сознаю, что я не написал ничего об «асимметричной информации», «нормировании кредита» и «управлении портфелем», но надеюсь, что люди, заинтересованные в таких вещах, не будут совсем разочарованы теми разделами книги, которые посвящены прибылям, убыткам и балансовым отчетам. По крайней мере, эти данные сейчас можно сравнить с другими, опубликованными в трудах по истории других банков, – задача, к которой я лишь приступил.

Надеюсь, что специалисты по социальной истории сочтут книгу полезным вкладом не только в старую дискуссию о классах, но и в более модные дискуссии о структуре семьи и отношениях между полами в среде богатой элиты: хотя партнерами банкирского Дома Ротшильдов могли быть исключительно мужчины, я старался не забывать об их матерях, женах и дочерях, чьи способности, как справедливо указала Мириам Ротшильд, не уступали, а зачастую и превосходили способности Ротшильдов-мужчин.

Специалисты по еврейской истории, возможно, заподозрят, что перед ними очередная книга о семье, которую довольно часто рисовали черными красками; смею надеяться, что, будучи атеистом из семьи кальвинистов, я не слишком неверно истолковал все более сложные отношения между «исключительной семьей» и их «единоверцами». Не думаю, что переоценил важность той роли, какую Ротшильды сыграли в современной истории евреев. Хотя это не моя сильная сторона, я надеюсь удовлетворить историков культуры, уделив должное внимание современным аллюзиям на Ротшильдов в «высокой» и «низкой» литературе, а также постараюсь не забыть о роли членов семьи как коллекционеров произведений искусства и покровителей многих выдающихся архитекторов, писателей и композиторов XIX в. Книга также может пригодиться специалистам по политической истории, особенно тем, кто интересуется Францией, Великобританией и Германией. Сознаю, что мог неверно истолковать некоторые самые неясные аллюзии на мир высокой политики во Франции XIX в. в письмах Джеймса и его племянников; но я прошу специалистов по французской истории поправить меня, проведя собственное исследование соответствующей переписки. Может быть, по здравом размышлении, книга больше всего понравится тем немодным ученым, которые по-прежнему интересуются историей дипломатии. Они найдут в книге довольно много материалов (больше, чем я первоначально собирался написать), посвященных бельгийскому нейтралитету, Шлезвиг-Гольштейну, «восточному вопросу» и причинам различных войн, которые велись (или которые удалось предотвратить) в период между сражениями при Ватерлоо и на Марне. Необходимо помнить,

что именно дипломатию Ротшильды считали самым важным делом после финансов или, точнее, неотделимым от них.

Всем этим различным слоям читателей приношу свои извинения за многочисленные опущения: из-за того, что книга должна была быть написана за три года (процесс занял почти пять лет), остались письма, которые я не прочел, книги, которые я просто пролистал, архивы, которые я не посетил. Решая, что взять, а что опустить, я отдавал первенство документам до сих пор неизвестным или известным только отчасти. Если какой-либо архив уже был хорошо «просеян» предыдущим историком, я предпочитал не идти по следу, чтобы не рисковать увековечивать ошибки. Таким образом, мой труд следует считать чем-то вроде программы исследований: особенно требует дальнейшего изучения лондонский архив. Очень надеюсь, что вскоре в свет выйдут многочисленные монографии, в которых будут исправлены мои грубые мазки и, несомненно, появится больше подробностей.

То, что книга может хотя бы претендовать на широту охвата, само по себе должно утешать читателя, не принадлежащего к ученым кругам; надеюсь, что такие читатели простят мне абзацы, которые выдают профессию автора, точно так же, как читатели-банкиры или читатели-евреи простят мне неизбежные ошибки и фальшивые ноты. Если моя книга как-то помогает воссоздать экономическую, социальную, культурную, политическую историю и историю дипломатии и в процессе сделает понятнее и мир XIX в., и «исключительную семью», значит, автор прошел весь путь от пункта А, где он начал, до пункта Б, где он надеялся закончить.

Часть первая Отец и сыновья

Глава 1 «Наш благословенный отец»: истоки

Да, мой дорогой, все сводится к следующему: чтобы что-то сделать, ты должен кем-то быть. Мы считаем Данте великим, но за его спиной была многовековая цивилизация; Дом Ротшильдов богат, но для достижения такого богатства понадобилось не одно поколение. Все подобные вещи лежат глубже, чем думаешь.
Гете, октябрь 1828 г.

Путешественник, попавший во Франкфурт XVIII в. и проходивший по главному мосту Заксенхойзер, ведущему к воротам Фартор, едва ли мог пропустить «Юдензау» – «Еврейскую свинью» (см. ил. 1.1). Непристойная фреска на стене изображала группу евреев, поклоняющихся разъяренной свинье. Пока один из них сосет ее сосцы, второй (в одежде раввина) задирал ей хвост, чтобы третий (также раввин) пил ее экскременты. На происходящее одобрителем взирает «еврейский дьявол». Подняв голову, путешественник увидел бы и вторую, еще более отвратительную, фреску: мертвый младенец, чье растянутое тело истыкано ножами, а под ним девять кинжалов. «В Великий четверг в год 1475, – гласила надпись, – младенец Симеон, двух лет от роду, был убит евреями». Скорее всего, речь идет о деле Симона Трентского, который предположительно стал жертвой «ритуального убийства», вымышленного ритуала, по которому евреи убивали христианских младенцев, чтобы замешать их кровь в мацу.

Такое наглядное выражение антиеврейских настроений ни в коем случае не было уникальным: изображения евреев, которые поклоняются свинье, можно встретить на многочисленных гравюрах и в печатных листах начиная с XIV в., а миф о ритуальном убийстве получил хождение в Германии в XV в. Однако франкфуртские фрески были примечательны – по крайней мере, в глазах самого прославленного сына города, Иоганна Вольфганга фон Гете – тем, что они стали «не плодом личной враждебности, но воздвигнуты как публичный монумент». «Юдензау» и убитый ребенок были официально одобренными символами давней традиционной враждебности к врагу в пределах вольного имперского города⁶.

Первые упоминания о еврейской общине во Франкфурте датируются серединой XII в., когда община насчитывала от 100 до 200 человек. Ее история отмечена периодическими преследованиями со стороны нееврейского населения. В 1241 г. более ³⁴ франкфуртских евреев были убиты в так называемой «битве евреев» («*юдепилахт*»). В последующие десятилетия община восстановилась, но всего сто лет спустя, в 1349 г., произошел второй погром. В обоих случаях сыграл роль распространенный в народе миллениаризм: зачинщики первой «битвы» боялись, что евреи заключили союз с монгольской ордой; во втором случае страхи разжигали члены ордена флагеллантов, или «бичующихся», которые уверяли, что евреи навлекут на город чуму.

Впрочем, имелись и вполне земные причины, по которым и император Священной Римской империи, который в 1236 г. провозгласил евреев «слугами нашими и слугами нашей казны» (*servi nostri et servi camerae nostri*), и муниципальные власти поощряли евреев, которые желали поселиться в городе. Евреи были источником налоговых поступлений и кредита (в законах, запрещающих ростовщичество, для них было сделано исключение). «Защита» и огра-

ниченные привилегии предлагались им в обмен на звонкую монету. Однако защита и ограничения шли рука об руку. В 1458 г., по приказу императора Фридриха III, евреев ограничили пределами гетто (от итальянского слова «*borghetto*», или пригород). Они должны были селиться на одной узкой улице на северо-восточном краю города, ограниченной с двух сторон воротами. 110 жившим в городе евреям это заключение на улице, получившей название Юденгассе (Еврейский переулок), казалось «новым Египтом». С другой стороны, из-за постоянных нападков местных жителей гетто становилось своего рода убежищем. Обвинения в ритуальном убийстве в 1504 г. и попытка объявить евреев еретиками пять лет спустя продемонстрировали членам общины их беззащитность. То же произошло в 1537 г., когда большинство жителей Франкфурта перешло в лютеранство, – враждебность Лютера по отношению к евреям общеизвестна. Юденгассе оказывалась своего рода убежищем в опасном мире. С 1542 по 1610 г. ее население выросло с примерно 400 до 1380 человек (параллельно во Франкфурт из Нидерландов мигрировали гугеноты). Экономическое и социальное недовольство, совпавшее с этими притоками населения – или вызванное ими, – вылилось в еще одну вспышку насилия местных жителей против еврейской общины, так называемые «бунты Феттмильха», названные в честь их предводителя – лавочника Винсенца Феттмильха. Впрочем, многочисленные грабежи на Юденгассе в тот раз не сопровождались массовыми убийствами (евреев выгнали из города), а после короткого периода народного правления мятеж подавили имперские войска. Феттмильха и других предводителей бунта повесили, и евреи вернулись назад в гетто, убедившись, что по-прежнему находятся под защитой императора.

1.1. Анонимная гравюра начала XVIII в. Симон Трентский и «Юдензау»

На практике, как и прежде, «защита» выливалась в необычайно строгие правила, которые местные власти подробно изложили в «Штеттигкайт», законе, который зачитывался вслух каждый год в главной синагоге. По его условиям, которые оставались в силе до самого конца XVIII в., еврейское население ограничивалось всего 500 семьями; количество свадеб урезалось до 12 в год, а вступать в брак можно было лишь по достижении 25 лет. Не более чем двум евреям из других мест разрешалось селиться в гетто каждый год. Евреям запрещалось возделывать землю, торговать оружием, специями, вином и хлебом. Им запрещалось жить за пределами Юденгассе; до 1726 г. они обязаны были постоянно носить заметные знаки различия (два

концентрических желтых кольца для мужчин и полосатое покрывало для женщин). По ночам, по воскресеньям и в дни христианских праздников гетто запирали. В остальное время евреям запрещалось ходить по городу больше чем по два человека в ряд. Им запрещалось находиться в парках, тавернах, кофейнях и на променадах, устроенных вокруг живописных городских стен; в городскую ратушу они обязаны были входить с черного хода. Городской рынок им разрешалось посещать только перед закрытием; на рынке они не имели права трогать овощи и фрукты. Выступая в суде, евреи приносили особую присягу, которая напоминала всем присутствующим о «наказаниях и проклятиях, которые Господь наложил на проклятых евреев». Если на улице еврей слышал слова «Jud, mach mores!» («Еврей, исполняй свой долг!»), он обязан был – пусть даже слова эти произнес просто мальчик – снять шапку и посторониться. А если еврей выезжал за пределы Франкфурта – на что требовался специальный пропуск, – возвращаясь, он обязан был заплатить пошлину в двойном размере по сравнению с неевреями. Кроме того, в обмен на такую «защиту» каждый еврей платил подушный налог.

Все это означало, что франкфуртские евреи проводили большую часть своей жизни за высокими стенами и воротами Юденгассе. В наши дни практически ничто не напоминает об этой улочке, похожей на тюрьму. В течение XIX в. власти Франкфурта снесли на ней все, кроме пары зданий, а то немногое, что осталось, сровняли с землей американские бомбардировщики в мае 1944 г. Однако фундаменты части старой улицы недавно раскопали, и теперь можно получить приблизительное представление о том, какая страшная скученность царил в гетто. Извилистая Юденгассе вела от ворот Бёрнхаймер на севере к еврейскому кладбищу на юге; ее длина составляла всего около четверти мили, а ширина – не более двадцати футов, причем местами ширина составляла меньше десяти футов. Отведенная под гетто в те времена, когда евреев в городе было чуть больше ста человек, улочка была ужасно перенаселена: в 1711 г. на ней проживало не менее 3024 человек. Для того чтобы разместить многочисленных обитателей на таком небольшом пространстве, требовалась немалая архитектурная изобретательность: дома были всего восьми футов шириной, но в каждом из них было не менее четырех этажей. Кроме того, за каждым рядом домов возводили дополнительные постройки. Неизбежной опасностью был пожар. В 1711, 1721 и 1774 гг. сильные пожары уничтожали всю Юденгассе или ее значительные части. Можно сказать, что жизнь в гетто была одновременно и дорогой, и дешевой. Дорогой – потому что спрос на жилье значительно превышал предложение. Четырехкомнатный дом на севере Юденгассе стоил столько же, сколько платил отец Гете за двадцатикомнатный особняк на Гроссе Хиршграбен; дешевой – потому что антисанитария, отсутствие света и свежего воздуха сокращали продолжительность жизни. В 1780-е гг., по приблизительным подсчетам, смертность среди евреев на 58 % превышала смертность среди неевреев. Один путешественник в 1795 г. писал, что «большинство франкфуртских евреев, даже те из них, которые находятся в расцвете лет, похожи на ходячих мертвецов... Их мертвенно-бледные лица резко отличают их от всех остальных горожан самым печальным образом». Позже, после того, как стены вокруг Юденгассе частично снесли, ее до известной степени романтизировали такие художники, как Антон Бургер; более того, она стала чем-то вроде достопримечательности, привлекавшей туристов Викторианской эпохи (среди англичан, посетивших ее, были Чарлз Гревилл и Джордж Элиот). В то же время молодому Гете окрестности Юденгассе казались ужасающими трущобами:

«Отсутствие простора, грязь, толпы народу, ужасный выговор – все вместе производило самое неприятное впечатление даже на прохожего, который просто заглядывал за ворота. Прошло много времени, прежде чем я отважился пойти туда один, и я не испытывал никакого желания возвращаться... в эту толпу. Все эти люди чем-то торговали вразнос, все беспрестанно покупали и продавали».

Гораздо лучше был знаком с гетто поэт Людвиг Бёрне, который (под именем Иуды Лёва Баруха) рос там в 1780-е и 1790-е гг. Вспоминая прошлое скорее с гневом, чем с ностальгией,

он называет Юденгассе «длинной темной тюрьмой, в которую не проникал яркий свет XVIII в... Перед нами тянется необычайно длинная улица, рядом с нами места хватит лишь на то, чтобы развернуться кругом, когда нам того захочется. Над нами больше нет неба, которому требуется солнце, чтобы распространиться в своей широте; неба не видно, видно только солнечный свет. Отвратительный запах окружает нас повсюду, и одежда, которая должна укрывать нас от заражения, служит также для того, чтобы ловить слезы сострадания или скрывать злобную улыбку, с какой глазеют на нас евреи. Продвижение сильно замедляет необходимость переступить через кучи мусора; зато можно не спеша понаблюдать за происходящим. Мы осторожно идем вперед, стараясь не наступить на детишек. Они плавают в сточной канаве, ползают в грязи, бесчисленные, как черви, выведенные солнцем из навозной кучи. Разве можно отказывать детям в их маленьких желаниях? <...> Если считать детские игры образцом последующей взрослой жизни, колыбель этих детей должна стать могилой для всякого начинания, всякого достатка, всякой дружбы, всякой радости в жизни. Вы боитесь, что эти высокие дома рухнут на нас? О, не бойтесь ничего! Они надежно укреплены, клетки, в которых сидят птицы с подрезанными крыльями, они покоятся на краеугольном камне вечной враждебности, прочно заделанные изобретательными руками жадности и скрепленные цементом пота замученных рабов. Не сомневайтесь. Они стоят прочно и никогда не упадут».

Как заметил Бёрне, даже в «просвещенные» времена, когда другие немецкие города ослабляли ограничения, наложенные на евреев, Франкфурт упорно отказывался приводить в исполнение эдикт о терпимости императора Иосифа II (1782); городские власти приказали конфисковать тираж юдофильской пьесы «Натан мудрый». В 1769 и 1784 гг., когда еврейская община подавала петиции, чтобы евреям разрешили покидать гетто по воскресеньям, просьбу отклонили, сочтя ее попыткой «уравнять себя с христианскими жителями»⁷. Как и ранее, такую политику до некоторой степени навязывало городскому совету большинство горожан-неевреев. Что характерно, в 1788 г., когда еврею – учителю математики позволили жить и преподавать за пределами гетто, последовали столь шумные протесты, что пришлось отозвать разрешение; еврею-врачу, подавшему сходную просьбу в 1795 г., решительно отказали. В основном по той же причине – как утверждает в жалобе, подписанной семью ведущими еврейскими купцами города, – правила, регулирующие выходы за пределы Юденгассе по праздникам и воскресеньям, в 1787 г. не смягчили, а, наоборот, сделали более строгими, введя сложную систему удостоверений личности:

«Как человеческое существо, каждый еврей обладает теми же правами, что и любой другой, и по справедливости ищет защиты у своего монарха. К сожалению, низшие классы до сих пор столь склонны к предрассудкам своих отцов, что сомневаются в том, что евреи – такие же люди, как и они сами. Они всячески жестоко обращаются [с евреями], и многие старики выглядят довольными, когда их сын плохо обращается с евреем. Даже солдаты потакают этой наказуемой тирании. Разве не воспримут они [новую систему] как приглашение для бесчисленных оскорбительных поступков? Они воспользуются малейшим расхождением в одежде, причёске, бородах и тому подобное как поводом для учинения самых строгих осмотров у городских ворот. Малейшая неточность позволит им арестовывать еврея и вести его на гауптвахту, как обычного вора».

Однако в такой упорной и систематической дискриминации повинны не только предубеждения предков. Важную роль сыграло то, что представители нееврейских торговых кругов очень боялись экономической конкуренции, которая, как они считали, возникнет в случае эмансипации еврейского населения. То, что в трущобах вроде Юденгассе все же появлялись учителя математики и врачи, доказывает, что гетто было не таким закрытым, каким казалось. Как обнаружил сам Гете, когда все же набрался смелости и вошел в гетто, евреи, «в конце концов, люди – изобретательные, услужливые, и невозможно не восхищаться даже тем упорством, с каким они придерживаются своих традиций». Несмотря на мрачные условия, в

которых они жили, а отчасти и благодаря им, франкфуртских евреев с культурной точки зрения никак нельзя было считать низшими слоями общества.

Конечно, культура Юденгассе была незнакома нееврею Гете. Это была ярко выраженная религиозная культура, когда ритм жизни по-прежнему диктовался религиозными законами *галахи*. Каждое утро и каждый вечер служба, шульклоппер, созывал мужчин в синагогу, стуча в двери специальной колотушкой. По воспоминаниям одного английского туриста, суббота «в их молитвенных книгах живописно называется «невестой», и ее встреча каждую неделю... напоминает свадебный обряд. В ее честь столы накрывают белыми скатертями, зажигают свечильники. Даже в самых бедных лачугах на стол ставят что-то праздничное». В гетто работали три начальные школы (*хедеры*) и одно высшее учебное заведение, в котором готовили раввинов (*ешива*). Образование было, по меркам того времени, консервативным: детей учили читать Тору, основы Моисеевых законов, затем переходили к комментариям Раши и, наконец, к Талмуду, своду правовых и религиозно-этических положений иудаизма, содержащему предписания о соблюдении религиозных обрядов. В общине имелись собственная пожарная дружина и больницы, свое кладбище и добровольные общества помощи бедным.

И все же, несмотря на окружающие гетто высокие стены и несмотря на сравнительно ограниченное влияние еврейского просвещения на франкфуртскую общину (по сравнению, например, с берлинской общиной), культура Юденгассе отнюдь не была замкнутой. Хотя неевреи иногда презрительно хмыкали, слушая речь обитателей гетто, позже Генрих Гейне утверждал, что франкфуртские евреи говорили «на самом настоящем языке Франкфурта, на котором одинаково превосходно изъясняются его обрезанные и необрезанные жители». Конечно, он слегка преувеличивал, что вполне простительно. Те евреи, которым все же удавалось получить не только религиозное, но и светское образование – как, например, вышеупомянутый врач, – умели говорить, читать и писать на *ходдойч*. Однако, судя по сохранившимся письмам Майера⁸ Амшеля Ротшильда, сам он писал на грубом и часто неграмотном немецком языке с примесью иврита; а в письмах сыновьям он записывал немецкие слова древнееврейскими буквами, как и они в переписке друг с другом. И все же *юденодойч*, диалект немецкого языка, на котором изъяснялись обитатели Юденгассе, нельзя назвать *идишем* польских или российских местечек. По всей вероятности, многочисленные франкфуртские купцы-неевреи также писали по-немецки не слишком грамотно. Когда франкфуртские евреи покидали Юденгассе, чтобы вести деловые операции, то есть заниматься наиболее доступной им сферой деятельности, между ними и купцами-неевреями не существовало непреодолимого языкового барьера.

В большей степени, чем многие немецкие города в XVIII в., Франкфурт был городом предпринимателей. Расположенный на пересечении нескольких крупных торговых путей, связывавших города Южной Германии (Страсбург, Ульм, Аугсбург и Нюрнберг) с ганзейскими портами на севере (Гамбургом, Бременом и Любеком) и связывавших Германию в целом со странами атлантического побережья, Балтики и Ближнего Востока, Франкфурт процветал благодаря двум ежегодным ярмаркам, которые проводились осенью и весной. Такие ярмарки устраивались в городе начиная со Средних веков. А благодаря широкому разнообразию монет, имевших хождение в Европе вплоть до конца XIX в., коммерция в городе развивалась рука об руку с банковским делом, в особенности с куплей-продажей иностранной валюты и куплей-продажей векселей (куплей-продажей долговых расписок, порожденных более сложными операциями). Вдобавок – что в некоторых отношениях еще важнее – Франкфурт выступал в роли финансового центра для князей, эрцгерцогов и курфюрстов, правивших многочисленными мелкими государствами в регионе. Доходы, получаемые от земель и подданных (арендная плата, налоги и т. д.), и расходы по содержанию дворов (величественных резиденций, садов и развлечений) делали этих правителей крупнейшими клиентами доиндустриальной немецкой экономики, пусть даже большинство из них были значительно беднее своих современников –

английских аристократов. Характерно, что большинство из них тратили больше, чем получали, что создавало выгодные, хотя подчас и рискованные возможности для немецких банкиров.

Наверное, самым успешным банкирским домом до 1800 г. был дом Симона Морица и Иоганна Филиппа Бетманов, которые привезли в Германию из Амстердама систему «частичных долговых обязательств» (*парциальных облигаций*), по которой крупный заем дробился на более мелкие порции и продавался широким кругам инвесторов. Вполне характерной операцией для того времени можно назвать заем, который банкирский дом братьев Бетман предоставил императору Священной Римской империи. В 1778 г. Бетманы ссудили ему 20 тысяч гульденов (около 2 тысяч ф. ст.), выпустив в счет займа 20 облигаций по тысяче гульденов, которые и перепродавали инвесторам. Собранные таким образом деньги – за вычетом своей солидной комиссии – они затем передали в имперское казначейство в Вене, а впоследствии добились быстрой выплаты процентов из Вены держателям облигаций. В 1754–1778 гг. братья Бетман разместили займов на общую сумму почти в 2 млн гульденов, а за следующие пять лет – и не менее 54 отдельных займов на общую сумму почти в 30 млн гульденов. Другие франкфуртские банкиры, особенно Якоб Фридрих Гонтард, проводили такие же операции.

Ни Бетманы, ни Гонтард не были евреями. Однако не приходится сомневаться, что к концу XVIII в., когда речь заходила об обмене иностранной валюты и всевозможных займах, самыми предприимчивыми дельцами считали именно евреев. После более чем вековых учебных размышлений на данную тему по-прежнему трудно объяснить, почему так произошло. Любые преимущества, которые получали евреи над финансистами-неевреями, могли стать лишь косвенным следствием их системы образования. Так, Майер Амшель Ротшильд однажды вспоминал, что «в юности я был... очень активным купцом, но я был неорганизованным, потому что раньше я изучал [Талмуд] и не узнал ничего [о деловых операциях]». Возможно, то, что евреи входили в тесно спаянные группы «чужаков», сыграло свою роль, когда началось создание кредитных систем. Может быть, их деловая этика неотделима от иудаизма. Но то же самое с равным успехом можно утверждать и применительно к другим религиозным меньшинствам, как сделал Макс Вебер, который неубедительно противопоставлял «протестантскую этику» с типично еврейским «политически и спекулятивно ориентированным... капитализмом париев». Наиболее удовлетворительным ответом, наверное, может служить следующий: из-за того, что для них были закрыты почти все области экономической деятельности, евреям пришлось сосредоточиться на торговле и финансах. Вместе с тем их конкуренты-неевреи, работавшие в тех же сферах, скорее всего, намеренно преувеличивали степень «еврейской угрозы» для их фирм. Франкфуртские банкиры-неевреи уже в 1685 г. жаловались, что «евреи вырвали у них из рук торговлю векселями», что привело к запрету евреям появляться на фондовой бирже. Через 12 лет городской совет не в последний раз попытался запретить евреям арендовать склады на Фаргассе, главной улице города.

Наверное, самый печально известный конфликт такого рода связан с Йозефом Зюссом-Оппенгеймером, который из поставщика двора герцога Карла Александра Вюртембергского превратился в крупную политическую фигуру, став своего рода тайным советником, а в 1733 г. – посланником во Франкфурте, где привилегированное положение позволило ему жить за пределами Юденгассе, в роскоши гостиницы «Золотой лебедь». Через четыре года Оппенгеймера казнили, признав его виновным в том, что он обладал чрезмерной политической властью и подрывал положение вюртембергских княжеств. Впрочем, Оппенгеймер, «еврей Зюсс» из позднейшей антисемитской легенды, был лишь одним из самых известных еврейских придворных купцов. К середине XVIII в. франкфуртские евреи становились поставщиками курфюршества Пфальц, Майнцского курфюршества, Великого герцогства Гессен-Дармштадт, королевства Пруссия, императорского двора в Вене, а также Гессен-Касселя и Саксен-Веймара. Например, Лёв Вер Исаак в 1755 г. был придворным поставщиком графства Нассау-Саарбрюкен, а Давид Мейер Купл бросил вызов власти семьи Канн, когда примерно в то же время стал

поставщиком императорского двора. Такие люди образовали богатую и привилегированную элиту в пределах Юденгассе.

Майер Амшель

Именно в этом во многом, хотя и не до конца сегрегированном мире родился Майер Амшель Ротшильд. Он родился либо в 1743, либо в 1744 г. О его родителях, дедах и более отдаленных предках почти ничего не известно. Однажды Бенджамин Франклин заметил, что в жизни неизбежны только смерть и налоги; именно эти явления связаны с записями о самых первых Ротшильдах. Следует сразу же отметить, что предков Майера Амшеля, скорее всего, даже не называли Ротшильдами (буквально «красный щит»). Известно, что Изаак, сын Элханана, в 1560-е гг. построил дом, который получил название «У красного щита» (*«Цум ротен шильд»*), по-видимому, в честь щита, который часто вешался над входом в дома. Как правило, обитатели Юденгассе прозывались в соответствии со своими адресами. Позже внук Изаака, Нафтали Герц (который умер в 1685 г.), оставил дом «У красного щита» и переселился в другой дом, известный под названием «У грелки» (*«Цум хинтерпфанн»*). Таким образом, можно предположить, что членов этой семьи могли называть «Хинтерпфанны». Однако, хотя сын, внук и правнук Нафтали Герца по-прежнему назывались «Ротшильдами», в документах встречается также прозвище «Бауэр». Вероятно, лишь в следующем поколении, к которому принадлежал Майер Амшель, прозвище закрепилось в качестве фамилии, хотя Майер Амшель мог сменить ее еще раз после того, как переехал еще в один дом, известный под названием «У зеленого щита» (*«Цум грюнен шильд»*).

О ранних Ротшильдах можно сказать лишь то, что они были набожными и довольно удачливыми мелкими дельцами, которые, среди прочего, торговали сукном. За пять лет до своей смерти в 1585 г. Изаак, живший «У красного щита», имел облагаемый налогом доход в 2700 гульденов, а когда он умер, на надгробном камне вырезали упоминание о его «добродетели», «праведности» и «честности». Сто лет спустя его правнук Кальман, меняла, который, кроме того, торговал шерстью и шелком, имел облагаемый налогом доход, почти вдвое превышавший доход прадеда. Судя по всему, его сын Мозес, дед Майера Амшеля, успешно развил дело отца, продолжив процесс устойчивого подъема по социальной лестнице. Его первой женой стала дочь сборщика налогов, второй женой – дочь врача. К сожалению, нам почти ничего не известно об экономических достижениях отца Майера Амшеля, Амшеля Мозеса, хотя то, что семья по-прежнему жила в скромном доме «У грелки» с конторой на первом этаже, кухней на втором и тесными спальнями на третьем, предполагает в лучшем случае слияние, а в худшем – застой. Судя по длинной и чрезмерно хвалебной надгробной надписи, семья ко времени его смерти пользовалась прочным уважением в пределах гетто – но только и всего.

Амшель Мозес был, очевидно, человеком прилежным и любящим науку: если верить надгробной надписи, он «посвящал предписанное время изучению Торы». Возможно, именно поэтому после того, как его сын Майер Амшель окончил начальную школу во Франкфурте, отец отправил его в раввинское учебное заведение в Фюрте. Какими бы ни были его мотивы, дело было вовсе не в том (как ошибочно полагают некоторые историки), что Майер Амшель должен был стать раввином. Коэн, написавший краткую и хвалебную биографию Майера Амшеля вскоре после его смерти (и, скорее всего, знавший его лично), утверждает, что он только затем «изучал свою религию... чтобы стать хорошим евреем». Впрочем, занятия Майера Амшеля в Фюрте вскоре прервались из-за преждевременной кончины его родителей в 1755 и 1756 гг. Когда мальчику исполнилось всего двенадцать лет, его отец и мать стали жертвами эпидемий, которые периодически косили немецкие города.

После смерти родителей он мог бы вернуться к старшей сестре Гутельхе и двум братьям, Мозесу и Кальману. Однако его послали в Ганновер изучать зачатки бизнеса в компании

Вольфа Якоба Оппенгейма (предположительно, делового партнера его отца). Те годы сформировали его характер, потому что именно тогда он впервые вступил в непосредственный контакт с привилегированным миром придворных поставщиков. Конечно, Майеру Амшелю почти наверняка было известно об этой сфере деятельности: в конце концов, Зюсса-Оппенгеймера казнили всего за шесть лет до его рождения. Более того, нам известно, что Зюсс участвовал по крайней мере в одной операции с векселями с дедом Майера Амшеля. Но теперь мальчик мог с близкого расстояния увидеть, что значит быть «придворным евреем», поскольку дед Оппенгейма, Самуэль, был придворным поставщиком австрийского императора, а его дядя был поставщиком кельнского епископа. Именно в Ганновере Майер Амшель начал приобретать опыт, который впоследствии помог ему самому добиться статуса придворного поставщика. Он начал торговать редкими монетами и медалями; его клиентами становились аристократы-коллекционеры. Для того чтобы совершать операции в этой области, необходимо было знание сложной системы нумизматической классификации Самуэля Мадея.

Примерно в 1764 г. Майер Амшель вернулся во Франкфурт – по закону о месте жительства он обязан был так поступить по окончании срока ученичества. В родном городе он быстро нашел применение полученным знаниям. Через год после возвращения ему удалось продать редкие медали знатному клиенту, чье будущее положение сыграет для Ротшильдов весьма важную роль. Принято считать, что первая операция Майера Амшеля с Вильгельмом, наследным принцем Гессен-Касселя, была сущим пустяком. Если предположить, что он был «евреем Мейером», упомянутым в отчетах о суммах, истраченных на личные нужды Вильгельма за июнь 1765 г., операция обошлась в 38 гульденов и 30 крейцеров – в самом деле пустяк, одна из многих мелких покупок, которые принц делал у различных посредников после 1763 г., когда создавал свою знаменитую коллекцию медалей и монет⁹. Тем не менее этого – вместе с «поставками различных товаров», отчетов о которых не сохранилось, – оказалось достаточно, чтобы удовлетворить просьбу 1769 г. о даровании Майеру Амшелю статуса придворного поставщика. Он получил статус через надлежащий срок, в сентябре того же года. Год спустя он закрепил свое положение. В августе 1770 г., в возрасте 26 лет, он женился на Гутле, 16-летней дочери Вольфа Соломона Шнаппера, придворного поставщика герцога Саксен-Мейнингенского. Вдобавок к выгодам объединения с ее отцом, брак принес Майеру Амшелю очень нужный ему новый капитал в виде приданого в 2400 гульденов. Их брак оказался первым в череде тщательно просчитанных брачных союзов. Он заложил фундамент для процветающего родства, игравшего не менее важную роль, чем покровительство особ королевской крови, полученное благодаря званию придворного поставщика.

В последующие годы Майер Амшель – первоначально в компании со своим братом Кальманом, до смерти последнего в 1782 г., – постепенно стал во Франкфурте ведущим торговцем не только монетами и медалями, но и всевозможными предметами антиквариата. За его операциями можно проследить по тщательно составленным каталогам, которые он рассылал все более широкому кругу клиентов-аристократов. В 1780-е гг. в перечень товаров, которыми он торговал, входили не только немецкие, но и древнегреческие и древнеримские монеты, а также ряд других антикварных товаров и «дикинок» такого сорта, какие богатый коллекционер мог выставлять наряду с коллекцией монет: резные фигурки, драгоценные камни и т. п. Общая стоимость товаров для продажи в каждом каталоге варьировалась от примерно 2500 до 5000 гульденов. Если клиент проявлял интерес к тому или иному товару из каталога, Майер Амшель посылал его на осмотр, а позже, если клиент желал совершить покупку, начинал переговоры и иногда продавал ниже цены, указанной в каталоге. Согласно сохранившимся отчетам о тратах на личные нужды, до 1790 г. принц Вильгельм не был постоянным покупателем Ротшильда, но после этой даты он совершал покупки почти каждый год. В число других клиентов входил покровитель Гете, герцог Веймарский.

Может показаться удивительным, что основой состояния Ротшильдов стала продажа антиквариата по каталогу аристократам-нумизматам; однако не приходится сомневаться в том, что без капитала, который удалось скопить Майеру Амшелю на покупке и продаже «дикивинок», у него не было бы средств для того, чтобы заняться банковским делом. С первого взгляда довольно трудно понять, насколько успешно он торговал антиквариатом: с 1773 по 1794 г. его налог на имущество был неизменен и составлял 2 тысячи гульденов. Однако записи в «десятичных книгах» (Maaserbuch или Zehentbuch), в которых он пунктуально вписывал свои благотворительные пожертвования (десятую часть ежегодного дохода, согласно иудейским законам), позволили его позднему биографу Бергхофферу предположить, что годовой доход Майера Амшеля в 1770-е гг. должен был составлять около 2400 гульденов – примерно такой же, как и у семьи Гете, и гораздо больше, чем зарабатывал к тому времени местный чиновник вроде сборщика налогов. На основании этих и других доступных цифр Бергхоффер примерно оценивал общее состояние Майера Амшеля в середине 1780-х гг. в 150 тысяч гульденов (около 15 тысяч ф. ст.).

Кроме того, нам известно, что Майер Амшель настолько разбогател, что в 1787 г. переехал в другой дом. Вскоре после возвращения во Франкфурт Майер Амшель и два его брата приобрели в полную собственность дом «У грелки», выкупив долю дальних родственников, с которыми дом делили их родители. Еще через 20 лет Майер Амшель продал брату Мозесу свою долю – $\frac{3}{8}$ дома «У грелки» – за 3300 гульденов. В начале 1783 г. он купил гораздо более просторный дом «У зеленого щита» за 11 с лишним тысяч гульденов¹⁰. По меркам нееврейской семьи, такой, например, как семья Гете, этот второй дом также был очень маленьким и тесным: всего в 14 футов (чуть более 4 м) шириной, с комнатами такими узкими, что кровати можно было ставить только у боковых стен под определенным углом к улице. Дом можно считать захудалым и по меркам следующих поколений Ротшильдов: сыновья Майера Амшеля вспоминали прошлое без всякой ностальгии, говоря о тех днях, «когда мы все спали в одной комнатухе на чердаке». Однако по меркам Юденгассе такой дом был просто превосходным. Расположенный на середине улицы – прямо напротив средних, западных ворот – он был перестроен после пожара 1711 г. и, что необычно для того времени, имел собственный водяной насос. На втором, третьем и четвертом этажах было по две узких комнатки в три окна, с печью и стенными буфетами. Окна одной комнатки выходили на улицу, а второй – во двор. Спустившись по черной лестнице, можно было попасть в маленький дворик с небольшой деревянной пристройкой, в которой размещалась уборная. Необычным (и полезным) дополнением служили также два погреба. В первый из них можно было спуститься через люк в прихожей. Во второй, более просторный погреб, общий с соседним домом, попадали через потайной ход под лестницей. Два погреба не сообщались между собой¹¹. Семье очень пригодились все комнаты, пусть и тесные. Майер Амшель и его супруга оказались необычайно плодотворной парой даже по меркам конца XVIII в. Судя по всему, Гутле Ротшильд рожала практически каждый год начиная с 1771 г., следующего после их свадьбы, и до 1792 г. Из девятнадцати детей выжили десять: Шёнхе (1771), Амшель Майер (1773), Соломон Майер (1774), Натан Майер (1777), Изабелла, или Бетти (1781), Брюнле, или Бабетте (1784), Кальман, или Карл (1788), Готтон, или Юлия (1790), Егтхен, или Генриетта (1791) и Якоб, или Джеймс (1792)¹².

Лишь после рождения самого младшего ребенка Майер Амшель начал заниматься делом, которое правильно будет назвать банковским. В некоторых отношениях переход оказался естественным. Торговец антиквариатом с растущим кругом поставщиков и клиентов, естественно, время от времени предоставляет некоторым из них кредит. Уже в 1790 г. Майер Амшель назван одним из кредиторов Йозефа Касселя в ближнем городке Дойц, хотя и на скромную сумму в 365 гульденов. По этим же причинам торговля монетами и медалями неизбежно свела его с гессенским монетным двором: принц Вильгельм, один из его главных клиентов, часто заказыв-

вал чеканку новых медалей. Например, в 1794 г. Ротшильд предложил продать гессенскому военному казначейству партию серебра «по наилучшей цене».

Однако скорость, с которой росло богатство Майера Амшеля в 1790-х гг., свидетельствует о настоящем разрыве с прежней сферой его деятельности. В начале 1790-х гг. Майер Амшель Ротшильд считался всего лишь процветающим торговцем антиквариатом. К 1797 г. он стал одним из богатейших евреев Франкфурта, причем главным образом он занимался именно банковскими операциями. Свидетельства такого прогресса вполне недвусмысленны. В 1795 г. официальный доход Майера Амшеля, облагаемый налогом, удвоился и составлял 4 тысячи гульденов. Год спустя он перешел в группу лиц, имеющих наивысшие доходы: его имущество стоило более 15 тысяч гульденов. В том же году его записали десятым самым богатым человеком на Юденгассе, и его доход, подлежащий налогообложению, составлял 60 с лишним тысяч гульденов. Во многом благодаря Майеру Амшелю к 1800 г. Ротшильды стали одной из одиннадцати самых богатых семей на Юденгассе. Примерно в то же время он арендовал большой четырехкомнатный склад за пределами Юденгассе. Кроме того, он нанял на работу уроженца Бингена Зелигмана Гайзенхаймера, талантливого счетовода, владевшего несколькими языками. Кроме того, о его растущем благосостоянии свидетельствует щедрое приданое, какое Майер Амшель смог дать дочерям, когда те начали выходить замуж. Когда его старшая дочь в 1795 г. вышла за Бенедикта Мозеса Вормса, она получила в приданое 5 тысяч гульденов; кроме того, после смерти родителей она должна была получить наследство в 10 тысяч гульденов. Через год, когда его старший сын женился на Еве Ганау, ему досталась доля в семейной компании стоимостью в 30 тысяч гульденов.

Что означала такая доля, видно из одного из важнейших документов, которые были обнаружены в недавно открытом московском «трофейном» архиве: самый ранний известный баланс компании Майера Амшеля Ротшильда, составленный свыше 200 лет назад, летом 1797 г. Тогда общие активы компании оценивались в 471 221 рейхсталер, или 843 485 гульденов, общие задолженности – в 734 981 гульден. То есть, по словам самого Майера Амшеля, «общий баланс капитала, хвала Господу» (*Saldo meines Vermögens, Gott lob*) составлял 108 504 гульдена (примерно 10 тысяч ф. ст.). Этот примечательный документ заслуживает самого пристального рассмотрения, так как из него становится ясно, что Майер Амшель уже в тот период был больше международным торговым банкиром, чем считалось ранее. Очевидно, в «актив» баланса не включили личную собственность Майера Амшеля, поскольку семейный дом там не значится. В графе «мой капитал» записан капитал его компании. Почти все перечисленные активы находились либо в форме государственных облигаций различных типов, либо личных займов и кредитов, предоставленных самому широкому спектру других компаний. Имелись и денежные обязательства – в них входили суммы, которые Майер Амшель был должен такому же широкому спектру учреждений и частных лиц.

География кредитной сети Майера Амшеля была довольно широкой уже на том раннем этапе. Судя по раннему балансу, он вел дела с фирмами, расположенными не только в непосредственной близости от Франкфурта (например, в Касселе и Ганау), но и в более отдаленных землях Германии, от Гамбурга и Бремена до Регенсбурга, Аугсбурга, Лейпцига, Берлина и Вены, а также Амстердама, Парижа и Лондона. Более того, в дополнение к именам, которые можно было ожидать найти в таком списке кредиторов и должников (например, зять Майера Амшеля Вормс и его будущий зять Зихель), в нем фигурируют названия нескольких крупных нееврейских банков, в том числе банков Бетманов, Де Нёвилей и Брентано (последнему Майер Амшель задолжал много денег). В числе вкладчиков банка Ротшильда был и прославленный коллекционер Иоганн Фридрих Штедель; его вклад составлял 17 600 гульденов. И, наконец, балансовый отчет служит свидетельством новых отношений с правительством Гессен-Касселя, которому Ротшильд был должен около 24 093 гульденов. Не случайно в списке кредиторов представлены отдельно имена двух гессенских сановников – Луиса Гарнира и Карла Бударуса.

По любым меркам экономический взлет Майера Амшеля можно считать стремительным. Более того, он так быстро добился столь огромного успеха, что успех до некоторой степени обгонял его возможности. В 1797 г. Майер Амшель с ужасом обнаружил, что один из его самых младших служащих – юноша по имени Гирш Либман – обманным путем присвоил крупную сумму практически у него под носом. Частично сохранившиеся протоколы последовавшего за тем судебного разбирательства позволяют взглянуть изнутри на хаотичное состояние дел в его стремительно развивавшейся компании в тот период. По словам Майера Амшеля, Либман, проработавший у него около трех лет, украл из его банкирского дома от 1500 до 2000 золотых каролинов (примерно 30 тысяч гульденов).

Кража стала возможной по трем причинам. Во-первых, Майер Амшель позволял Либману покупать и продавать товары на свой счет, чтобы дополнить скудное жалованье – полтора гульдена в месяц за вычетом арендной платы за комнату, которую Либман делил с другими служащими. Более того, в одном случае Ротшильд даже ссудил ему небольшую сумму, чтобы помочь расплатиться за жилье. Никто особенно не удивился тому, что Либман старался пополнять свое жалованье, пусть даже пополнение это шло с неизменным успехом. Во-вторых, в банкирском доме не было сейфа для ценностей и вообще почти не предпринимались меры безопасности. Так, сундук с деньгами, стоявший в главной комнате конторы, часто оставляли открытым в течение рабочего дня. Судя по всему, служащие и клиенты приходили и уходили когда им заблагорассудится. Поэтому никто поначалу не замечал пропажи монет, банкнот и других ценностей. И, в-третьих, система бухгалтерии Майера Амшеля была прискорбно примитивной: когда он в конце концов подал иск против Либмана, то не сумел документально подтвердить, сколько всего было украдено. Прошло довольно много времени с тех пор, как Либман начал воровать, прежде чем хватились пропажи. И только когда в контору пришел один местный брокер и заявил, что Либман хотел купить у него семена, у Майера Амшеля зародились подозрения. Он допросил молодого человека, и тот сознался, что так ему велел говорить Либман для отвода глаз; на самом же деле он пришел купить австрийский вексель, стоивший около 1220 гульденов, который Либман предложил ему продать. Только тогда Майер Амшель понял, откуда у его служащего деньги на золотые часы и сшитые на заказ рубашки. Дальнейшие розыски подтвердили его подозрения: Либман не только тратил деньги на себя, но также посылал их своим родителям, жившим в Бокенхайме. Прежде его родители были «ужасно бедны», но вдруг им удалось дать сестре Либмана приданое в 500 гульденов. Когда вора арестовали, среди его вещей нашли восемь монет по талеру и имперский казначейский билет, а также несколько серебряных ложек, золотую солонку, золотую кружку и несколько медалей, что противоречило его уверениям в собственной невиновности. Еще одно доказательство вины, сам того не желая, представил родной отец Либмана, который предложил вернуть 1000 гульденов, которые дал ему сын, и еще 500 гульденов, если Ротшильд откажется от своего иска. В конце концов, после продолжительного допроса, Либман во всем сознался.

Либман путался в показаниях о кражах; вначале он утверждал, что брал деньги мелкими суммами на протяжении длительного времени. Затем заявил, что просто унес два мешка с монетами из сундука в конторе, пока второй сын Майера Амшеля, Соломон, беседовал с какими-то клиентами. Так или иначе, судя по протоколам судебного разбирательства, к 1797 г. компания приносила такой доход, что даже сам Ротшильд не знал счета деньгам: как он сам признавался на суде, мешки с монетами валялись по всей конторе, часть ценностей хранилась в незапертом сундуке, часть лежала на полу. И у него дома, по его словам, всегда было много денег вследствие «обширных деловых операций». В последующее десятилетие операции стали еще шире.

Двойная революция

В «Биографических заметках Дома Ротшильда», написанных через много лет после смерти Майера Амшеля, Фридрих фон Генц чрезмерно восхвалял его деловую хватку. «Тем не менее, – благоразумно добавлял фон Генц, – для реализации даже самых выдающихся личных качеств иногда требуются исключительные обстоятельства и решающие события». Его утверждение можно назвать вдвойне истинным.

События эпохальной значимости, последовавшие за созывом Людовиком XVI Генеральных штатов во Франции в 1789 г., не сразу повлияли на жизнь таких немецких евреев, как Майер Амшель Ротшильд и его близкие. Но когда революция наконец достигла Франкфурта, ее последствия оказались основательными – более того, буквально потрясающими. Первые толчки последовали в октябре 1792 г., всего через десять недель после коронации последнего императора Священной Римской империи Франциска II, когда французские войска временно оккупировали Франкфурт. Конечно, не следует преувеличивать значимости этой на первый взгляд символической смены режимов. Французские войска в прошлом уже оккупировали Франкфурт (в ходе Семилетней войны). Судя по всему, новое иноземное вторжение так же не радовало городскую еврейскую общину, как и остальных жителей Франкфурта. Более того, хотя в 1791 г. Национальное собрание Франции уравнило евреев в правах с остальными гражданами, что влияло и на судьбы франкфуртских евреев, сиюминутные последствия французской оккупации были откровенно негативными. В июне 1796 г., после поражения австрийской армии при Лоди, Франкфурт подвергся такому тяжелому обстрелу победоносных французских войск, что почти половина домов на Юденгассе была уничтожена огнем¹³.

Вместе с тем военное потрясение имело свои преимущества. Из-за уничтожения Юденгассе франкфуртский сенат вынужден был ослабить ограничения, связанные с местом жительства. Сенат разрешил примерно двум тысячам человек, оставшимся без крова из-за пожара, в течение полугода жить за пределами Юденгассе. Судя по всему, именно вследствие такого послабления Майеру Амшелю удалось снять склад на Шнургассе. Позже нашествие французов привело к настоящему, пусть и временному, улучшению в юридическом статусе франкфуртских евреев. Его предвестником стала эмансипация евреев в тех частях Рейнской области, которые аннексировали французы. Одним из тех, кто на этом выгадал, стал Гайзенхаймер, нанятый Майером Амшелем счетовод. Из того, что имело более непосредственную значимость, война предоставила Майеру Амшелю новые источники дохода. В компании с Вольфом Лёбом Шоттом и Веером Немом Риндскопфом он заключил контракт на поставки хлеба и денег австрийской армии в ходе операций в регионе Рейн-Майн.

Не только Великая французская революция изменила жизнь и судьбу Майера Амшеля. Такое же, если не более важное влияние оказал на него в 1780-х гг. первый этап английской промышленной революции. Хотя Майер Амшель к концу 1790-х гг. уже начал выстраивать свой банковский бизнес, он по-прежнему торговал монетами; пусть и не в таких крупных масштабах, эта отрасль существовала даже после его смерти. Кроме того, наряду с банковским делом он пробовал вторгаться в другие, потенциально прибыльные сферы деятельности. Из них в конце XVIII в. самым прибыльным было производство тканей – отрасль, порожденная английской промышленной революцией. В особенности резкий рост (частично) механизированного хлопкопрядения, ткачества и окрашивания в Ланкашире предвещал беспрецедентные и поистине революционные перемены в темпах экономического развития. Хотя такая индустриализация была рассредоточена по различным регионам и секторам – настолько, что ее результаты почти не заметны в цифрах совокупного национального дохода, экстраполированных современными специалистами по экономической истории, – ее последствия ощущались во всем мире. Они были заметны в Африке, откуда прибывали рабы для работы на хлопковых

плантациях, в Америке, где, собственно, выращивали хлопок, и в Индии, где традиционной национальной текстильной промышленности вскоре пришлось столкнуться с мощной конкуренцией со стороны домашних фабрик и более крупных предприятий, расположенных в Ланкашире и Ланарке. Эти фабрики оказали мощное влияние и на Германию, где в 1790-е гг. стремительно рос спрос на более дешевые и качественные британские ткани – шали, платки, клетчатые ткани, марлю, муслин, плотный муслин, стеганные ткани, канифас, вельвет и пр. Майер Амшель, как и многие другие немецкие дельцы, угадал здесь уникальную и в высшей степени выгодную возможность. На рубеже XVIII и XIX вв. около 15 еврейских фирм в одном только Франкфурте ввозили в страну английские текстильные изделия, и многие из них учредили примерно в то же время свои постоянные представительства в Великобритании. В 1799–1803 гг. не менее восьми немецких купцов с этой целью обосновались в Манчестере.

Именно на таком фоне необходимо рассматривать решение послать в Англию Натана, третьего по старшинству. Он уехал в конце 1790-х гг. Точная дата и причины его отъезда из Франкфурта долго служили источником путаницы среди историков. Хотя некоторые считают, что Натан прибыл в Англию в 1797, 1799 или 1800 г., большинство сходится на том, что он приехал туда в 1798 г. Последнюю дату почти ничто не подтверждает. Из балансового отчета, указанного выше, известно, что Майер Амшель начал вести дела с лондонскими фирмами начиная по крайней мере с 1797 г., но в весьма ограниченном масштабе. И только в феврале 1800 г., когда он направил первое письмо в лондонский банкирский дом «Харман и К^о» с просьбой о кредите, он начал расширять свой бизнес в Англии. Первое документальное подтверждение присутствия Натана в Англии также датировано 1800 г. Вольф цитирует письмо от 29 мая, в котором Натан просит знакомого снять «помещение с двумя кроватями в каких-нибудь хороших меблированных комнатах» для себя и своего «управляющего». Кроме того, у нас есть письмо Майера Амшеля к Харману, датированное 15 июня, в котором упоминается, что «Натан скоро будет у вас», а также письмо Натана от 15 августа из Лондона (обратным адресом значится Корнхилл, 37). Из этого Уильямс делает вывод, что Натан приехал в Лондон в 1800 г., лето провел в Лондоне, а затем переехал в Манчестер. Однако так быть не могло. Не только первое письмо Натана, адресованное Харману, послано из Манчестера; у нас имеется также несколько более поздних писем, в которых Натан недвусмысленно заявляет, что он приехал в Манчестер год назад, в 1799 г. Поэтому вполне разумно предположить, что до 1799 г. Натан не приезжал в Манчестер, хотя они с отцом начали расширять операции в Англии лишь в следующем году. Впрочем, возможно, – хотя и маловероятно, – что Натан впервые пересек Ла-Манш в 1798 г. и несколько месяцев провел в Лондоне, откуда проследовал на север.

Почему Натан поехал в Англию? За отсутствием серьезных доказательств большинство историков руководствуются собственным отчетом Натана о его эмиграции, который он передал члену парламента Томасу Фауэлли Бакстону в 1834 г. В отчете он уверяет, что решение покинуть Германию было его собственным.

«В том городе, – пишет он, – нам всем не хватало места. Я торговал английскими товарами. Туда приехал один крупный предприниматель, который подчинял себе весь рынок; он был человеком выдающимся; мы радовались, если он что-то нам продавал. Я его чем-то обидел, и он отказался показывать мне образцы. Это было во вторник; я сказал отцу: «Я поеду в Англию». Я не умел говорить ни на одном языке, кроме немецкого. В четверг я отправился в путь...»

Не стоит думать, что его версия событий – полный вымысел. Натан был человеком чрезвычайно честолюбивым и вспыльчивым; кроме того, он был обидчивым и переносил свое отношение на дела. Вполне можно себе представить, что он в самом деле ответил оскорблением на оскорбление. Однако в некоторых отношениях его воспоминания об обстоятельствах своего отъезда способны ввести в заблуждение. Возможно, он невольно романтизировал свой путь «из грязи в князи»; может быть, он приукрашивал события, развлекая гостей после ужина

(последнее больше отвечало его характеру). Во всяком случае, кажется маловероятным, чтобы его отец хотел и даже мог доверить ему такую большую сумму, какая фигурирует в письме Натана Бакстону – 20 тысяч фунтов, что примерно вдвое превышает цифру чистых активов, показанную в балансе за 1797 г. Однако, какой бы «стартовый капитал» ни увез с собой Натан, мысль о том, что он не просто исполнял приказы отца, кажется маловероятной.

По политическим причинам вскоре появилась необходимость скрывать тот факт, что Натан выступает агентом франкфуртской фирмы. Поэтому некоторые историки считали, что, прибыв в Англию, Натан начал успешно действовать независимо от отца и братьев. Но свидетельство, найденное в архиве компании за тот период, недвусмысленно подтверждает: первоначально Натан принимал приказы из Франкфурта. Более того, в 1801 г. к нему на помощь прислали старшего брата Соломона. Вести дела самостоятельно Натан начал потом и лишь постепенно. Ряд ранних писем Натана из Лондона и Манчестера подписаны: «по доверенности Майера Амшеля Ротшильда». Судя по всему, отец и сын регулярно переписывались, хотя из их корреспонденции почти ничего не сохранилось. Натан часто писал по поручению отца в лондонские банкирские дома «Соломон Соломоне» и «Харман и К^о», которые оказывали Ротшильдам страховые и банковские услуги.

Письма того периода почти всегда начинаются фразами: «Отец пожелал, чтобы я написал вам» или «В соответствии с указаниями, полученными мною от отца». После того как представители одной фирмы его подвели, Натан предупреждал их, что, если возникнут «новые жалобы такого рода... отец, скорее всего, поручит мне в дальнейшем обращаться к тем, кто относится к делам пунктуальнее». В другом случае он информировал представителей «Соломоне»: «Сегодня я получил письма из дома, из которых ясно, что отец очень недоволен вашей упаковкой... Он написал мне, чтобы я больше не отправлял товары в Лондон, так как вы небрежно отнеслись к поставке». В основном в тот период тюки с тканями, которые Натан отправлял на континент все большими количествами, были помечены клеймом «М. А. Р.», то есть «Майер Амшель Ротшильд». Натан вовсе не жалел отца, когда летом 1802 г. утаил от него приступ болезни. Он не хотел, чтобы отец считал, будто он по какой бы то ни было причине не способен заниматься делами. Натан сохранил для потомков обзор характера своего отца и собственное отношение к нему: «Ты думаешь, что мой отец продаст... товары по собственным векселям... без прибыли? Ты ошибаешься, у него... даже труба не дымит без прибыли». Всего через десять дней он получил суровое письмо от отца, в котором тот обвинял его в том, что он ведет счета «нерегулярно».

Очевидно, небрежное отношение Натана к бухгалтерии служило частым поводом для трений. Через три года после первого выговора на данную тему Майер Амшель по-прежнему негодовал по тому же поводу. Их переписка не оставляет сомнений в том, кто обладал истинной властью в их отношениях. Это редкое письмо – одно из немногих уцелевших личных писем Майера Амшеля – стоит процитировать полнее, чтобы можно было почувствовать «изюминку» ранней переписки Ротшильдов:

«Для начала, все наши корреспонденты жалуются на тебя, дорогой Натан, и говорят, что ты весьма неорганизованно отсылаешь партии товаров. Иногда ты пишешь, что послал, например, сундук под таким-то номером, а позже [он] приходит под другим номером. Если ты посылаешь сундук сегодня, то сообщаем об этом Эзриэлу Рейссу только через полгода. Один из его клерков жаловался мне, что ты очень неорганизован. Мой дорогой друг, если ты не записываешь все номера сундуков, когда отсылаешь их, если ты не записываешь их до тех пор, пока не получаешь подтверждения о том, что они прибыли, если не уделяешь им должного внимания, если не интересуешься тем, куда отправились сундуки, когда ты не получаешь ответа от своего корреспондента, если ты настолько неорганизован и нет рядом с тобой надежного друга, значит, тебя обманут. Что в том хорошего[?] Каждый может стать миллионером, имея [нужную]

возможность. Милый Натан, во Франкфурте я уже жаловался на твои непомерные расходы и неорганизованность; мне это не нравится».

В наши дни нелегко читать бесконечные повторы одних и тех же слов и выражений – такой стиль унаследовали старшие сыновья

Майера Амшеля, Амшель и Соломон. Скорее всего, Натан также читал письма отца без всякой радости. Однако решимость отца переломить сына и заставить его работать по-другому самым чудесным образом позволяет взглянуть на тогдашние методы ведения дел:

«Я видел аккуратность, с какой Хекшер и купец Бареш отправляют и получают партии товара. У них есть специальные приказчики, которые присматривают за всем. Они говорят, что без должного порядка разорится даже миллионер, который ведет обширные дела, потому что весь мир нечестен – по крайней мере, не очень честен. Если видят, что ты неаккуратен в поставках, с тобой будут вести дела только для того, чтобы тебя надуть... В основном поставщики начнут затевать с тобой ссоры, чтобы обмануть тебя, тем более когда увидят, насколько ты неаккуратен с отправкой товаров. В общем, с тобой будут вести дела, чтобы нажиться на твоей неорганизованности. Во Франкфурте жил человек по имени Элзуер Эльфельт; он зарабатывал очень много денег, но весь мир наживался на нем, потому что он был очень неаккуратным, и в конце концов он совершенно разорился из-за своей неорганизованности. Милый Натан, не сердись на своего отца. В том, что касается записей, от тебя немного проку. Найми приказчика, который будет следить за отправкой товара, и послушай моего совета, будь организованнее с отправкой, иначе я не надеюсь на твое процветание. Если ты неорганизован, чем больше ты продаешь, тем хуже пойдут твои дела. Милый сын, не сердись, что я пишу тебе так... Ты должен быть осторожным, а Амшель говорит, что ты не ведешь записи надлежащим образом, когда он шлет тебе денежные переводы. Это плохо... Необходимо, чтобы ты аккуратно записывал все, что ты посылаешь нам, и всего, что мы отправляем тебе. Ты в самом деле должен вести свои книги аккуратно. Если тебе не удастся вести все счета должным образом из-за твоего счетовода, напиши мне, мы что-нибудь придумаем... Если ты станешь организованным, будешь организованно вести записи и осторожнее предоставлять кредит, не сомневаюсь, что дела у тебя пойдут хорошо».

На этом отцовские увещания не заканчиваются. В том же письме Майер Амшель распекает Натана за то, что тот не подсчитывает прибыли нетто (а не только брутто); за то, что торгует с Риндскопфом драгоценными камнями («Ведь ты не ювелир»), и за то, что отпускает товары в долг, зная, что должник, скорее всего, не сумеет расплатиться:

«Мой милый сын, ты не должен сердиться, когда отец, который близко к сердцу принимает счастье всех своих детей, желает знать истинное положение твоих финансов, потому что, если у тебя много безнадежных должников, от чего сохрани тебя Господь, и ты учишься наравне с теми, кто платит по счетам вовремя, ты просто притворяешься богатым... Мой милый сын, ты трудолюбив. Работай прилежно. Делай, что тебе по силам. Призываю тебя к одному: будь аккуратнее... Голова у тебя светлая, но ты не приучен [к порядку], а я знаю, что все купцы, которые организованно ведут дела, становятся очень богатыми, а те, кто неорганизован, разоряются. Так что, милый сын, не обижайся, когда я в письмах высказываю свое мнение».

Из этого письма очевидно, что, по мнению Майера Амшеля, в их патриархальной семейной компании Натан по-прежнему оставался одним из пяти его подчиненных. Если Натан исправит методы своей работы, он может надеяться получить «такую же хорошую долю в моем деле, как и твои братья» после того, как сестры выйдут замуж. Но до тех пор Майер Амшель не намерен был выпускать бразды правления из своих рук.

Есть еще одно предположение, почему Натан мог уехать в Англию. Возможно, он покинул Франкфурт, чтобы избавиться от религиозных ограничений. Правда, в 1800 г. евреи – которых начали заново пускать в Англию только в 1656 г., после 250 лет изгнания, – в Англии

пользовались куда большей свободой, чем в Германии. К тому времени на евреев в Англии накладывали довольно мало экономических ограничений¹⁴, хотя они, как и католики, нонконформисты и неверующие, по-прежнему не могли становиться членами парламента и органов местного самоуправления, а также учиться в университетах; кроме того, будучи иностранцами, новые иммигранты во время войны с Францией подвергались все возрастающему надзору (евреи, рожденные в Великобритании, считались британскими подданными). В Лондоне в XVIII в. появились сплоченные и процветающие еврейские общины, в которые в том числе входили семьи евреев-сефардов и ашкенази. К первым относились, например, Мокатта, ко вторым – купец Леви Барент Коэн, чей отец был удачливым торговцем полотном в Амстердаме. В конце 1790-х гг. Бенджамин и Абрахам Голдсмиты уже играли активную роль в финансовой жизни – позже им с таким успехом начнет подражать Натан, бросая вызов господству братьев Бэринг и их амстердамским партнерам, банку «Хоуп и К^о» (Hope & Co.). На первых порах он становился объектом такого же презрения – религиозно окрашенного, но по сути чисто экономического, – с каким семья уже сталкивалась во Франкфурте. Известно, что Натан вошел в новую среду благодаря деловым контактам его отца с Соломонами. Однако после приезда в Англию он, очевидно, провел в Лондоне лишь несколько месяцев, после чего отправился на север, в Манчестер, где общественная обстановка была куда менее благоприятной. В

Манчестере имелась небольшая, пребывающая в зачаточном положении еврейская община, в которую в основном входили мелкие лавочники – торговцы старой одеждой, дешевыми украшениями, зонтиками и патентованными лекарствами («чудодейственными средствами»). Хотя в Манчестере власти накладывали на Натана куда меньше ограничений, чем во Франкфурте, трудно поверить, что Натана привлекло туда что-то, кроме бизнеса.

Насколько успешно шла у Натана «торговля тряпками», как иногда презрительно называли эту сферу деятельности? По его собственному признанию – весьма успешно, благодаря главным образом его деловой хватке: «...чем ближе я подъезжал к Англии, тем дешевле становились товары. Едва приехав в Манчестер, я истратил все свои деньги – настолько дешевы там были товары; и я получил хорошую прибыль. Вскоре я понял, что прибыльных статей три – сырье, окрашивание и производство тканей. Я сказал фабриканту: «Я буду поставлять вам сырье и краску, а вы мне – готовые изделия». Таким образом, я получил троекратную, а не однократную прибыль и сумел продавать товары дешевле кого бы то ни было. В короткий срок мои 20 тысяч фунтов превратились в 60 тысяч. Весь мой успех основывался на одном принципе. Я сказал: я умею делать то же, что и другие, поэтому вполне могу продавать ткани по образцам – и все остальное тоже! Вот еще одно мое преимущество. Я действовал экспромтом, без подготовки. Я сразу же заключал сделку».

Неплохое резюме с изложением способа действий Натана, хотя, конечно, слишком упрощенное. Натан приехал в Ланкашир с заказами на английские ткани от своего отца; он продолжал получать такие заказы по почте. Оценив рыночные возможности установления качества и цены приемлемых тканей, он затем передавал заказы фабрикантам – не только в окрестностях Манчестера, но и владельцам предприятий, расположенных в Ноттингеме, Лидсе, Стокпорте и даже в Глазго. Обычно ткани производили субподрядчики-ткачи, которые работали у себя дома; затем ткани «подвергались окончательной отделке» в небольших красильных и печатных цехах, построенных в самом Манчестере и его окрестностях. Для того чтобы сбить цену на покупаемые им товары, Натан старался как можно чаще платить авансом «под расчет», для чего ему приходилось «заимствовать», то есть занимать деньги в лондонских банках «под три месяца» (на три месяца). Как он объяснял в декабре 1802 г.: «По вторникам и четвергам ткачи, которые живут в деревнях в двадцати милях вокруг Манчестера, привозят туда свои изделия, штук по двадцать или тридцать, одни больше, другие меньше, которые они продают здешним купцам в кредит на два, три и шесть месяцев. Но, поскольку они, как правило, всегда

нуждаются в деньгах и готовы поступиться частью прибыли, чтобы получить деньги скорее, если показать им наличные, часто можно приобрести товар на 15–20 процентов дешевле».

Более того, Натану не нужно было платить более крупным фабрикантам до тех пор, пока их товар не доставлялся на континент. С другой стороны, нужно было ждать – как правило, два месяца – поступления ожидаемых платежей из Франкфурта. Очевидно, прибыль от подобных операций выражалась в форме простых процентных отчислений. Однако в то время, когда размер прибыли в текстильной промышленности мог достигать 20 %, тариф Натана был скромным: 5 % от себестоимости для покупок наличными с его склада и всего 9 % за товары, которые отправлялись в континентальную Европу. То была уловка для привлечения новых клиентов и увеличения доли на рынке. В письмах к потенциальным покупателям Натан постоянно подчеркивал, что его посредническая наценка ниже, чем у его конкурентов. Как он писал отцу в сентябре 1802 г.: «Ни один торговый дом в Манчестере не покупает товары дешевле – и даже так же дешево, – как я, и ни один не предпринимает столько усилий, как мы, чтобы получить прибыль». «Вы не сумеете найти в Манчестере другого такого посредника, который готов служить вам из такой же маленькой прибыли, как я, – заверял он нового клиента. – Я имею удовольствие прямо изложить вам свои планы: если вы будете иметь со мной дело в будущем, можете рассчитывать, что я пришлю вам товар не дороже любого...» Более того, по мере того, как его бизнес расширялся и он начал поставлять ткани не только фирме своего отца, Натан начал предлагать не только низкие цены, но также и разумные кредитные условия. Тому же самому покупателю он писал, что считает его деньги «в таком же надежном месте в ваших руках, как будто они... у меня в кармане». Его европейские покупатели обычно расплачивались векселями, подлежащими оплате через три месяца – а на самом деле проходило пять месяцев после того, как товар был поставлен (и оплачен) Натаном. Чем больше Натан мог заплатить наличными или «векселями на предъявителя», тем меньше он платил поставщикам. Чем больше кредита он предоставлял своим клиентам, тем больше клиентов привлекал. Вот в чем заключался его основной принцип.

Из писем того периода становится ясно, что на практике подобная система была очень напряженной. Во-первых, самому Натану приходилось много ездить для налаживания сети поставщиков и клиентов. Уже в ноябре 1800 г. он уехал из Манчестера в Шотландию, где, очевидно, нашел лучшую ткань или лучшие цены. Он ездил туда снова в 1801 и 1805 гг. Частые поездки в Лондон (вроде той, что он предпринял летом 1800 или 1801 г.) также были необходимы для поддержания хороших отношений с банкирами, поскольку он надеялся, что ему позволят превышать кредитный лимит. И хотя некоторые крупные покупатели присылали в Манчестер своих агентов, Натан предпочитал вести дела напрямую с европейскими фирмами. Он совершил не менее двух деловых поездок на ту сторону Ла-Манша, чтобы привлечь новые компании. Весной 1802 г. он побывал во Франции и Нидерландах, где наладил связи с фирмами в Париже, Нанси, Лионе, Льеже, Метце, Брюсселе, Маастрихте, Антверпене и Амстердаме. Перед возвращением в Англию он заехал также в Германию и Швейцарию, получив заказы от фирм из Гамбурга, Нюрнберга, Гейдельберга, Кельна, Мюнхена, Меммингена, Зальцбурга, Лейпцига, Кенигсберга и Базеля. В списке его клиентов на 1803 г. значится даже одна фирма из Москвы. Один из каталогов, которые он брал с собой в такие поездки, сохранился до наших дней; многочисленные страницы с наклеенными квадратиками ткани демонстрируют необычайное разнообразие узоров и фактуры ткани, какую могли тогда производить британские промышленники¹⁵. В свою очередь, частые отлучки означали, что значительная часть работы приходила к его служащим, главным образом Джозефу Барберу, англичанину-счетоводу, которого Натан нанял вскоре после своего приезда в Манчестер.

Однако никакие поездки не могли гарантировать своевременные поставки, а также, если уж на то пошло, соответствие поставленных товаров заказанным. Поэтому большая часть переписки Натана посвящена умасливанию фабрикантов, уговорам, чтобы те поставляли именно

то, что было заказано. В то же время не было гарантий, что клиенты всегда будут довольны полученным товаром. Поэтому почти столько же времени приходилось тратить на торговлю задним числом из-за цены и качества партий товаров. Как он с горечью писал Гайзенхаймеру, «если я отсылаю товар, проходит два месяца, прежде чем я могу выставить счет, подлежащий оплате через 3 месяца, а потом... я не вижу своих денег пять или шесть месяцев... получить заказ не составляет труда, но совсем не так легко получить за него плату». Кроме того, Натан постоянно торговался со своими лондонскими банкирами из-за процентной ставки и очень высокой стоимости страхования, которую они запрашивали. Похоже, что такой напор с трех сторон вел к определенному расширению области деятельности самого Натана. Примерно в 1801 г. недовольство поставщиками вынудило его самого заняться производством – он приобрел уточно-мотальную машину в фирме «Бултон и Уоттс». Затем, в 1805 г., он объединил усилия еще с одним иммигрантом из Франкфурта, Немом Беером Риндскопфом (сыном делового партнера Майера Амшеля, Беера Нема), поручив последнему заниматься продажами. Вскоре Риндскопф уговорил Натана еще больше расширить сферу деятельности. Риндскопф размещал от имени Натана заказы не только на ткани, но также и на индиго, а позже на жемчуг, черепашьи панцири и слоновую кость (так называемые колониальные товары, ввозимые в Великобританию из заморских колоний). Постепенно Натан уделял все больше внимания различным кредитным операциям, связанным с его делами. Он постоянно интересовался лучшими условиями займов и учета векселей. Он вел дела с многими лондонскими банками, в число которых входили «Лион де Симонс» (Lyon de Symons), «Голдсמיד и Д'Элиасон» (Goldsmid & D'Eliason) и «Даниэль Мокатта» (Daniel Mocatta), а также с континентальными банками, особенно «Пэриш и К^о» (Parish & Co.) и банком братьев Шрёдер. Как и его отец, он постепенно из купца превращался в торгового банкира.

Исступленная, нервная атмосфера тех начальных лет живо схвачена в уцелевших письмах Натана. Для того чтобы выжить и процветать на рынке, переполненном многочисленными малыми предприятиями, подверженном стремительным колебаниям цен, процентных ставок и почти полностью неурегулированном, требовалось сочетание сильной агрессивности и холодного расчета. Натан Ротшильд в изобилии обладал обоими этими качествами. Он с самых первых дней старался наладить со всеми партнерами особые отношения. В одном случае он послал банкиру Соломону бочонок вина в надежде получить лучшие условия страхования¹⁶. Но скоро в его переписке начинает преобладать дерзкий, даже задиристый тон, который, как кажется, давался ему естественнее всего. Уже в декабре 1800 г. он самоуверенно писал одному шотландскому фабриканту, у которого заказал партию ткани: «Если вы приложите все усилия к тому, чтобы угодить мне, и пришлете товар быстро, можете быть уверены, что в моей власти регулярно снабжать вас значительными заказами». Через две недели он подчеркнул следующее: «Со дня на день ожидаю заказов с континента. Я непременно окажу вам предпочтение, но хотел бы, чтобы... прежде чем я дам вам новые заказы, вы сначала исполнили уже полученные. Вы просите на исполнение еще 3 недели, но чем быстрее вы будете меня обслуживать и чем дешевле запросите, тем на большее число зак[азов] можете рассчитывать». Не получив ответа, Натан возмутился: «Странно, что от вас до сего дня нет никаких вестей. Когда я был в Глазго, вы обещали честно исполнить мой заказ немедленно, и вот прошло много времени, а вы не даете о себе знать. Если бы вы могли исполнять заказы за короткий срок, вы могли бы рассчитывать на более крупные заказы, ибо нет смысла передавать заказы, если они не исполняются к обещанному сроку». Другого шотландского фабриканта, затянувшего с поставкой заказанного им товара, он распекал еще энергичнее: «Полагаю, они находятся у вас в виде залога до тех пор, пока я не пришлю вам очень большой СЧЕТ, каковое поведение я считаю весьма неблагородным... Наверное, вы думаете, что я больше никогда не приеду ни в Глазго, ни в Пейсли, но даю вам честное слово, что я приеду снова через два ме[сяца], и надеюсь, что получу много товаров при помощи моих методов платежа».

Год спустя он, не колеблясь, обвинял в «крючкотворстве» французского покупателя, доставившего ему неудобства.

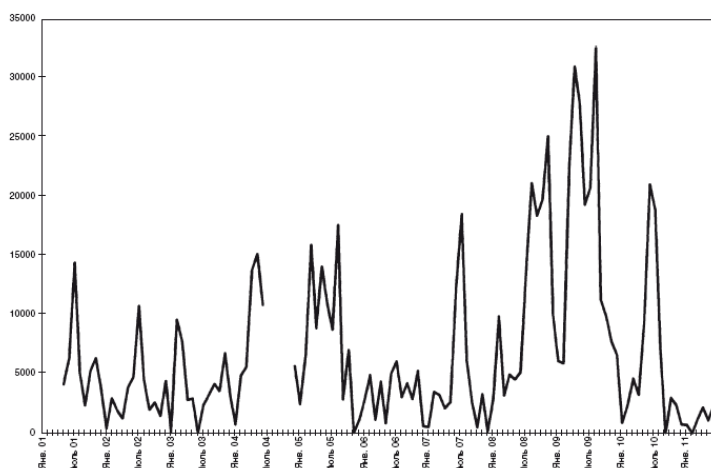
Временами Натану казалось, что он словно ведет войну со своими конкурентами. В одном случае он был «безмерно удивлен, узнав о самых скандальных и необоснованных слухах, которые столь изобретательно распускают по Франкфурту мои враги». Как он писал отцу, «в этой стране многие... с радостью готовы поддержать собственное доброе имя и состояние, уничтожив мои... Но я благодарю Господа за то, что занимаю столь прочное положение, что они не могут достичь своей цели, несмотря на свои злобные и жалкие нападки». Несомненно, конкуренты стремились обвести Натана вокруг пальца. Впрочем, можно предположить, что временами ссоры возникали из-за его взрывного характера. Так, гамбургский банкир Беренс во время мелкой ссоры назвал его «большим мошенником»: «...не могу не выразить своего изумления от тона, а также содержания [вашего письма]; подумать только, вы пытаетесь убедить меня в том, что вы добродетельны, как Катон, и тверды в стремлении держать свое слово, как Регул; однако остается сомнительным, удастся ли вам когда-нибудь убедить меня в таких своих качествах, ведь я не имел ни досуга, ни настроения заниматься изысканиями по этому поводу... Вы часто безумны, вот что я думаю. Или вы считаете, что способны запугать меня своими деньгами? У меня их столько же, сколько и у вас, и я даже не живу в Англии».

Однажды его компаньон Риндскопф совершил ошибку, покритиковав Натана на раннем этапе их сотрудничества. В последующем письме Риндскопфа содержится намек на то, что Натан болезненно воспринял критику: «Моя открытость по отношению к вам исходила из настоящей дружбы, какую я к вам питаю, и если я и допустил какое-либо несдержанное выражение, его следует приписать тогдашнему разочарованию и ни в коем случае не вине сердца... С моей стороны все предано забвению, и я надеюсь и желаю, что и вы, с вашей стороны, поступите так же и решите, что я, как и прежде, пишу моему старому другу м-ру Ротшильду». Когда один лондонский купец обвинил Натана в том, что он не ведет дела ни с кем, кроме «мошеннических банков», он вспылил: «Сэр, уверяю вас, что я не веду дела с другими банками, кроме тех, чьи респектабельность и солидность равны вашим; владельцы богатейших банковских домов Лондона, Гамбурга и других мест Европы не мошенники, а именно с ними я веду дела... Я могу доказать кому угодно, что я никогда не допускал просрочки ссуд и не терял ни единого пенни из-за несостоятельности моих друзей, чего не было бы, если бы я дела исключительно с мошенниками... Никто больше меня не ненавидит крючкотворство и жалобы».

Правда, в переменчивом мире текстильной промышленности начала XIX в. всегда было необычайно важно сохранить репутацию почтенного бизнесмена, поскольку от нее зависела кредитоспособность в глазах других. Тем не менее невольно сочувствуешь еще одному корреспонденту, который, очевидно, не смог смириться с крайней воинственностью Натана: «Великое несчастье состоит в том, что, как только вам ответили по одному пункту, ваше буйное воображение вынуждает вас подумать о другом, а человек деловой, у которого есть и другие дела, кроме вечных опровержений ложных обвинений всевозможного сорта, должен по природе своей испытывать отвращение к тому, чтобы следовать за вами по лабиринту ложных посылок и ошибочных утверждений, кои постоянно побуждают вас делать ваша богатая фантазия без всякой пользы для вас самих и к неудовольствию других».

Остается вопрос, насколько удачливым с финансовой точки зрения был на самом деле этот агрессивный молодой человек. Судя по косвенным доказательствам, можно предположить, что дела у Натана шли неплохо. К 1804 г., когда ему предоставили право гражданства, он владел домом на Даунинг-стрит в Ардвике, процветающем районе Манчестера, а также складами на Браун-стрит. Четыре года спустя у него появился «большой и поместительный» склад, примыкающий к «просторному, современному и прочному» дому по адресу: Мосли-стрит, 25, на «самой элегантной улице Манчестера». Существующие цифры оборота, какие удалось найти на период 1800–1811 гг., когда Натан закрыл свое отделение в Манчестере, под-

тверждают догадки о стремительном экономическом подъеме (см. ил. 1.2). Более того, если предположить, что он достиг прибыли, с погрешностью в сторону уменьшения, 5 % по оптовым продажам примерно в 800 тысяч ф. ст. за весь период, значит, вполне правдоподобным выглядит его последующее утверждение, адресованное Бакстону, что он, торгуя текстилем, заработал 40 тысяч ф. ст. С другой стороны, рост капитала шел совсем не так гладко, как сам Натан утверждал позднее. Как показывает ил. 1.2, хороший период начался в начале 1804 г. и продолжался до осени 1805 г., но за ним следовали почти два года низкого оборота. То же самое повторилось позже, когда стремительное расширение объема операций Натана в 1808 и 1809 гг. резко снизилось в 1810 г.

1.2. Оборот экспорта текстиля Натана, 1801–1811 гг. (в ф. ст.)

Такие резкие взлеты и падения не должны нас удивлять. Сфера деятельности, в какой подвизался Натан, даже в лучшие времена была подвержена резким сезонным и циклическим колебаниям. Натану же, помимо всего прочего, пришлось пережить последствия срыва поставок, вызванного Наполеоновскими войнами и всеми торговыми ограничениями Англии и континентальной Европы, которые характеризовали ту эпоху. Еще до того, как в 1803 г. возобновилась война между Англией и Францией, его предупредили о возможных эмбарго при торговле со странами, лежащими по ту сторону Ла-Манша¹⁷. Климат для бизнеса ухудшался уже в 1805 г., так что официальное введение блокады – по Берлинскому декрету, запрещалось ввозить товары из Великобритании на территории, находящиеся под властью французов (ноябрь 1806 г.), – просто подтвердило катастрофу. Как жаловался один корреспондент в ноябре 1805 г.: «Нынешнее время – самое опасное и самое несчастное для Континента... совершенно никакой торговли, рынок переполнен товаром [и] долги не отдаются». По крайней мере три фирмы, с которыми вел дела Натан, в том числе «М. М. Давид» (M. M. David) из Гамбурга, разорились в первые месяцы 1806 г., задолго до июня, когда была введена блокада. С того времени для компаний вроде той, что была у Натана, оставался выбор: залечь на дно или нарушать санкции, учитывая сопровождающий подобные действия риск. В мае 1806 г. Адмиралтейство конфисковало в Гулле пять кораблей и захватило контрабанды примерно на 20 тысяч фунтов, – товары, закупленные в Манчестере тремя купцами еврейского происхождения. Еще одного купца, приехавшего, чтобы просто рассчитаться с Натаном, арестовали в Стокпорте. Не отставали и французы: они арестовали Пэриша, нового гамбургского агента Натана, который вынужден был распродать свои товары с большим убытком, чтобы избежать их конфискации. Сохранившиеся копии писем свидетельствуют о том, что то был особенно трудный период для Натана, так как Риндскопфу становилось все труднее и труднее учитывать его векселя. В апреле 1806 г. Пэриш жаловался Майеру Амшелю, что его сын превысил кре-

дитный лимит на 2 тысячи фунтов. А к концу августа он, судя по всему, задолжал Риндскопфу свыше 28 тысяч фунтов, причем долг он брал под 4,2 % годовых. Дела улучшились после Тильзитского мира, подписанного Наполеоном и русским царем; сообщения о мире достигли Натана через его брата Амшеля в июле 1807 г.; однако ограничения, связанные с торговлей через Ла-Манш, оставались в силе.

В таких условиях Натану оставалось только одно: вести дела нелегально. Короче говоря, он стал контрабандистом. В октябре 1807 г. он отправил партию кофе в Швецию через Амстердам на корабле, зарегистрированном в Америке, с фальшивыми голландскими документами. Другими излюбленными маршрутами контрабандистов были Гельголанд и балтийские порты. Конечно, застраховать контрабандный товар легально было невозможно, так что отправители очень рисковали. Зато и вознаграждение, судя по всему, было очень крупным. К 1808 г. Натан заслужил репутацию человека, который благодаря превосходным «управлению, способности судить о людях, дару предвидения и связям» регулярно «успешно доставлял товары на континент» – хотя «ни слова не говорилось... о том, как именно он посылал свои товары». Впрочем, восстановление бизнеса в 1808–1809 гг. было кратковременным. В сентябре 1809 г. в Риге захватили большую партию товаров; ее удалось освободить только посредством «взятки – и она стала поистине тяжким бременем». Еще одну партию постигла та же участь в Кенигсберге.

Последний удар ему нанесли в октябре 1810 г. во Франкфурте. По иронии судьбы, в этот день по Трианонскому мирному договору, подписанному 5 августа, запрет на некоторые виды импорта уже был ослаблен: так, легализовали ввоз так называемых «колониальных товаров». Однако большинство франкфуртских компаний по-прежнему занимались контрабандой, отчасти для того, чтобы не платить высокие пошлины на импорт, предписанные по новым законам, а отчасти – чтобы и дальше торговать товарами, которые считались чисто «британскими». Майер Амшель, например, только в июле 1810 г. принял не менее семи партий английских товаров на общую сумму в 45 тысяч фунтов. 14 октября Наполеон подписал в Фонтенбло императорский декрет, по которому в странах, занятых французскими войсками, все английские и колониальные товары, контрабандой ввезенные на их территорию, подлежали конфискации. Франкфурт оккупировали два пехотных полка. Вскоре, на основании доносов шпиона по фамилии Тьяр, около 234 компаний подверглись обыскам. У Майера Амшеля нашли контрабандных товаров на сумму в 60 тысяч гульденов. Примерно половину составлял краситель индиго, вероятнее всего, присланный Натаном. По условиям Трианонского договора, товары облагались налогом не только задним числом (так, на Майера Амшеля наложили штраф почти в 20 тысяч франков). Кроме того, все захваченные товары, общей стоимостью около 100 тысяч гульденов, были публично сожжены. Как замечал один очевидец, «степень общего замешательства, которое вызвала данная мера, превосходила любые описания». Хотя Майер Амшель отделался сравнительно легко – Бетманам, например, пришлось заплатить штраф на сумму в 360 лишним тысяч франков, – кризис стал переломным. С тех пор торговля товарами потребления в бизнесе Ротшильдов постоянно шла на спад¹⁸.

Для Натана перелом начался в октябре 1806 г., после его женитьбы на Ханне, дочери известного лондонского купца Леви Барента Коэна. Брак не только увеличил капитал Натана на размер приданого жены (3248 ф. ст.) и отдельной крупной суммы, полученной им от собственного отца; он также стал партнером одной из самых видных фигур лондонской еврейской общины. Именно с Коэном Натан занимался контрабандными делами в 1807 г.; и, подобно прежнему компаньону Натана, Риндскопфу, Коэн призывал молодого зятя расширять ассортимент товаров, которые тот экспортировал в страны континентальной Европы. Теперь Натан вывозил индийские и балтийские товары, а также британские ткани. Впрочем, такой шаг можно считать лишь промежуточным; к тому времени Натан уже решил заняться банковским делом. В глазах по крайней мере одного его манчестерского партнера он уже достиг этого в 1808 г., хотя в Лондоне его как банкира еще не знали. Первую контору он открыл летом 1808 г.

по адресу Грейт-Сент-Хеленс, 12. Хотя, судя по самым первым бухгалтерским книгам, можно сказать, что в 1810 г. Натан уже проводил банковские операции, переезд из Манчестера затянулся, и лишь в начале июля 1811 г. он получил возможность официально объявить, «что отныне нижеподписавшийся Натан Мейер [так!] Ротшильд из Манчестера с сегодняшнего дня прекращает дела руководимой им фирмы «Братья Ротшильд». Всех, кто вел дела с этой фирмой, просят присылать свои требования об оплате счетов Н. М. Ротшильду на его контору по адресу: Нью-Корт, Сент-Суизинс-Лейн, номер 2, Лондон»¹⁹.

Натан проделал большой путь, оставив позади перенаселенную Юденгассе – и дискриминацию, символом которой служит «Юдензау» – всего за двенадцать лет. Но Натан Ротшильд не мог получить новый адрес в Сити в более благоприятное время.

Глава 2

Сокровище курфюрста

Старик... составил наше состояние.
Карл Ротшильд

Успехи Натана Ротшильда в стране, где началась промышленная революция, бесспорно, оказали влияние на операции его отца, оставшегося во Франкфурте. В этом смысле Ротшильды были подлинными детьми индустриальной эпохи. Однако подлинным источником экономического роста семьи современники считали именно параллельный успех Майера Амшеля в старомодной роли «придворного еврея». Более того, даже родные сыновья Майера Амшеля склонны были считать фундаментом семейного благосостояния его отношения с Вильгельмом IX, наследным принцем, правителем ландграфства, а после 1803 г. курфюрстом Гессен-Касселя. Начиная примерно с 1826 г., когда история получила огласку, миф о сокровищах курфюрста так часто пересказывали и дополняли столькими подробностями, что в нем никогда не сомневались всерьез. Однако пристальное изучение сохранившихся записей позволяет предположить, что важность роли курфюрста несколько преувеличивали или, во всяком случае, неверно истолковывали.

Вильгельм Гессен-Кассельский был почти ровесником Майера Амшеля и разделял его интерес не только к старинным монетам, но и вообще к любым деньгам. Однако во всех остальных отношениях трудно себе представить двух более разных людей – не в последнюю очередь из-за их религиозных убеждений. Отец Вильгельма, ландграф Гессен-Кассельский в молодости, в период между 1760 и 1785 гг., сильно напугал своих родственников-протестантов – не только отца, но и тестя, Георга II, короля Англии, – перейдя в католичество. В результате ландграфа лишили опеки над юным Вильгельмом. В годы Семилетней войны Вильгельма и его брата Карла послали в Данию, где они подпали под влияние еще одного протестантского монарха, Фредерика V, короля Дании, также состоящего в родстве по браку с Георгом II. В 1763 г. Вильгельм женился на его дочери. До смерти своего отца Вильгельм управлял маленьким независимым графством Ганау-Мюнценберг, которое находилось к северо-западу от Франкфурта. Однако, несмотря на огромное политическое значение, какое приобрела в его жизни религия, нельзя сказать, что Вильгельм чтит десять заповедей хотя бы отдаленно так же педантично, как его ровесник Майер Амшель, еврей, занимавший самое скромное общественное положение. Вильгельм прижил двенадцать незаконнорожденных детей от трех любовниц, в том числе четверых – от гессенской дворянки Каролине фон Шлотхайм и не менее семи – от швейцарки Розали Доротеи Риттер. Не считая нужным скрывать плоды своих супружеских измен, Вильгельм подарил всем своим внебрачным детям подходящие благородные титулы и фамилии – фон Гессенштайн, фон Хаймродт и фон Гайнау.

Однако преобладающим его грехом была алчность – искушение, которое постоянно одолевало его. Дело в том, что Гессен-Кассель, в отличие от подавляющего большинства крупных и мелких европейских государств в XVIII в., был богатым имперским княжеством; при вступлении Вильгельма на престол в казне насчитывалось от 30 до 40 млн гульденов. Кроме того, правитель, не скованный какими-либо политическими ограничениями, введенными в других частях Западной Европы, мог тратить это богатство как ему заблагорассудится: государственные активы практически приравнивались к личному состоянию правителя. Такое громадное накопление капитала было достигнуто в первую очередь благодаря сдаче внаем гессенской армии тому, кто готов был больше платить, – обычно Великобритании. Система достигла своего пика во время Войны за независимость США. Вильгельм принимал участие в таких «торговых операциях» еще до того, как сменил на престоле своего отца: он отправил из Ганау полк,

состоявший примерно из двух тысяч солдат, сражаться за Георга III против мятежных колонистов. Условия были выгодными: Вильгельм получал 76 гульденов (около 7 ф. ст.) за человека плюс дополнительные 25 гульденов за каждого раненого и 76 – за каждого убитого. Деньги выплачивались не наличными, а в виде беспроцентных векселей, которые вначале поступали на счет Вильгельма в лондонском банке «Ван Ноттен и сын» (Van Notten & Son). Если Вильгельм желал обналичить векселя до срока погашения, он продавал их брокерам в Германии. Хотя он действительно тратил значительные суммы – например, на постройку себе нового дворца, Вильгельмсхёэ, – продавая векселя, он стремился так вложить свои сбережения, чтобы они принесли ему наивысший процент. И поскольку большинство его сверстников-принцев в Германии частенько нуждались в деньгах, он без труда добивался своего, давая им деньги взаймы.

Вот почему финансовая система Гессен-Касселя была более характерна не для небольшого государства, а скорее для крупного банка. В то время как казначейство (Kammerkasse) собирало регулярные доходы от королевских поместий и непрямых налогов, которыми затем расплачивались по регулярным гражданским расходам, военное казначейство (Kriegskasse) получало доходы не только от государственных налогов на собственность, но также и от сдачи внаем солдат. Кроме того, военное казначейство распоряжалось процентами от капиталовложений ландграфа. Если суммировать активы обоих финансовых учреждений, общие активы Вильгельма в 1806 г. доходили до 46 млн гульденов (более 4 млн ф. ст.). Больше половины этой суммы (28,8 млн гульденов) размещалось в виде займов другим немецким принцам, особенно герцогу Мекленбург-Стрелица и графу Липпе-Детмольда. Еще 4,6 млн гульденов было вложено в британские рентные облигации. То, что его чистый доход за вычетом всех расходов составлял около 900 тысяч гульденов, говорит само за себя: современники не так уж ошибались, считая его одним из богатейших европейских «капиталистов». Поэтому, с точки зрения Майера Амшеля, стремившегося стать крупным банкиром, Вильгельм обладал особой притягательностью. Прибыль можно было получить, не только покупая и перепродавая его английские векселя; можно было неплохо заработать, надежно вкладывая его огромные и постоянно растущие капиталы. Единственная проблема для Майера Амшеля заключалась в том, что эту прибыль уже получали другие.

Майер Амшель пытался закрепиться при дворе Вильгельма еще в то время, когда тот управлял Ганау. Однако в 1785 г., когда молодой ландграф после смерти отца переехал севернее, в Кассель, Майер Амшель по-прежнему оставался для него никем. Доподлинно известно, что в 1783 г. он запрашивал особый пропуск, позволявший ему покидать Юденгассе по воскресеньям. Из позднейшей переписки становится ясно, что в то время Майер Амшель уже начал проводить операции с английскими векселями. Но лишь начиная с 1789 г. он смог протиснуться на главный рынок таких облигаций в Касселе, предложив платить больше, чем уже известные тамошние компании. Даже тогда ему давали лишь самый скудный кредит – 800 ф. ст. (для сравнения, ведущий кассельский брокер, Фейдель Давид, получал кредит в 25 тысяч ф. ст.). Через год, запросив 10 тысяч ф. ст., он получил всего две тысячи²⁰. Однако в то время Майер Амшель завязал взаимовыгодные дружеские отношения с «полезным человеком» – позже так же станут действовать его сыновья и внуки. Карл Фридрих Бударус поступил на службу к Вильгельму в качестве наставника его незаконнорожденных детей от Доротеи Риттер. В 1783 г. он перешел на службу в финансовое управление Ганау, а в 1792 г., в возрасте 33 лет, переехал в Кассель, где, быстро продвинувшись на государственной службе, поступил во всесильное военное казначейство.

Первой вехой сотрудничества Бударуса и Ротшильда можно считать 1794 г., когда Бударус недвусмысленно рекомендовал, чтобы Майеру Амшелю позволили присоединиться к пяти известным банкирским домам и участвовать в аукционе, где торговались английские облигации на сумму 150 тысяч ф. ст. Судя по всему, тогда к его рекомендации не прислушались. В 1796 г. Бударус повторил ее – и на сей раз успешно. Две нееврейские банковские компании,

«Рюппель и Гарнир» (Riippell & Harnier) и «Прейе и Йордис» (Preye & Jordis) предложили военному казначейству облигации, выпущенные Франкфуртом, на миллион гульденов. Из них казначейство купило облигаций на 900 тысяч гульденов. Будерус намекнул Майеру Амшелю, что ему следует предложить продать казначейству оставшиеся облигации на сумму в 100 тысяч гульденов по более выгодной цене (97,5 % от номинала), чем предлагали другие банки (98 %). Едва ли такое предложение сулило прибыль, поскольку на франкфуртской бирже облигации котировались по номиналу (то есть 100 %), зато чуть большая скидка, предложенная Майером Амшелем, позволила ему закрепиться там, куда он давно стремился попасть. В 1798 г. большая часть английских облигаций на сумму в 37 тысяч ф. ст. была куплена за наличные Майером Амшелем, Рюппелем и Йордисом. В последующие годы Майер Амшель неуклонно увеличивал свою долю и в инвестициях Вильгельма. В итоге в 1801–1806 гг. он принял участие не менее чем в 11 крупных займах, из которых самыми важными были займы, предоставленные Дании, Гессен-Дармштадту, Бадену и ордену иоаннитов. Кроме того, он участвовал в покупках недвижимости от лица Вильгельма, продолжая в то же время поставлять ему его любимые медали.

Особый интерес представляют переговоры, приведшие к размещению различных датских займов, так как позволяют понять, как Майер Амшель вытеснял из бизнеса своих конкурентов. Сначала, в 1800 и 1801 гг., он довольствовался просто долей в займах, организованных, например, банкирским домом Бетманов или «Рюппелем и Гарниром». Вскоре они стали обращаться с ним как с равноправным партнером. Наконец, начиная примерно с 1804 г., ему удалось добиться монополии на дела с Данией, отчасти благодаря взяткам («чаевым») и скидкам, которые он предоставлял до одержимости скупому Вильгельму, отчасти благодаря хорошим отношениям, установившимся у него с гамбургским банкиром Й. Д. Лаветцем, который играл роль посредника между Касселем и Копенгагеном. Всего за тот период Майер Амшель продал Вильгельму датских облигаций стоимостью не менее 4,5 млн гульденов (около 450 тысяч ф. ст.); разместил три займа ландграфу Гессен-Дармштадтскому на общую сумму в 1,3 млн гульденов, из которых около половины принял Вильгельм, и один заем Бадену на 1,4 млн гульденов. Цифры весьма внушительные; вполне понятно, что успех Майера Амшеля возбуждал зависть и презрение среди его конкурентов. В 1806 г. «Рюппель и Гарнир» с горечью (но тщетно) жаловались, что некие «коммерческие конкуренты-евреи» распространяют клевету и порочат их доброе имя. Конкуренты, по их словам, похоже, считали, что «фамилия Ротшильд» заслужила больше доверия в Гессен-Касселе, чем само правительство Дании.

Такие недобрые чувства не были свойственны лишь банкирам-нееврейам. В 1802 г. еврейская община Касселя подала жалобу на Майера Амшеля на том основании, что он во всех отношениях поселился в городе (где совершалась большая часть вышеописанных операций), не имея статуса «охраняемого еврея» и, соответственно, не исполняя обязанностей налогоплательщика. После того как Майера Амшеля обязали купить освобождение от всех полагающихся пошлин за 180 гульденов, он решил закрепить «охраняемый» статус за своим старшим сыном Амшелем. В своем прошении он с поразительной неискренностью уверял, что присутствие одного из Ротшильдов в Касселе «никоим образом не причинит ущерба деятельности местных купцов, а те, кто проводит операции с векселями, даже выгадают от этого, поскольку конкуренция всегда идет на пользу таким операциям». Ввиду упорного сопротивления представителей местной еврейской общины, а также из-за того, что Майер Амшель никак не мог решить, на чье имя – его самого или сына – следует выписать вид на жительство, документ был выдан не ранее июня 1806 г.²¹

И все же, несмотря на должность главного придворного поставщика (Oberhofagent), пожалованную ему в 1803 г., важно подчеркнуть, что на том этапе истинным банкиром можно считать не столько Майера Амшеля, сколько Вильгельма. Ротшильд во многом напоминал биржевого брокера, который стремился удовлетворить растущий спрос своего клиента на неименные облигации в противоположность ссудам частным лицам²². Обычно, когда Майер Амшель

приобретал облигации для Вильгельма, его комиссия составляла не более 1,75—2 %, так что его общая прибыль от такой сферы деятельности, скорее всего, не превышала 300 тысяч гульденов. Более того, по крайней мере в двух случаях сам Майер Амшель занимал деньги у Вильгельма. В то же время важно помнить: хотя Вильгельма в тот период можно считать самым важным клиентом Майера Амшеля, курфюрст никоим образом не был его единственным клиентом. В период существования многочисленных государств Майер Амшель стремился завязать отношения по возможности с большим количеством княжеских дворов – задача, которую упрощали займы, размещенные им для Гессен-Касселя. К 1803 г. его назначили придворным поставщиком для ордена Святого Иоанна (после одного решительно неудачного займа), князя Турн-и-Таксис (наследственного генерал-оберпочтмейстера Священной Римской империи), ландграфа Гессен-Дармштадтского и Карла Фридриха Людвиг Морица цу Изенбурга, графа Бюдингена. Самое почетное из этих назначений состоялось в 1800 г., когда Майер Амшель получил звание придворного поставщика австрийского императора. Так его наградили не только за его прежние заслуги в поставках «военного имущества», но еще и за сбор процентов по существенным займам императора у Гессен-Касселя. Единственная неудача постигла Майера Амшеля в 1802 г.: баварский двор игнорировал его прошение о звании поставщика.

Разумеется, важность таких должностей не следует преувеличивать. Например, в 1803 г. таможенные чиновники Гессен-Дармштадта просто отказались признавать привилегированный статус Майера Амшеля как придворного поставщика. Во всяком случае, вся система мелких княжеств с многочисленными накладывающимися друг на друга юрисдикциями, которая и позволяла подобным званиям процветать в XVIII в., находилась на грани беспрецедентного и революционного переворота – переворота, которому суждено было преобразить отношения Ротшильдов с их высокопоставленными покровителями. Вплоть до 1806 г. они зависели от курфюрста и его отношения к их операциям и возможным привилегиям, которые он мог им даровать. С течением времени Вильгельм понял, что постепенно попал в зависимость от Майера Амшеля и его сыновей.

Истоки мифа

Как мы видели, в 1790-е гг. уже имело место крупное столкновение Гессен-Касселя с революционной Францией. Его кульминацией стал артиллерийский обстрел Франкфурта в 1796 г., уничтоживший Юденгассе. В конце XVIII в. эти события лишь укрепили традиционные связи Касселя и Лондона: Вильгельм не впервые выслал войска против Франции в обмен на английские деньги. Правда, впоследствии он принял условия Люневильского мира (1801), по которому левый берег Рейна отходил Франции. Но в 1803 г., когда снова вспыхнула война между Англией и Францией, раскрытие карт стало почти неизбежным. Вильгельм был слишком тесно связан с Англией для того, чтобы последовать примеру тех 16 немецких государств, которые летом 1806 г. вышли из состава фактически прекратившей свое существование Священной Римской империи и под давлением Наполеона образовали Рейнский союз. Кроме того, Вильгельму так хотелось и дальше вести дела с различными государствами, которым требовалась его поддержка, что он не признавал шаткости собственного положения. Наполеон предложил ему территорию Ганновера. Однако Вильгельм (ставший курфюрстом Гессен-Кассельским) ранее ссудил деньги Австрии и Пруссии, которые в 1805 г. примкнули к антифранцузской коалиции. Осенью 1806 г., после поражений прусской армии при Иене и Ауэрштадте, курфюрст очутился в весьма беззащитном положении. Ни поспешная демобилизация войск, ни запоздалая просьба принять Гессен-Кассель в Рейнский союз, ни даже знаки, которые он в отчаянии приказал воздвигнуть на границах – «Курфюршество Гессен: нейтральный статус», – не смягчили гнева Бонапарта, в чьих глазах Вильгельм теперь стал просто «фельдмаршалом на службе у Пруссии».

– Моя цель, – прямо говорил Наполеон, – устранить Гессен-Кассельский дом от правления и вычеркнуть его из списка государств.

Вильгельму пришлось бежать: другого выхода он не видел. Вначале он направился во владения своего брата, в Готторп-Гольштейн, который тогда относился к Дании²³. 2 ноября генерал Лагранж, занявший его дворец в Касселе, стал генералом-губернатором; через два дня Лагранж выпустил прокламацию, в которой официально объявлял о конфискации всех активов беглого курфюрста и угрожал всем, кто намерен укрывать их, военным трибуналом.

Если верить легенде, именно в то критическое время Вильгельм обратился к своему верному придворному поставщику Ротшильду, поспешно поручив его заботам все свое движимое имущество: «Французская армия уже вступала во Франкфурт, когда Ротшильду удалось закопать сокровища курфюрста в углу своего маленького сада. Свое собственное имущество, которое, в пересчете на деньги, равнялось примерно 40 тысячам талеров, он не спрятал, хорошо понимая: если он так поступит, у него проведут тщательный обыск и тогда найдут и заберут не только его имущество, но и имущество курфюрста. Республиканцы, которые, подобно древним филистимлянам, напали на Ротшильда, не оставили ему ни талера из его денег и ценностей. Более того, его, как и остальных евреев и граждан города, ввергли в крайнюю бедность, однако сокровище курфюрста было надежно спрятано...»

Согласно одной довольно распространенной версии, опубликованной в одной английской газете в 1836 г., после того как Майер Амшель в конце концов вернул деньги Вильгельму, тот ответил: «Я не возьму ни проценты, которые ты по своей честности мне предлагаешь, ни весь капитал из твоих рук. Процентов будет недостаточно, чтобы восполнить то, чего ты лишился, спасая мое имущество; и пусть мои деньги останутся в твоём распоряжении еще на двадцать лет всего под два процента».

Как уже упоминалось во введении, впервые история эта получила распространение в 1827 г., когда она появилась в «Общей немецкой энциклопедии для образованных классов» Ф. А. Брокгауза. Хотя есть все основания полагать, что к распространению истории причастны сами Ротшильды, впоследствии она разошлась так широко, что зажила своей жизнью – причем не в одном смысле. Вначале она призвана была проиллюстрировать исключительную честность членов семьи как держателей вкладов; предполагалось, что они скорее рискнут всем, но деньги клиентов сохраняют и выплатят проценты по вкладу. Именно таким видится сюжет двух картин кисти Морица Даниэля Оппенгейма, заказанных членами семьи в 1861 г. Впрочем, в конце XIX в. историю стали рассматривать совершенно по-другому: сокровище курфюрста превратилось в «кровавые деньги», потому что они были нажиты путем сдачи внаем солдат. Ну а Майер Амшель не просто сохранил сокровище, но пустил его в рост. Положительная и отрицательная версии мифа ярко противопоставлены в американском и немецком фильмах «Дом Ротшильдов» (1934) и «Ротшильды» (1940).

Давно уже стало ясно, что вся история – вымысел, хотя в ней, как и во многих мифах, окружающих Ротшильдов, содержится крохотное зерно истины. На самом деле после французской оккупации движимое имущество Вильгельма оказалось рассредоточено в разных местах. Во владение Майера Амшеля попали лишь относительно мелкие его части. Некоторые самые важные ценности – главным образом облигации (без купонов, которые хранились отдельно) – Будерус успешно вывез из Касселя контрабандой. В начале ноября Будерус предпринял рискованную вылазку в Итцехо через линии французских войск. Однако основная масса ценностей хранилась в тайниках в загородных резиденциях Вильгельма. Согласно подробному списку, тщательно составленному самим курфюрстом, 24 сундука – в которых хранились не только ценные бумаги и купоны, но и счета, столовое серебро и одежда – были спрятаны под лестницей в северном крыле Вильгельмсхёе, а еще 24 сундука, в которых хранились, в числе прочего, документы военного казначейства, надежно укрыли в другом крыле дворца. В погребе расположенного неподалеку Лёвенбурга спрятали еще 24 сундука, в которых в том числе нахо-

дились ценные бумаги, принадлежавшие любовнице курфюрста, а также официальные документы, фарфор и одежда. Наконец, в охотничьем домике в Сабабурге хранилось 47 сундуков, в большинстве из которых лежало столовое серебро. На самом деле почти все сокровища достались бы французам, которым не составило труда добыть опись серебра курфюрста, если бы не удалось заключить сделку с Лагранжем. В обмен на взятку в размере 260 тысяч франков (скромную, учитывая обстоятельства) он согласился закрыть глаза на «таинственное похищение» 42 сундуков. Остальные были конфискованы. Итак, в ночь на 8 ноября один из служащих курфюрста вывез несколько экипажей с «освобожденными» сундуками в Гоф-Штёльцинген, где их разделили. Некоторые самые важные документы (в том числе бумаги, связанные с лондонскими капиталовложениями курфюрста) военный советник Леннеп увез назад в Кассель; 10 сундуков поместили в мюнхенский банк Тор-беке, причем два из них отправили в Шлезвиг, а остальные – в Айзенах; и еще 19 сундуков тайно вывезли во Франкфурт и доверили банку «Прейе и Иордис».

К тому времени Лагранж понял, что назначил приближенным курфюрста слишком низкую цену. После того как ему удалось захватить часть ранее выпущенных сундуков, он потребовал больше денег. В конце концов, стороны пришли к согласию: в обмен на выплату еще одной, более солидной, суммы Лагранж обещал снизить общую стоимость активов курфюрста. Составили список на общую сумму в 19,8 млн гульденов (в списке значились главным образом крупные займы, выданные другим немецким князьям). Этот список считался «официальной» французской описью. Затем все документы, имеющие отношение к другим активам курфюрста – по приблизительным подсчетам, на сумму 27 млн гульденов, – передали Бударусу. Часть документов переправили курфюрсту в Шлезвиг. Часть осталась у Бударуса. Оставшиеся бумаги, главным образом обычные документы военного казначейства и документы, связанные с личными средствами курфюрста, уложили в четыре сундука. Именно эти четыре сундука отдали на хранение Майеру Амшелю. Еще в нескольких сундуках хранились медали и некоторые облигации; летом следующего года, после того как курфюрст покинул Итцехо и уехал на территорию Австрии, их тоже временно поручили заботам Майера Амшеля в Гамбурге²⁴. Вот и все.

Впрочем, такой прозаический отчет принижает роль Ротшильдов в спасении сокровищ ссыльного курфюрста. Во-первых, Вильгельму по-прежнему нужен был искусный биржевой брокер и консультант по инвестициям. Поскольку ему удалось сохранить активов на 27 млн гульденов, его доход от капиталовложений оставался существенным даже за вычетом дополнительных расходов, вызванных ссылкой. (Согласно выкладкам Бергхоффера, остаток составлял около 740 тысяч гульденов в год.) В задачу Майера Амшеля в тот период частично вменялся сбор этих процентов у разных должников. Вдобавок он должен был вкладывать собранные средства в новые займы. Так, он организовал заем в 100 тысяч гульденов для казначейства Ганау и большой заем для графа Карла фон Ханна цу Ремплин (распутного «графа-театрала», которого родственники вскоре после того поместили под опеку). Он присматривал и за текущим счетом, то есть за теми деньгами, которые курфюрст доверил Бударусу. В одном случае, по предложению Бударуса, Майер Амшель также занял деньги у самого курфюрста. Он выкупил значительную часть собранной курфюрстом коллекции монет, которая ранее была распродана и разошлась по разным владельцам, а также 14 бочонков с вином, ранее украденных из погребов Ганау. Майер Амшель отвечал и за различные денежные переводы, которые необходимо было совершать курфюрсту в военных и дипломатических целях: выплаты гессенским военнопленным, которых удерживали французы, князю Виттгенштейну, который предложил свои дипломатические услуги, а также – в 1813 г. – России и Пруссии. Сыну курфюрста, который находился в Берлине, Майер Амшель ссудил в общей сложности 160 тысяч гульденов. Кроме того, он надзирал за финансами любовницы курфюрста, графини фон Шлотхайм. Известно, что он также продал курфюрсту кольцо с бриллиантом.

Судя по всему, все это были мелочи, и большая часть сделок не приносила прибыли. В 1809 и 1810 гг. много времени было потрачено на окончившуюся неудачей помощь австрийскому казначейству. Согласно замыслу, предполагалось перевести императору часть активов Вильгельма – номинальной стоимостью свыше 10 млн гульденов. Однако одна услуга, оказанная Ротшильдами, стоила всех остальных: управление его английскими инвестициями. Позже Натан утверждал, что «князь Гессен-Кассельский... дал моему отцу эти деньги; нельзя было терять времени; он послал их мне. Неожиданно почтой прибыли 600 тысяч фунтов; и я так хорошо распорядился ими, что князь сделал мне подарок: отдал все свое вино и лен». На первый взгляд рассказ Натана правдоподобен: одним из самых важных последствий Наполеоновских войн стала большая миграция капитала с континента в Лондон. Что же касается легенды о сокровище, в действительности все было гораздо сложнее.

В начале своего изгнания Вильгельм уже обладал значительным английским портфелем, куда главным образом входили рентные бумаги номинальной стоимостью 635 400 ф. ст.; выплачиваемые по ним проценты составляли 20 426 фунтов в год. Вдобавок курфюрст дал займы значительную сумму – около 200 тысяч ф. ст. – принцу Уэльскому и его братьям (хотя они обычно просрочивали выплату процентов). Будучи союзником британских монархов, Вильгельм в 1807–1810 гг. также получал денежные ассигнования в размере 100 150 ф. ст.²⁵ Оставался важный вопрос – что делать с выплатами процентов и ассигнованиями, поскольку их переводили на текущий счет Вильгельма в банке Ван Ноттена. Уже в 1807 г., то есть за некоторое время до его переезда из Манчестера в Лондон, Натан связался с Лоренцем, посланником Вильгельма в Лондоне. Он предлагал выгодно инвестировать эти деньги, однако ему отказали по недвусмысленному приказу курфюрста²⁶. И только два года спустя, снова по совету Будеруса, Майеру Амшелю поручили купить трехпроцентные консоли (государственную ренту с правом досрочного погашения или то, что сейчас назвали бы первоклассными ценными бумагами) по номиналу в 150 тысяч ф. ст., по 73,5 (то есть за 73,5 % от их номинальной стоимости или цены при погашении). До конца 1813 г. ему предстояло провести еще 9 таких операций на общую сумму в 664 850 ф. ст. Вот на какие деньги позже ссылался Натан в беседе с Бакстоном. Его брат Карл также упоминал о них, когда в 1814 г. заметил, что «старик... – он имел в виду Вильгельма, – составил наше состояние. Если бы у Натана не оказалось трехсот тысяч фунтов курфюрста [так!] в руках, у него ничего бы не получилось».

Как покупка консолей для другого лица сыграла столь решающую роль для Ротшильдов? Ответ лежит в способе, каким проводились инвестиции. На первый взгляд, на такой сделке много не заработаешь, ведь Майер Амшель получал комиссию всего в $\frac{1}{8}\%$ с каждой покупки. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется нечто более важное. Вильгельм не перечислял всю сумму для каждой покупки; Ротшильды фактически покупали консоли пусть и на имя курфюрста, но на деньги, которые они в основном занимали. Пожелай они, могли бы заплатить всего долю от рыночной цены, откладывая полную выплату до даты завершения сделки. Но тогда им пришлось бы заняться двойной спекуляцией: на цене консолей и на обменном курсе гульдена к фунту стерлингов. Майер Амшель предпочел этого не делать. Он рад был получить прибыль на разнице между согласованной с Вильгельмом ценой и обменным курсом – и фактической ценой и обменным курсом, выплачиваемым его сыном в Лондоне. Первые три раза разница в цене составляла около 2 %, поскольку при завершении Британской кампании против Наполеона консоли падали. Вероятно (хотя доказать это невозможно), Майер Амшель также получал какую-то прибыль от разницы в обменных курсах.

Скорее всего, курфюрст подозревал, что происходит: летом 1811 г., когда консоли достигли минимума в 62,5, он приказал приостановить закупки и до мая следующего года перестал переводить деньги на покрытие предыдущих закупок. Вероятно, такое его решение вполне устраивало Ротшильдов. Дело в том, что консоли оставались зарегистрированными на

имя Натана до тех пор, пока Вильгельм полностью не расплачивался за них. Это означало, например, что даже в марте 1813 г. консоли номинальной стоимостью в 121 тысячу ф. ст. фактически принадлежали Натану. Конечно, по большей части они были куплены на занятые деньги, и с того времени, как приходил перевод от курфюрста, и до того, как бумаги официально пересылались ему или его агентам, Ротшильдам также необходимо было выплачивать проценты. С другой стороны, возможна была определенная задержка, учитывая трудность в пересылке свидетельств о праве собственности из Лондона курфюрсту в Прагу²⁷. Какую бы прибыль Натан ни получал на разнице в рыночной цене и обменном курсе, покупки консолей на сумму 600 с лишним тысяч фунтов и фактическое владение 100 с лишним тысячами фунтов стали для старожилов лондонского Сити сигналом о приходе новой финансовой империи. В этом смысле, как позже заметил Карл, Натан обладал своего рода «страховкой» – его действия создавали у других впечатление о капиталах, существенно превосходящих те, что на самом деле находились в распоряжении семьи. Важность последнего соображения Амшель подчеркивал в письме брату от 1818 г.: «Наш добрый Натан не смог бы довести свое состояние с помощью военных облигаций до размера 132 тысячи фунтов и вести все дела, если бы... мы не приобрели для него в Праге большую часть бумаг курфюрста, которыми он управлял... Вплоть до того времени Натан даже не знал, что такое облигации». В целом можно сказать, что благодаря войне Ротшильды присвоили значительную часть финансовой мощи Вильгельма.

С другой стороны, за такую «страховку» приходилось платить большим риском в континентальной Европе. Обслуживая Вильгельма, Ротшильды в самом деле сильно рисковали. Французские власти были настроены серьезно – они приготовились воспользоваться всеми доступными им средствами, чтобы отыскать сокровища курфюрста. Так, в Берлинской конвенции 1808 г. Наполеон сделал соблазнительное предложение для многочисленных должников Вильгельма; он предлагал им выплачивать долги не курфюрсту, а французским властям. Взамен им обещали скостить значительную часть долга. Что еще более тревожно, после отъезда генерала Лагранжа договоренность с ним утратила силу. Французские полицейские обыскивали конторы Майера Амшеля, а также контору банка «Прейе и Иордис». Возможно, именно тогда четыре сундука, находившиеся на хранении у Майера Амшеля, спрятали в тайном погребе, описанном выше. В августе 1808 г. Соломона и представителя еще одного банкирского дома, который подозревали в операциях в пользу Вильгельма, допрашивал французский полицейский чин. Через месяц ненадолго арестовали Бударуса и Леннепа. То же самое повторилось летом следующего года, на волне мелких антифранцузских мятежей. По приказу особого комиссара полиции в Вестфалии – человека по фамилии Саванье – Бударуса и Леннепа снова арестовали. Позже, видимо по доносу кого-то из конкурентов Ротшильдов, Саванье вместе с главой полиции Франкфурта нагрянул в контору Майера Амшеля. Последовал беспорядочный допрос, в ходе которого французы пытались заставить Майера Амшеля признаться в том, что он от имени Вильгельма снабжал деньгами зачинщиков недавнего мятежа.

Несомненно, у Саванье были хорошие осведомители. Он знал о поездках Майера Амшеля в Гамбург и Итцехо в 1807 г. – когда он «провел несколько часов [с курфюрстом] в его кабинете, гулял с ним по саду и беседовал с ним». Кроме того, Саванье было известно о сделках Майера Амшеля с Бударусом. Однако Майер Амшель отговаривался тем, что «из-за тяжелой болезни, которой он страдает уже много лет, у него провалы в памяти». Да, он действительно ездил в Гамбург, но только для того, чтобы выручить свои товары, которые по ошибке признали контрабандой. Да, он знаком с Бударусом и Леннепом, но он «никогда им не доверял, так же, как ни один из них не был его настоящим другом, а просто казался таковым в глазах всего мира». Да, он был придворным поставщиком курфюрста и в прошлом размещал от его имени займы в Дании, а может, в Эмдене? Нет, он не передавал Бударусу деньги; наоборот, он получил от Бударуса 20 тысяч гульденов, из которых производил различные платежи, хотя кому он платил, он не может вспомнить.

На следующий день Саванье устроил допрос Соломону, 15-летнему Якобу, жене Соломона, жене Амшеля и даже жене Майера Амшеля, Гутле. Все всё отрицали. В особенности Гутле была олицетворением женской невинности: «Она вообще ничего не знает, она весь год сидела дома и не имеет никакого отношения к делам. Она никогда не видела [Будеруса], а занимается только домашними делами». В конце концов Саванье пришлось признать поражение и, подобно многим наполеоновским чиновникам после встречи с Ротшильдами, договориться о небольшом «займе». Все еще больше упростилось в 1810 г., когда Франкфурт превратился в великое герцогство под прямым управлением барона Карла Теодора Антона фон Дальберга, прежде майнцского архиепископа, а с 1806 г. князя-примаса Рейнского союза.

Майер Амшель заранее, за три года до описываемых событий, пробовал снискать расположение Дальберга, предложив тому неизбежный заем. Теперь же он предложил провести выплату 440 тысяч гульденов, дабы закрепить эмансипацию франкфуртских евреев, учтя векселя на общую сумму 290 тысяч гульденов, и выдать Дальбергу авансом 80 тысяч гульденов на поездку в Париж по случаю крещения сына Наполеона. Более того, вскоре Майер Амшель уже официально действовал как «придворный поставщик» Дальберга, помогая ему в спекулятивных покупках земли, которую приобретали на деньги, выплаченные франкфуртскими евреями. Признаком уважения, с каким Дальберг относился к Майеру Амшелю, стало то, что Дальберг назначил его в коллегия выборщиков нового департамента Ганау, наряду с видными неевреями, такими, например, как Симон Мориц фон Бетман. Неизвестно, знал ли Дальберг, что Майер Амшель одновременно продолжает служить человеку, чьим самым горячим желанием было выгнать его и его французских покровителей из Гессен-Касселя. Кстати, странное совпадение: всего за несколько лет до того Майер Амшель организовал выплату около 620 тысяч гульденов от курфюрста в Австрию, чтобы оплатить войско и лошадей в кампании 1809 г. против Франции. Вскоре после смерти Майера Амшеля его сын Амшель авансом выдал Дальбергу 255 тысяч гульденов – отчасти на покупку лошадей для французской армии!

Возможно, конечно, что Майер Амшель – как и Будерус, который также занял при Дальберге официальный пост, – больше не надеялся на то, что Вильгельма восстановят в правах. Но, если даже и так, он и курфюрста не списывал со счетов. Он просто поддерживал обе стороны. У такой стратегии имелись свои очевидные преимущества, и в будущем она станет часто применяться Ротшильдами в начале партии. Однако двойной агент всегда рискует лишиться доверия обеих сторон и проиграть, кто бы ни победил. Поэтому неудивительно, что в годы изгнания курфюрста Майер Амшель развил склонность к скрытности – еще один из его самых часто повторяемых заветов потомкам. Сначала он просто устал. В первые годы изгнания курфюрста они с сыном Карлом совершали частые поездки в окрестности Итцехо. Более того, специально с этой целью они открыли постоянное представительство в Гамбурге – и регулярно и открыто вели переписку с одним из самых старших сановников курфюрста Кнатцем. Как мы видели, это не ускользнуло от внимания французской полиции, и Майеру Амшелю быстро дали понять, что «в наши дни надо работать очень осторожно». К середине 1808 г. переписка Ротшильдов с приближенными курфюрста, по большей части через Будеруса и Лаветца, велась с помощью примитивного шифра. Будеруса называли «бароном фон Вальдшмидт», Кнатца – «Иоханном Вебером», Майера Амшеля – «Петером Арнольди» или «Арнольдом», а самого Вильгельма по-разному: то «господином фон Голдштейном», то «Иоханнесом Адлером», то «Патроном». Английские инвестиции курфюрста назывались «сырой рыбой» (каламбур, основанный на немецком названии трески, Stockfish). Для дополнительной безопасности – «чем осторожнее, тем лучше» – письма посылались не Майеру Амшелю, а Иуде Зихелю, чей сын Бернард в 1802 г. женился на Изабелле Ротшильд. После бегства курфюрста из Дании на юг, в Прагу, когда Карл и Амшель ездили туда, чтобы встретиться с ним, переписка пряталась в специально устроенных тайных отделениях. Иногда Ротшильды в виде предосторожности даже транслитерировали уличающие их письма древнееврейскими буквами. И вполне вероятно, что

в тот период велись две копии бухгалтерских книг, одна полная, другая особо «отредактированная» для того, чтобы ее можно было показывать властям. Такие предосторожности были оправданными: вдобавок к обыскам и допросам, описанным выше, французской полиции в 1811 г. удалось перехватить по крайней мере одно письмо.

И на территории Австрийской империи за Ротшильдами пристально следила полиция. Конечно, у них было меньше оснований опасаться австрийских властей, но никто не гарантировал, что отношения между Вильгельмом и императором и дальше останутся дружескими. Более того, после победы французов над австрийцами при Ваграме казалось вполне вероятным, что курфюрста снова вынудят переехать. Да и провал финансовых переговоров отнюдь не располагал их по отношению к властям в Вене. Поэтому Ротшильды продолжали действовать за завесой тайны даже в Праге, из-за чего полиция приходила иногда к преувеличенным выводам об их политической роли:

«[Этот еврей] Амшель стоит во главе важного пропагандистского заговора в пользу курфюрста, ветви которого тянутся через территории бывшего Гессена... Такие предположения основаны на фактах: всякий раз, когда я захожу к курфюрсту, я застаю там Ротшильда... обычно в обществе военного советника Шминке и военного секретаря Кнатца, и они уходят в свои комнаты, а у Ротшильда обычно с собой бумаги. Можно предположить, что их цели никоим образом не враждебны Австрии, поскольку курфюрсту не терпится получить назад свои владения, так что весьма сомнительно, чтобы организации и сообщества, чьим руководящим духом, скорее всего, является Ротшильд, всецело заняты реакцией народа и другими мерами, которые необходимо предпринять, если Австрии повезет одержать победу над Францией и Германией. Благодаря своим обширным коммерческим связям он, вероятно, может достичь этого легче, чем другие... и он может скрывать свои махинации под видом деловых операций».

Несмотря на то что ради курфюрста Ротшильды сильно рисковали, Вильгельм никогда не доверял им безоговорочно. Никакая часть мифа о спрятанных сокровищах так не далека от истины, как то, что курфюрст был якобы очень благодарен Майеру Амшелю за его труды. Наоборот, Майеру Амшелю приходилось выносить многочисленные приступы паранойи курфюрста. Вильгельм всегда подозревал, что Майер Амшель может выдать его французам. Позже он начал беспокоиться, как бы его агент не запустил руку в кассу. Эти подозрения подпитывали многочисленные недоброжелатели. Так, Вильгельм обвинил Майера Амшеля в том, что тот обманывает его с процентами от английских ценных бумаг. Он также утверждал, что Майер Амшель намеренно удерживает у себя ценности, порученные ему в Гамбурге. Все это время Майеру Амшелю приходилось просить Будеруса переубеждать курфюрста. Будерус осыпал его безграничными похвалами. Как он говорил Вильгельму, он доверяет Майеру Амшелю, потому что «самые пунктуальные платежи, какие только можно от него ожидать, точность, с какой он всегда придерживается официального обменного курса в день операции, убеждение, что он никогда никому не раскроет операции вашего величества, и то, что он всегда обращался с активами с такой заботой, что французские чиновники, которых послали допросить его, чтобы узнать, получал ли он английские деньги от вашего имени, не нашли ни следа этих денег в его книгах, которые им показали».

Однако, по иронии судьбы, похвалы Будеруса также нельзя считать объективными. Дело в том, что он, без ведома курфюрста, заключил соглашение с Майером Амшелем, по которому по сути становился «спящим компаньоном» (компаньоном, не участвующим активно в деле фирмы Ротшильдов). В обмен на вложение 20 тысяч гульденов – суммы, которую, как предполагалось, получил Майер Амшель, когда его допрашивал Саванье, – Будерус обещал «консультировать фирму во всех делах по мере возможностей и соблюдать ее интересы, насколько он сочтет практичным». В свете этого – не говоря уже об операциях, которые проводил Майер Амшель с французскими властями и с Дальбергом, – недоверие курфюрста уже не кажется паранойей. Как постепенно понял Вильгельм, умение Ротшильдов налаживать новые деловые

связи освобождало их от их прежней зависимости от него. Когда в мае 1812 г. он попросил, чтобы один из сыновей Майера Амшеля переехал в Прагу и выступал своего рода придворным поставщиком в изгнании, ему вежливо, но твердо отказали.

Поэтому слова Карла, что «старик» составил их состояние, можно считать некоторым преувеличением. В 1797 г. капитал Майера Амшеля равнялся 108 504 гульденам (около 10 тысяч ф. ст.). Через десять лет, согласно балансовому отчету, общая сумма равнялась 514 500 гульденам (около 50 тысяч ф. ст.)²⁸. Кажется маловероятным, чтобы дела, которые он вел в тот период с Вильгельмом, имели такое же значение, как экспортно-импортные операции между Франкфуртом и Манчестером. Во всяком случае, к 1810 г. капитал фирмы увеличился до 800 тысяч гульденов (около 80 тысяч ф. ст.), и значительная часть этого прироста, возможно, появилась из дохода от управления портфелем Вильгельма. Но истинное значение сокровищ курфюрста, как недвусмысленно признавали и Карл, и Амшель, заключалось в том, что оно помогло Натану сделать рывок. Из манчестерского купца он превратился в лондонского банкира. Как только цель была достигнута, «старик» стал уже не так нужен Ротшильдам.

Наследие Майера Амшеля

Примерно в то время Будерус написал Вильгельму письмо, в котором содержится довольно точный отчет о сфере деятельности компании в последние месяцы жизни ее основателя: «Их отец стар и болен. Его старший сын, Амшель Майер, и его второй сын, Соломон, который слаб здоровьем, незаменимы для его обширных операций. Третий [так!] сын, Карл, почти всегда ездит по делам вашего величества, четвертый [так!] сын Натан весьма кстати обосновался в Лондоне, а младший, Джеймс, проводит время в поездках между Лондоном и Парижем».

На том этапе власть в компании фактически перешла от Майера Амшеля к пяти его сыновьям. Однако всего за несколько лет до того старик еще играл роль «хозяина в доме». Как можно видеть из переписки, даже деятельный, сообразительный Натан, переехавший в Англию, еще в 1805 г. вынужден был действовать, повинаясь отцовским приказам. С братьями же его обращались больше как со служащими:

«Амшель пишет, что Калман [Карл] хотел бы к тебе приехать, но какой в том смысл? <... > Калман по-прежнему нужен мне здесь, во Франкфурте, а тебе он пригодится куда меньше... Ему очень хочется уехать в Лондон. Но не думаю, что это разумно с точки зрения нашего дома, так как Соломону приходится тяжело – он реализует ценные бумаги и оплачивает счета. Кроме того, у него есть свои обязанности... [Если Калман уедет], то все операции с товарами придется проводить через Зелигмана, Абрахама Шнаппера и Майера Шнаппера, его сына, потому что, хотя Якоб [Джеймс] уже в конторе, он совсем недавно проходил свою бар-мицву. Так что Калману в самом деле необходимо оставаться с нами. Он очень хочет поехать в Лондон, и если он тебе нужен, я его отпущу. Но глупо не оставлять Калмана здесь еще несколько лет, пока не подрастет Якоб. Не пиши Калману, что я так тебе сказал... Более того, дорогой мой сын Натан, когда будешь писать сыну моему Калману, советую побольше его хвалить. С Божьей помощью, человек он очень умный для своего возраста, хотя, пожалуй, слишком смел... Он очень хочет поехать к тебе, но я... не хочу, чтобы милый мальчик, пусть он живет до ста лет, переплывал море всего на три недели, а мы не обойдемся без него, если он будет отсутствовать более долгий срок, поскольку, как я тебе уже писал, у Амшеля дела в Касселе. Как бы я ни хотел, чтобы мой сын Калман поехал в Лондон на три недели, поездка затянется на полгода, а обучить самодовольных чужаков вести мои операции с индиго просто невозможно».

Майер Амшель настоял на своем, и Карл остался; возможно, в виде уступки через три года в помощь Натану прислали Джеймса.

Как видно из данного письма, зятя Майера Амшеля, Шнапперы, также принимали участие в семейных операциях – как, возможно, и Зихели, в чью семью вышла замуж Изабелла, а также братья Бейфус, Зелигман и Майер, которые в 1808 и 1811 гг. женились соответственно на Бабетте и Юлии. Кроме того, Майер Амшель был прекрасно осведомлен о работе Натана в компании с Риндскопфом и его тестем Леви Барентом Коэном. Но Майер Амшель с самого начала не подпускал зятьев к управлению фирмой; весьма показательно то, что он называет Шнапперов «чужаками». В том же письме Натану он задавал характерный вопрос: «Милый Натан, попадают ли мои письма только в твои руки, чтобы можно было писать, как мне хочется, или ты читаешь наши письма всей своей семье [имеются в виду родственники Натана по браку, Коэны]? Дай мне знать». Даже на раннем этапе Майер Амшель сформулировал правило, которому Ротшильды неукоснительно следовали на протяжении ста с лишним лет: «внутренним кругом» в делах, связанных с управлением компанией, считались только его потомки по мужской линии. На практике это сводилось к различиям между семейной или личной перепиской – такие послания почти всегда написаны древнееврейскими буквами – и деловой перепиской, которая обычно велась на немецком, французском или английском языках и составлялась клерками. Майер Амшель не однажды вынужден был делать выговор Натану за то, что тот забывал о таком различии: «В последний раз повторяю, что твои письма, написанные древнееврейскими буквами, возможно, и хороши для семейных целей, но отчитываться и писать о делах ты должен на немецком, французском или английском; я не могу давать своим служащим читать твои неразборчивые древнееврейские письма, где дела мешаются с семейными новостями, если им нужно хорошо вести свои книги – соответственно, из-за этого возникает много путаницы». Конечно, для историка именно такие письма – хотя в них много повторов и они не так структурированы – представляют гораздо большую ценность.

Преобразование семейной фирмы в «Майер Амшель Ротшильд и сыновья» произошло в сентябре 1810 г., когда Майер Амшель и три его сына – Амшель, Соломон и Карл – выпустили печатный циркуляр, в котором объявляли, что отныне они действуют как партнеры (*wirkliche Theilhaber*) в новой компании (*Gesellschaft*). За год до того, когда Саванье допрашивал членов семьи, Майер Амшель еще называл себя единственным владельцем (*Inhaber*) фирмы, в то время как сыновья назывались просто его «помощниками» (*Gehul-fen*). Однако, возможно, тогда Майер Амшель лгал, чтобы защитить сыновей на тот случай, если бы Саванье решил подать на фирму в суд. В начале года именно Амшель, Соломон и Карл вели переговоры о покупке освободившегося участка земли на Юденгассе (после того, как там, наконец, началась реконструкция), чтобы построить подходящую контору для компании. А в сентябре 1810 г., когда составили официальный договор об учреждении компании, в преамбуле недвусмысленно утверждалось, что ранее «существовала торговая компания», в которой Майер Амшель, Амшель и Соломон были «компаньонами». Главная цель договора 1810 г. заключалась в том, чтобы включить в число компаньонов и Карла, выделив ему долю в 30 тысяч гульденов из общего капитала в 800 тысяч гульденов. Майеру Амшелю принадлежала доля в 370 тысяч гульденов, Амшелю – в 185 тысяч гульденов и Соломону – в 185 тысяч гульденов. Кроме того, в договоре гарантировалось, что Джеймс также станет компаньоном (и получит долю в 30 тысяч гульденов), когда достигнет совершеннолетия.

Не только из-за капитала Майер Амшель оставался первым среди равных: только он имел право изымать свой капитал из фирмы во время действия договора; только он имел право нанимать и увольнять служащих; кроме того, его неженатые сыновья могли жениться только с его согласия, о чем имелась соответствующая запись в договоре. Именно Майер Амшель, который «благодаря усердию, свойственному ему с юных лет, своим коммерческим способностям и неустанным трудам, которые он продолжал до старости, способствовал процветанию компании и потому заложил житейское состояние для своих детей».

Однако в прочих отношениях договор служил образцом для будущих договоров между братьями и их потомками на протяжении почти всего XIX столетия. Прибыль делилась пропорционально долям капитала; ни один партнер не имел права вести дела независимо от других, и договор заключался на определенный период времени (в данном случае на десять лет). В самом примечательном пункте оговаривалось, что случится, когда один из партнеров умрет. Каждый из оставшихся партнеров официально признавал права жены покойного, его детей или их опекунов на ту сумму, которая, по согласию оставшихся партнеров, являлась долей покойного. Однако вдова и наследники не допускались к бухгалтерским книгам фирмы и переписке. Так выглядел первый официальный вариант правила, которое существовало много лет и устраняло женщин из семьи Ротшильд – урожденных Ротшильд, а также тех, кто вышел замуж за членов семьи, – от ядра деловых операций: священных бухгалтерских книг и деловой переписки.

Смерть кого-либо из партнеров, конечно, больше не считалась чем-то отдаленным. В 1810 г., когда отец и сыновья подписали первый договор, Майер Амшель был не просто стариком 66 или 67 лет; он был тяжело болен. Болезнь началась у него за два года до того; скорее всего, судя по симптомам, он страдал от парапроктита (нарыва в прямой кишке), ставшего следствием хронического геморроя. Хотя в свое время ему успешно сделали операцию, здоровье его так до конца и не восстановилось. Такая болезнь была широко распространена на Юденгассе, то ли из-за сидячего образа жизни ее обитателей, то ли из-за генетического сбоя, вызванного родственными браками, которые были также предписаны по закону. Известно, что болезнь охватывала 500 семей, проживавших в гетто. 16 сентября 1812 г. Майер Амшель заболел; всего три дня спустя он умер. Но, лежа на смертном одре, он поспешил пересмотреть свое завещание, как будто желал подкрепить мысль, которую он хотел донести до сыновей в договоре 1810 г. В новом завещании пересматривались условия предыдущего соглашения; в соответствии с договором он изымал 190 тысяч гульденов как долю по своему усмотрению (судя по всему, значительное преуменьшение). Кроме того, в новом завещании подчеркивалось правило, по которому женская линия не допускалась до операций: «Настоящим объявляю свою волю и желание, чтобы мои дочери, зятья и их наследники не имели доли в капитале компании «Майер Амшель Ротшильд и сыновья» и чтобы они не имели права и им не позволялось требовать такую долю по любой причине. Вышеупомянутая компания принадлежит исключительно моим сыновьям; они ее владельцы. Следовательно, ни одна из моих дочерей и их наследников не имеет права требовать доли в вышеуказанной компании, и я никогда не прошу того из детей, который, пойдя против моей отцовской воли, позволит им беспокоить моих сыновей в мирном наследовании их дела».

Если бы дочери так поступили, они бы утратили все, кроме минимальных прав наследства, положенных им в силу рождения по Кодексу Наполеона. Такое различие между сыновьями и дочерьми едва ли могло быть выражено более ясно²⁹.

То, что завещания Майера Амшеля так неукоснительно придерживались не только его сыновья, но и их наследники на протяжении нескольких поколений, подтверждает впечатление, которое возникает после прочтения его сохранившихся писем сыновьям. В ближнем семейном кругу Майер Амшель оставался властной и, может быть, даже устрашающей фигурой. Любопытно, что остальной мир запомнил его совсем не таким. Неевреи, которые вели с ним дела, считали, что он всецело соответствует стереотипу интеллигентного, но почтительного придворного еврея. Следует подчеркнуть, что в более поздних портретах Майера Амшеля – особенно в экранизациях Джорджа Арлисса и Эрика Понто – «еврейскость» его внешности и манер, скорее всего, сильно преувеличены. В первой экранизации Майер Амшель ходит с длинной бородой, в шапке наподобие фески, во второй носит браслеты и кипу. С другой стороны, чаще всего воспроизводимая литография XIX в., на которой изображен бритый человек с довольно квадратной челюстью, в аккуратном парике, – плод воображения художника. Одна современница, которая была знакома с Майером Амшелем в годы своей молодости, вспоми-

нала «довольно крупного мужчину, который носил круглый, ненапудренный парик и небольшую эспаньолку». По воспоминаниям еще одного современника, он носил подобие шляпы и одежду, хотя и довольно поношенную, которая была принята среди купцов-неевреев того же возраста.

Это сочетается с подчас двусмысленной репутацией Майера Амшеля на Юденгассе; его считали сравнительно ортодоксальным в религиозных вопросах, но все более и более либеральным в вопросах образования и политики. Майер Амшель не принадлежал к числу *«маскилим»*, просвещенных евреев, как не склонялся он и к позднему реформаторству в иудаизме. Вместе с тем его нельзя назвать и косным консерваторм. В неавторизованных мемуарах Коэна (опубликованных вскоре после его смерти) Майер Амшель изображается олицетворением «золотой середины» между новым и старым – «доказательством того, что догмы иудаизма, даже в соответствии с учением Талмуда, не содержат ничего, что вступало бы в конфликт с законами нравственности». Ротшильд был «ревностным приверженцем Талмуда и выбирал только его в качестве руководящего принципа всех своих поступков»; более того, по словам Коэна, его отношение к религиозному консерватизму было «немного преувеличено». Он и его брат Мозес (который несколько лет возглавлял общинный фонд помощи бедным) принимали активное участие в жизни еврейской общины. Но Майер Амшель был также «хорошим гражданином» – как будет видно далее, знаменательная фраза.

Все вышесказанное становится очевидным из отношения Майера Амшеля к благотворительности. Как уже было отмечено, он и его братья сознательно платили десятую часть доходов бедным членам общины. Людвиг Бёрне вспоминал толпу нищих, которые, бывало, караулили Майера Амшеля, когда тот шел по улице и терпеливо раздавал милостыню. Однако он был не настолько скован традициями, чтобы ограничивать благотворительность одной еврейской общиной. Коэн вспоминал случай, когда уличный мальчишка обозвал его «жидом». Майер Амшель «хладнокровно полез в кошелек и дал бедному мальчишке немного денег, попросив его чаще повторять то, что он только что сказал. Никто не повиновался с большей радостью. Мальчишка взял то, что ему предложили, и завопил что было мочи: «Жид! Жид!» К нему подбежали еще несколько уличных мальчишек и подхватили насмешливые крики. Ротшильд слушал их с явным удовольствием, произнося древнееврейское благословение: «Хвала Ему, кто дал законы Своему народу Израиля!»

И в своем завещании он распорядился передать 100 гульденов «трем достойным, милосердным христианским благотворительным учреждениям». Даже его благотворительность в пределах еврейской общины со временем носила все более светский характер. В 1804 г. он играл ведущую роль в учреждении новой школы для беднейших еврейских детей – Филантропина, – расписание в которой носило отчетливо светский характер. Судя по всему, в этом он подпал под влияние своего бухгалтера Гайзенхаймера и наставника, которого он нанял собственным детям, Михаэля Гесса, последователя Мозеса Мендельсона, который позже стал директором школы. Возможно также, что вдохновителями такого отношения стали его младшие сыновья. По крайней мере один из них, Соломон, входил в ту же масонскую ложу, что и Гайзенхаймер³⁰. Важно, что Майер Амшель продолжал верить в общинное обучение, хотя в то время все больше еврейских семей посылали своих детей в школы для неевреев за пределами гетто. Одним из тех, кто восстал против сравнительно консервативной атмосферы франкфуртского гетто, стал Людвиг Бёрне. Позже, чтобы не страдать от дискриминации, он перешел в христианство. Однако, как позже вспоминал Гейне, он не мог не восхищаться непритворной набожностью Дома Ротшильдов. Проходя в 1827 г. мимо старого фамильного дома на Юденгассе, он с ностальгией заметил, что Гутле, вдова Майера Амшеля, украсила окна белыми занавесками и свечами в честь праздника свечей – Хануки: «Как радостно сверкали свечи – те свечи, которые она зажгла собственными руками, чтобы отпраздновать день победы, когда Иуда Маккавей и его братья освободили свою отчизну так же героически, как в наши дни

король Фридрих-Вильгельм, император Александр и император Франциск II! Когда добрая женщина смотрит на эти огоньки, глаза ее наполняются слезами, и она с грустной радостью вспоминает дни своей юности, когда Майер Амшель Ротшильд, да благословенна будет его память, еще отмечал с ней Праздник свечей и когда ее сыновья были еще маленькими мальчиками, которые ставили свечи на пол и прыгали через них с детской радостью, как то в обычае в Израиле».

Однако именно усилия Майера Амшеля, направленные на предоставление франкфуртским евреям полных гражданских и политических прав, лучше всего свидетельствуют о его верности иудаизму. Мы знаем, что его политическая деятельность предшествовала Великой французской революции, потому что он стал одним из семи человек, подписавших протест франкфуртскому сенату от 1787 г. о растущих ограничениях на перемещения за пределами гетто по воскресеньям и в дни церковных праздников. Правда, надежды на изменения судьбы евреев к лучшему появились лишь после прихода режима, который поддерживали французы. Дело двигалось бы быстрее, если бы Франкфурт находился под прямой юрисдикцией брата Наполеона, Жерома, короля Вестфалии, поскольку Жером был сторонником полной эмансипации. Дальберг, напротив, проявлял осторожность, отчасти потому, что не мог рисковать и возбуждать против себя местных видных граждан-неевреев, отчасти потому, что он сам боялся: члены освобожденной еврейской общины, «как только задышат свободнее... уравновесят христианскую несправедливость... своей еврейской наглостью». Новый закон, который Дальберг издал в 1808 г., казался, наоборот, шагом назад, поскольку восстанавливал для евреев запрет жить за пределами еще полуразрушенной Юденгассе, заново вводил избирательный налог и подтверждал прежние ограничения, связанные с количеством семей и браков.

Именно тогда Майер Амшель сумел воспользоваться своим финансовым влиянием на Дальберга, чтобы ускорить перемены – в первый раз представитель семьи Ротшильд действовал так ради тех, кого он недвусмысленно называл «мой народ». В первый раз, но не в последний. Дальберг, как мы видели, был послушен; он выражал готовность дать свое согласие, если его герцогству выплатят достаточно большую компенсацию за утерю доходов от налога, который отменялся с эмансипацией евреев. После предварительных переговоров, которые велись через Ицштайна, еврейского комиссара полиции Дальберга, сошлись на 440 тысячах гульденов – сумме, в 20 раз превышавшей то, что евреи платили каждый год за «защиту». Из этой суммы 290 тысяч от имени общины собрал Майер Амшель, учтя векселя. В декабре 1811 г., после дальнейших переговоров с сенатом Франкфурта, Майер Амшель со скромным удовлетворением сообщал сыну: «Теперь ты гражданин». Через две недели в силу вступил указ о «гражданско-правовом равенстве еврейской общины».

Быть гражданином своей родины, но оставаться при этом представителем «нашего народа» означало быть членом традиционной еврейской религиозной общины: вот какой была цель Майера Амшеля Ротшильда. Существенным отличием Ротшильдов от многих других удачливых еврейских семей того периода было то, что, хотя они пылко добивались общественного, гражданского и политического равенства со своими согражданами-неевреями, ради достижения такой цели они все же отказывались предавать иудаизм как свою религию. Следовательно, с самого начала их устремления были неотделимы от политической кампании за эмансипацию евреев не только во Франкфурте, но и во всей Европе.

В этом, как и во многом другом, влияние Майера Амшеля на своих потомков было глубоким и продолжительным. Через четыре дня после смерти отца его сыновья разослали циркуляр своим самым ценным клиентам, заверяя их, что перемен в ведении традиционного семейного бизнеса не будет: «Его память никогда не угаснет в наших сердцах, в сердцах его живущих партнеров. Наш благословенный отец остается для нас незабываемым». Такие набожные чувства не всегда воплощаются в жизнь, как только проходит первое горе; но сыновья Майера Амшеля сдержали слово. Время от времени в течение многих лет после его смерти они возвра-

щались к его словам – к его афоризмам, связанным с делами, к его взглядам на эмансипацию евреев и, превыше всего, к его отцовским распоряжениям, отданным им, его потомкам по мужской линии. Довольно часто их многочисленные ссылки на Майера Амшеля – не замеченные прежними историками – позволяют понять его характер больше, чем любой другой источник.

Типичным примером служит просьба Амшеля лучше информировать о положении дел на фондовой бирже, с какой он обратился к Натану в октябре 1814 г.: «Отец, бывало, говорил: «Банкир должен думать и подсчитывать; в том, чтобы проводить операции вслепую, заслуги нет». Примерно о том же он писал в 1817 г.: отец говорил им, «что еврейские состояния, как правило, не держатся дольше двух поколений по двум причинам. Во-первых, потому, что не учитывается ведение домашнего хозяйства и другие расходы, во-вторых – из-за еврейской глупости». Хотя эти слова в чем-то перекликались с критикой, какую Майер Амшель высказывал по поводу иногда небрежного подхода Натана к расчетам, другие принципы больше касаются отношения их фирмы с правительствами разных стран. Одно замечание можно назвать вполне очевидным, учитывая те преимущества, какие получал Майер Амшель от своих отношений с Вильгельмом Гессен-Кассельским: «Я [учился?] у нашего благословенного отца, – писал Соломон Натану в 1818 г., – который всегда говорил: «Дурной глаз придворных приносит меньше преимуществ, [чем должность советника или придворного банкира]». Но, как вспоминал Амшель, недостаточно было просто занимать мелкие должности вроде «придворного поставщика»: «В наши дни все называют себя «превосходительствами». Я, однако, помню, что часто повторял наш отец: «С деньгами любой становится превосходительством». Главным было найти тот или иной финансовый рычаг влияния. Как выражался Амшель, «лучше иметь дело с правительством, у которого трудности, чем с таким, на чьей стороне удача. Мы слышали это от нашего отца».

Не только старшие братья любили подобные воспоминания. В марте 1817 г. Джеймс вспомнил подсказку, которую он часто воплощал в жизнь в отношениях с конкурирующими компаниями: «Отец, бывало, говорил: «Если не можешь сделать так, чтобы тебя любили, добейся, чтобы тебя боялись». Позже, в 1840 г., Карл делился, как «отец, когда выпадала возможность, всегда учил обращаться с подчиненным или с человеком, не обладающим властью. Чтобы тот легче выполнил порученную задачу, отец... говорил с тем человеком так, словно все зависело только от него, хотя, наверное, понимал, что тот человек имеет лишь самое незначительное влияние на исход дела». Из всех этих деловых советов чаще всего, наверное, цитируют любимый афоризм Соломона – о важности дружбы с политиками. Он напоминает отцовский совет Натану в письме от октября 1815 г.: «Помнишь, милый Натан, как отец, бывало, говорил: надо держаться ближе к члену правительства». Через несколько дней Соломон повторяет: «Ты ведь помнишь совет отца: будь готов испробовать все средства, чтобы подружиться с влиятельной фигурой в правительстве». Майер Амшель не оставил сыновьям сомнений в том, как лучше всего добиваться дружбы видных политиков: «Наш покойный отец учил: если высокопоставленный человек входит в [финансовое] партнерство с евреем, он принадлежит евреям» («gehört er dem Juden»).

Сознанием своего еврейства и своих обязанностей по отношению к еврейской общине братья также во многом обязаны отцовскому влиянию. Как ни странно, и Соломон, и Карл считали продолжение дела отца по эмансипации евреев почти определяющим в своей жизни. Как писал Карл в мае 1817 г.: «Самое лучшее на земле – быть полезным евреям. Так поступал наш отец, и мы видим, как хорошо нам воздается». Через несколько месяцев такую связь между добрыми делами и удачей отмечал и Соломон, когда в письме напоминал Натану о необходимости надавить на правительство Великобритании ради европейских евреев: «Если мы хотим, чтобы наши дети когда-нибудь стали по-настоящему счастливы, мы должны делать все, что в наших силах, чтобы довести до благополучного конца работу... начатую нашим благословенной памяти отцом... в интересах нашего народа». В начале следующего года он повторил ту

же мысль: «Если все, как оно и есть, зависит от Господа и если мы хотим, а мы хотим, быть счастливы, тогда, милый Натан, [интересы всего еврейского народа] должны быть для тебя так же важны, как самая важная деловая операция. Продолжая труды, которые наш благословенной памяти отец вел долгие годы, мы выказываем ему наибольшее почтение...»

Но из всех советов отца самым важным стал последний завет – хранить братское единство. Однажды Соломон приписал «всю нашу удачу благословию, какое отец дал нам за час перед своей кончиной». То же благословение вспоминал и Амшель: «Помню, что отец, да упокоится он с миром, говорил мне на смертном одре: «Амшель, держи братьев вместе, и вы станете богатейшими людьми в Германии». Это почти осуществилось». Отцовский наказ братья часто вспоминали, когда ссорились, – а они часто ссорились в бурные годы, наставшие сразу после смерти Майера Амшеля. «Наш благословенный отец приказывал нам жить в мире», – напоминал Соломон Натану после особенно горьких нападков последнего на Карла. Неделию спустя Соломон вынужден был повториться: «Мой добрый брат, милый Натан, наш благословенный отец приказывал нам жить в мире, иначе мы растеряем нашу силу духа. Давайте помиримся». Двадцать с лишним лет спустя тот же принцип был старательно помещен в новое соглашение о партнерстве, составленное после смерти самого Натана:

«Мы желаем представить доказательство своего почтения к священной памяти нашего отца, чье добродетельное поведение во всех жизненных отношениях служит благородным примером для всех нас. Благодаря набожному приятию высших пожеланий Господа, благодаря вере в Божью помощь, благодаря сознательной честности и неустанному трудолюбию этот благородный и великодушный человек заложил основы нашего благосостояния, и когда, почти сорок лет назад, он взял сыновей партнерами в свою компанию, он говорил им, что совместные действия – верный способ добиться успеха в их трудах, и всегда рекомендовал им братское согласие как источник божественного благословения.

Поэтому, в соответствии с его почтенными пожеланиями и следуя порывам наших сердец, мы желаем сегодня, через наше обновленное соглашение, подтвердить нашу взаимозависимость и надежду, в этом новом союзе братской любви, обеспечить успех будущих начинаний нашего Дома. Пусть наши дети и будущие поколения руководствуются той же целью, чтобы постоянное поддержание единства Дома Ротшильдов процветало и вело к полной зрелости...; и пусть они так же заботливо соблюдают... священный завет нашего благородного предка и сохраняют в вечности божественный образ общей любви и труда».

Та же тема завещанного отцом братского единства получила дальнейшее развитие в приложении к соглашению, в котором выражалась торжественная надежда, что исполнится «в будущем [как и в прошлом] благословение нашего благословенного отца и деда нашему Дому и нашей семье». Он обещал им «защиту Всевышнего; успех наших начинаний; процветание нашей семьи и продолжительный почет и уважение к нашим репутации и доброму имени», но только в том случае, если они «навсегда сохраняют согласие, любовь и веру» друг в друга.

Конечно, нетрудно усмотреть здесь влияние Ветхого Завета; несомненно, и до, и после Майера Амшеля многие другие еврейские (или кальвинистские) патриархи пытались внушить своим сыновьям те же ценности. Впрочем, идеал семейного единства нельзя приписать исключительно Библии: так, Плутарх приводит притчу о Скилуре, который показал сыновьям, что пучок стрел невозможно сломать, зато можно сломать стрелы по одной. Однако, если вернуться к Ротшильдам, примечательно, что сыновья столь ревностно следовали завету отца. Именно это Генц подчеркивал в своей статье для «Энциклопедии» Брокгауза 1827 г. Он считал, что «самый главный принцип Ротшильдов обязывает пятерых братьев поддерживать нерушимое единство [интересов]... После его смерти любое предложение, откуда бы оно ни исходило, служит предметом коллективного обсуждения; всякая операция, даже самая незначительная, проводится по согласованному плану и объединенными усилиями; и каждый получает равную долю от ее результатов».

В самом первом абзаце своей статьи Генц ссылаясь на последнее распоряжение, отданное Майером Амшелем сыновьям: сохранять «непрерывное единство». «Никогда еще последнюю волю отца не воплощали в жизнь столь сознательно и столь успешно, – замечал он. – Таково примечательное свойство этой семьи, что все ее члены справляются с тенью их отца на каждом важном этапе своей жизни, и, когда начинают все операции, напоминают себе – часто дословно – его мудрые слова... и никогда не отзываются о нем без глубокого почтения». В издании 1836 г. даже утверждалось, что братья «почитают отца с такой набожностью, что обращаются к нему в ходе всех важных деловых начинаний, и в самом деле, Натан обычно решает все сомнительные дела на основании правила, которое он приписывает отцу».

Об этом не стоило бы писать, если бы такое поведение было общеизвестным. Однако в действительности все было не так. Даже в 1841 г., почти через тридцать лет после смерти Майера Амшеля, его старший сын растроганно напоминал всем остальным партнерам – в том числе и тем, кто никогда не видел дедушку, – о том же первостепенном связующем звене между единством и успехом: «*Единство* — вот что наш благословенный отец в своем последнем слове предписал мне поддерживать как нашу первую и священнейшую обязанность – наш отец, который объединял в себе безграничную честность, глубочайшую проницательность, мудрость опыта и набожные привычки мудреца. Я убежден – как, думаю, и вы тоже, – что, вместе с Божьим благословением, мы обязаны не только нашим благосостоянием, но и нашим почетным положением в обществе главным образом [духу] единства и сотрудничества, [которые связывают] всех наших партнеров, банкирские дома и учреждения. Поэтому я настоятельно прошу, чтобы вы, возлюбленные братья и племянники, всегда старались внушить своим наследникам то же понимание согласия и единства, чтобы тот же [дух] единства и сотрудничества продолжал существовать, пока это вообще возможно. Исполнение этого послужит к выгоде как вас, так и ваших потомков. Это не даст нашим деловым интересам расколоться и не даст другим выгадать от наших трудов, наших познаний и опыта, которые мы кропотливо копили на протяжении многих лет. Поэтому прошу вас, ради обеспечения единства, всякий раз, как возникнет разногласие во мнениях, которое может привести к враждебности, не принимать решение немедленно, а выждать несколько дней, чтобы остыть, чтобы избежать опрометчивых шагов. Пусть единство, честность, сочувствие и взаимное доверие общины всех домов Ротшильдов всегда будет хранимо и навеки скреплено».

В 1812–1841 гг., как мы увидим, бывали времена, когда Амшель и его братья подходили к тому самому разрыву в братском единстве, против которого предостерегал их отец. То, что они всегда избегали такого разрыва, то, что даже через тридцать лет после его кончины они еще помнили его предсмертный наказ, является потрясающим свидетельством патриархальной власти Майера Амшеля Ротшильда.

Часть вторая Братья

Глава 3 «Главкомандующий» (1813–1815)

Мой брат в Лондоне – главнокомандующий, я его фельдмаршал...
Соломон Ротшильд

У нас установилось правило: никто из нас не выражает неодобрения поведением другого, поскольку как партнеры мы всегда действуем в общих интересах, и, следовательно, ни у одного из нас нет права обвинять другого, когда тот действовал из лучших побуждений.
Соломон Ротшильд

Известное высказывание Наполеона – «Армия марширует, пока полон желудок» – оставляет без ответа вопрос о том, как этот желудок наполнить. То же самое относится и к сходному афоризму герцога Веллингтона: «Чтобы достичь цели, войско нужно кормить». Все армии, сражавшиеся в Европе в 1793–1815 гг., временами прибегали к проверенной временем практике реквизиции продуктов у гражданского населения. В различной степени армии также полагались на поставки собственной службы тыла. Но насильственное изъятие припасов имеет тот недостаток, что армия становится непопулярной, а продукты исчезают. С другой стороны, большие обозы уменьшают боеспособность армии. В затяжных военных кампаниях, например в такой, какую вел Веллингтон на Иберийском полуострове, возникала необходимость в более изощренных способах снабжения. Огромную роль играла возможность закупать припасы и платить солдатам жалованье. Никогда еще так не оправдывался принцип Цицерона, как в 1808–1815 гг.: *Nervos belli, pecuniam infinitam* («Неограниченное финансирование – нерв войны»), или, как выразился Генри Дандес в беседе с У. Питтом в начале войн с революционной Францией: «Все современные войны – это состязание кошельков».

Уже в мае 1809 г. Веллингтон жаловался правительству в Лондон, что денег ему не хватает. В марте 1811 г. он угрожал в письме премьер-министру, лорду Ливерпулу, что ему придется вовсе остановить кампанию из-за нехватки наличных денег. Полтора года спустя, накануне вторжения Франции, проблема вновь обострилась. Расходы его военной казны составляли около 100 тысяч ф. ст. в месяц. Они включали не только выплаты своим войскам, но также дотации Португалии и Испании (которых Великобритания вынудила перейти на свою сторону). Но, как Веллингтон объяснял лорду Батхерсту, денег ему хватало лишь на выплату дотаций союзникам. В отсутствие наличных он вынужден был платить офицерам обесцененными бумажными деньгами, а нижним чинам, которые отказывались от платы банкнотами, не платили вовсе. «Если армии не помогут очень крупной суммой денег и в очень короткий срок, – предупреждал правительство Веллингтон, – бедственное положение, ощущаемое всеми войсками, окажется наиболее суровым... и я не смогу ничего сделать... [Испанские войска] находятся в таком жалком состоянии, что едва ли справедливо ожидать, что они воздержатся от грабежей прекрасной страны, в которую они входят завоевателями, особенно если вспомнить те страдания, которые перенесла их родина от захватчиков. Поэтому я не рискую снова вводить их во Францию, если не могу кормить их и платить им... Без платы и еды они вынуждены грабить; а если они будут грабить, они погубят нас всех».

Нижняя точка была достигнута в феврале 1813 г., когда Веллингтон доложил, что почти не может выходить из дому, «так как кредиторы ждут выплат того, что им причитается». Поскольку именно финансовые затруднения Веллингтона стали переломным пунктом в карьере Натана Ротшильда, стоит сказать несколько слов об их причине.

Из всех «старорежимных» государств самая действенная финансовая система была в Великобритании. Главные ее учреждения развивались в столетие после «славной революции» (принятого в историографии названия государственного переворота 1688 г., в результате которого был свергнут король Иаков II Стюарт). Финансовая система Великобритании включала относительно дешевую и централизованную систему сбора налогов; вполне прозрачный бюджетобразующий процесс в парламенте; более или менее стабильную систему государственных займов, государственный долг в долгосрочных облигациях – и такую же стабильную денежную систему, вращавшуюся вокруг Английского банка и основанную на «золотом стандарте». Именно это позволило Великобритании в течение XVIII в. вести шесть крупномасштабных войн, не страшась политических кризисов, характерных для смены режима во Франции, более отсталой в финансовом отношении. Но после 1789 г. цена войны резко возросла (отчасти из-за того, что революционный режим получил возможность выдвинуть армию беспрецедентного размера): по приблизительным подсчетам, годовой фонд во время Наполеоновских войн в реальном исчислении в пять раз превышал стоимость войн, которые велись сто лет назад. Государственные расходы в Великобритании в 1793–1815 гг. резко выросли примерно с 18 млн ф. ст. в год до примерно 100 млн (около 16 % от национального дохода). Общая стоимость войны с Францией в тот период равнялась примерно 830 млн ф. ст., из которых около 59 млн были выплачены в виде дотаций менее кредитоспособным союзникам Великобритании. И хотя пришлось вводить множество новых налогов, из которых самым важным был подоходный налог, налогами окупалось лишь около четверти военных расходов. В результате государственный долг взлетел с 240 млн ф. ст. в 1793 г. до 900 млн в 1815 г., то есть составил почти 200 % национального дохода. Более того, в 1797 г. Английский банк вынужден был приостановить размен банковских билетов на золото, что послужило началом обесценивания валюты. Сочетание дефицита, вызванного войной, и роста циркуляции бумажных денег привело к инфляции: цены за двадцать лет до 1815 г. выросли почти вдвое. Таким образом, Веллингтону пришлось вести военную кампанию во времена беспрецедентных финансовых нагрузок.

Все вышеописанное, однако, не до конца объясняет трудности герцога, которые отчасти были связаны с логистикой. Даже если бы казна в Лондоне была переполнена, все равно трудно было бы доставлять Веллингтону деньги в той форме, какую принимали испанские купцы. Вплоть до 1813 г. доставку денег осуществляли всего двумя способами. Либо золото (в форме золотых гиней)³¹ доставлялось морем в Португалию или Испанию и там менялось на местную валюту; либо герцог занимал деньги у местных банкиров, продавая им векселя, выставленные на Лондон. Учитывая риск, сопровождавший перевозку крупных партий золота, Веллингтон чаще всего прибегал именно ко второму способу. Трудность в том, что к 1812 г. на Пиренейском полуострове рынки были перенасыщены векселями, выставленными на Лондон. Веллингтон понял, что новые векселя можно продавать лишь с непомерно высокой скидкой. «Патриотические господа в Лиссабоне, – жаловался он Батхерсту, – не дают нам... за казначейские векселя денег или дают очень мало». Именно эту брешь заполнил Натан Ротшильд.

Война и мир

Историки не могут адекватно объяснить, как никому не известный еврейский торговый банкир – который лишь за несколько лет до описываемых событий был контрабандистом, а еще раньше мелким торговцем тканями, – сумел стать главным каналом передачи денег от

британского правительства на континентальные поля сражения, на которых в 1814–1815 гг. решалась судьба Европы. Из всех шагов в восхождении Дома Ротшильдов этот можно считать величайшим; кроме того, он остается и самым недооцененным.

Для превращения Натана в «главнокомандующего», «финансового Наполеона», как позже называли его братья, причем только наполовину в шутку, требовалось три отдельные составляющие. Первым было отсутствие конкуренции. Здесь в игру вмешалась удача, потому что до 1810 г. в лондонском Сити не было нехватки в платежеспособных банках. Можно вспомнить, например, «Харман и К^о» (этот банк встречается среди самых первых корреспондентов Ротшильдов в Лондоне), «Рейд, Ирвинг и К^о», «Смит, Пейн и Смит» и, разумеется, «Бэринг Бразерс» (Baring Brothers). Можно было ожидать, что правительство попросит их о помощи в дни финансовых затруднений. Более того, братья Бэринг уже перевозили британские денежные средства, когда помогали предоставлять займы Португалии. Не был Натан и единственным еврейским банкиром, который собирался бросить вызов признанным авторитетам: Абрахам и Бенджамин Голдсмиды уже поступали так с 1790-х гг. Кроме того, после 1802 г. в Лондон непрерывно прибывали банкиры из Германии (особенно следует отметить Шрёдера, Брандта и Хута). Каждый из них стремился превзойти остальных. Как заметил в ноябре 1813 г. новый главный комиссар, которому поручили задачу снабжения Веллингтона деньгами: «Многие банковские дома уже предложили мне свои услуги». Более того, чутье подсказывало комиссару, что «по всем параметрам самым надежным каналом для наших денежных операций» является банк Бэрингов. Однако вскоре стало очевидно, что ни Бэринги, ни другие признанные банки действовать не собираются. Нерешительность Бэрингов отчасти объяснялась тем, что незадолго до того руководство банковским домом перешло от Фрэнсиса Бэринга (умершего в 1810 г.) к его сыну Александру. Однако главной причиной бездействия стали два мощных удара, пошатнувшие весь лондонский Сити. Первым ударом стал кризис 1810 г., одной из причин которого стал доклад Комитета по слиткам, в котором рекомендовалось (вопреки советам Английского банка) досрочно возобновить обмен бумаг на золото. Предвидя дефицит денег, который случился бы после исполнения такой рекомендации, биржа отреагировала однозначно: цены на государственные ценные бумаги резко упали. При этом у Бэрингов и Голдсмидов оставались крупные пакеты облигаций недавних государственных займов. Бэринги потеряли около 43 тысяч ф. ст.

Абрахам Голдсмид покончил с собой, что привело (как с возмущением отмечал Уильям Коббет) к «тревоге и унынию» в Сити и к усилению паники. Возможно, столь же важную роль сыграл и одновременный крах амстердамского рынка, вызванный аннексией Нидерландов Наполеоном. Из-за этого банк «Хоуп и К^о», партнер Бэрингов в континентальной Европе, некоторое время игравший ведущую роль в финансировании России, превратился просто в «пустую скорлупу».

Вторым фактором, сработавшим в пользу Натана, стало назначение в октябре 1811 г. главным комиссаром Джона Чарлза Херриса. Во многих отношениях Херрис стал для Натана тем же, кем был для его отца Бударус, – его первым высокопоставленным «другом». Будучи сам сыном мелкого торгового банкира, Херрис сделал карьеру в политике после того, как в 1798 г. стал младшим клерком в казначействе. Через три года его назначили личным секретарем Николаса Ванситтарта, секретаря казначейства; в той же должности он служил Спенсеру Персивалю, когда тот был канцлером казначейства в 1807–1809 гг. Однако не только предки-банкиры помогли Херрису разглядеть в Натане Ротшильде возможность решения его проблемы. Дело в том, что Херрис, что необычно, был германофилом. Он не только учился в Лейпциге; он даже перевел антифранцузский трактат Фридриха Генца «О состоянии Европы до и после Французской революции». Возможно также, что их дружба началась еще в те дни, когда он учился в Лейпциге и понял, насколько полезными в перспективе могут оказаться Ротшильды. Согласно одному отчету, будучи студентом, Херрис влюбился в женщину, ставшую женой получившего

дворянство лейпцигского торговца табаком по имени барон Лимбургер, до такой степени, что у него от нее был внебрачный ребенок. Позже Лимбургеры утверждали, что именно по их рекомендации Херрис привлек Натана к финансированию кампании Веллингтона; подобные доводы кажутся вполне логичными, потому что впоследствии им удалось вытребовать от 30 до 40 тысяч ф. ст. в качестве 1 % комиссионных от денег, заработанных Натаном в связи с государственными делами. С другой стороны, Лимбургер написал Херрису только в феврале 1814 г., после первых поручений, которые Натан выполнил для правительства. Барон превозносил «усердие и осмотрительность» Ротшильдов, но в то же время предлагал свои услуги «честного и осмотрительного человека», который мог бы надзирать за проводимыми ими операциями; и Херрис первоначально отнесся к нему прохладно. Однако, по здравом размышлении, он решил все же нанять Лимбургера. При этом, правда, Херрис тонко намекнул, что был уверен в Натане еще до рекомендаций Лимбургера. Кроме того, только в июне того года Ротшильд начал относиться к Лимбургеру как к человеку, обладавшему некоторым влиянием на Херриса.

Возможно, Лимбургер был просто одним из тех бессовестных и меркантильных мошенников, которые в изобилии водились в Европе времен Наполеона, и он просто завуалированно шантажировал Херриса из-за его внебрачного ребенка. Как язвительно заметил Карл в начале 1815 г., жена Лимбургера «очень любила деньги». Самого Лимбургера Амшель подозревал в том, что тот просто «играет в большого человека». В конце концов от Лимбургеров откупились, заплатив им 15 тысяч ф. ст., причем так, что это больше подходило для шантажистов, чем для партнеров. Тем не менее, как пришлось признать Карлу, Лимбургер «оказал нам услугу», пусть и состоящую лишь в том, что он выступал в роли аристократа-посредника в операциях братьев с правительствами европейских стран.

Третья, и самая важная причина, по которой Натан принял участие в финансировании Великобритании в годы войны, заключалась в том, что он, в отличие от своих конкурентов, знал, как доставить деньги Веллингтону. Когда впоследствии Натан описывал свои действия, по его словам, все выглядело совсем несложным – так бывает часто: «Когда я обосновался в Лондоне, у Ост-Индской компании имелось золото на продажу на сумму 800 тысяч фунтов. Я пошел на торги и скупил все. Я знал, что золото очень нужно герцогу Веллингтону. До того я приобрел со скидкой много его векселей. Правительство послало за мной; мне сообщили, что государству нужно золото. Получив золото, они не знали, как доставить его в Португалию. Я взял все на себя и отправил золото во Францию; и лучшей операции я в жизни не проводил».

Разумеется, мифотворцы дополнили историю многочисленными подробностями; так, Натану приписывались патриотические мотивы, а иногда даже рассказывали, как Джеймс пересекал линию фронта, переодевшись в женское платье. На самом деле все происходило совершенно по-другому. Какое-то время – до марта 1811 г. – Ротшильды принимали участие в контрабандной переправке золотых слитков из Англии во Францию. Строго говоря, они нарушали континентальную блокаду, проводившуюся Наполеоном по отношению к Великобритании. Впрочем, Наполеон относился к подобной контрабанде терпимо, а позже даже выдал на нее разрешение. Самый младший из братьев, Джеймс, отвечал за операцию по ту сторону Ла-Манша, в Гравлине и Дюнкерке. Он обменивал ввезенные гинеи на векселя, выписанные на Лондон, которые, естественно, в то время котиrowались во Франции очень низко и которые затем можно было с прибылью выкупить в Лондоне. Типичная серия из шести поставок от Натана Джеймсу в апреле 1812 г. доходила до суммы около 27 300 ф. ст. в гинеях, в обмен на которые Джеймс присылал Натану векселя парижских банков Оттингера, Давилье, Фабера и Морелла номинальной стоимостью в 65 798 фунтов. Другие братья Ротшильд также вносили свой вклад в операцию, переправляя Джеймсу векселя соответственно из Гамбурга и Франкфурта.

Еще во время более ранних тайных операций, которые велись от имени курфюрста Гессен-Кассельского, братья разработали довольно примитивный шифр, призванный ослабить подозрения французов. Натан назывался «Лангбейном», Лондон – «Иерусалимом», а переправку золота через Ла-Манш называли «раввином Мозесом» или «раввином Моше». Незаконные поставки назывались то «пивом», то «рыбой», то «детьми». В операциях участвовали и другие ключевые фигуры, известные как «толстяк» и «проклятый» (к сожалению, идентифицировать их личности не представляется возможным). Вдобавок, чтобы золото через Ла-Манш переправлялось спокойно и быстро, дуврских агентов уполномочили нанимать суда для проводимых Ротшильдами операций. В 1813 г. на одном таком судне через Ла-Манш тайно переправился сам Джеймс, чтобы повидаться с Натаном. «Игра в прятки» с властями превращалась для братьев во вторую натуру. Более того, даже их сыновей уже научили придавать значение скрытности. Так, семилетний Ансельм, сын Соломона, не позволил своему учителю исправить письмо, которое он писал отцу: «Милая матушка, – объяснял мальчик, – как могу я делиться с мистером Саксом тайнами, известными лишь мне и отцу?»

Скорее всего, именно объемы закупаемого Натаном в Лондоне золота и привлекли к нему внимание Херриса. Кроме того, очень может быть, что некоторые векселя, которые возвращались в Лондон через Ротшильдов, были векселями Веллингтона, которые испанские, португальские и мальтийские банкиры продавали парижским банкам. Возможно также, что Джеймс уже купил на золото, посланное ему Натаном, векселя на испанские и португальские банки, которые затем посылались через Пиренеи Веллингтону. Хотя доказательства такой версии весьма скудны, их нельзя назвать неправдоподобными. В конце концов, в 1806–1807 гг. деньги посылались из американских колоний Испании во Францию еще более кружным путем, который начинался в Веракрусе, вначале вел на север, в Нью-Йорк, а затем пересекал Атлантический океан и через Лондон приводил в Париж. Более того, в одном случае партию мексиканских пиастров на сумму в 14 с лишним миллионов франков доставил через Ла-Манш во французское казначейство британский военный корабль! В целом считалось, что прибыль, получаемая от таких операций, намного превосходила выгоды, которые неприятель приобретал от самих денег. Вдобавок надо учитывать существовавшую тогда недооценку экономического значения подобных переводов; она помогает объяснить, почему французские власти терпимо относились к действиям Джеймса в Париже и Бордо (о чем им было прекрасно известно). Хотя у некоторых французских полицейских чинов имелись определенные подозрения, Наполеон прислушивался к мнению Николя-Франсуа Мольена, директора государственного казначейства, который считал, что любой отток золота из Великобритании – признак экономической слабости и потому выгоден Франции.

То была грубая ошибка в расчетах. Вопреки мнению Мольена, возможность Ротшильдов переправлять деньги через Ла-Манш вскоре станет для Великобритании источником силы. 11 января 1814 г. Натану официально поручили финансировать наступление Веллингтона во Франции. Выражаясь словами Ванситтарта, Херрису надлежало «использовать этого господина [Натана] самым тайным и секретным образом, чтобы он собрал в Германии, Франции и Голландии как можно больше французских золотых и серебряных монет, стоимость которых не превышала бы 600 тысяч ф. ст., и представил их в течение двух месяцев, начиная с нынешнего времени». Деньги необходимо было передать на британские суда, стоявшие в голландском порту Хеллевутслейс, откуда они попадали к Веллингтону через Сен-Жан-де-Люз, в окрестностях Биаррица. «Господин Ротшильд должен четко понимать... что он принимает на себя все риски и убытки, которые могут впоследствии до прибытия на борт судна его величества». В случае успеха ему обещали комиссию в размере 2 % от доставленной суммы. Но тайну следовало охранять любой ценой. Наступил решающий прорыв – ведь Ротшильды получили первое официальное задание от правительства Великобритании. В результате Натан вступил в контакт

не только с Херрисом – в марте он «почти постоянно» находился в кабинете у Херриса, – но и с Ванситтартом, и с самим премьер-министром, лордом Ливерпулом.

Судя по письмам, операция оказалась гораздо труднее, чем думал Натан. Мейер Давидсон, которого Натан послал в Амстердам, неоднократно жаловался на нехватку подходящих монет после французской оккупации и быстро пришел к выводу: если Натан хочет исполнить условия договора, придется ввести в обращение новые наполеондоры (сменившие прежние луидоры). К концу февраля Давидсону удалось собрать не более 150 тысяч ф. ст. «Однако это... капля в море. Почему? Потому что это... поручение английского правительства, а английское правительство способно употребить все наличные деньги, какие существуют на континенте, и даже они их не удовлетворят». Давидсон боялся, что сделку не удастся довести до конца; поговаривали о сокращении в два раза конечной суммы в 600 тысяч ф. ст.

Однако, несмотря на все трудности, деятельность Натана произвела сильное впечатление на Херриса. Уже 22 февраля Веллингтон в письме благодарил Батхерста за «поставки денег, которых хватает с избытком». В апреле Натану и Джеймсу удалось перевести свыше 20 тысяч ф. ст. в гульдены для немедленной их отправки британской армии. Ротшильды продолжали снабжать наступающие войска деньгами до конца года, когда правительству удалось возобновить нормальные способы платежа. Как признавался Херрис сэру Джорджу Бергману, казначею Великобритании в Амстердаме, «Ротшильд... выполнял различные услуги, порученные ему, на удивление хорошо, и, хотя он еврей, мы относимся к нему с большим доверием». Одним поводом для радости Херриса было то, что Ротшильды доставляли большие объемы наличных денег в Хеллевут-слёйс авансом, до того, как им платили, что позволило некоторым историкам предположить, что, делая крупные займы в Лондоне и Париже, в качестве залога Натан предлагал лондонские векселя курфюрста Вильгельма. Вполне вероятно, однако это не могло быть единственным источником кредита для братьев, учитывая размер сумм, которыми они оперировали. Как выразился Нил, Натан «финансировал войну против Франции средствами континентальной Европы», то есть векселями, выписанными на Лондон торговыми банками. Ротшильды скупали их и обменивали на золото, которое затем пересылали армии Веллингтона на счет Херриса. К середине мая правительство задолжало Натану 1 млн 167 тысяч ф. ст. – достаточно большую сумму для того, чтобы его брат Соломон пришел в ужас. Очевидно, с такой огромной суммой не в состоянии был справиться даже сам Натан. Херрис признавался Драммонду, своему представителю во Франции, что он «не удивляется крайнему беспокойству лондонского брата и желанию поскорее получить у вас деньги. Теперь они служат нам в значительной степени в кредит, и если нам не удастся снабдить [их] средствами, достаточными для выполнения этих обязательств, такого бремени не выдержит ни один человек, каким бы богатым он ни был. Здешний брат делает свое дело весьма неплохо и, похоже, может раздобыть деньги в любом количестве».

В 1814 г. не только британская армия получала деньги от Ротшильдов на счет Херриса. Гораздо важнее – и в перспективе выгоднее – были платежи, с помощью которых правительство Великобритании финансировало своих менее кредитоспособных союзников в континентальной Европе. Раньше выплаты осуществляли такие торговые банки, как «Братья Бэринг» или «Рейд, Ирвинг», но теперь Натан, заслужив доверие Херриса, готовился взять их в свои руки. Единственная трудность заключалась в том, чтобы убедить страны-получательницы отношений с таким же доверием к его братьям по ту сторону Ла-Манша. Легче всего удалось договориться с Россией, не так легко – с Пруссией и только в ограниченной степени – с Австрией. Кроме того, через Ротшильдов получали выплаты другие страны-союзницы, в том числе Мекленбург и, что можно было предсказать заранее, Гессен-Кассель, а также, после Реставрации Бурбонов, французский монарх Людовик XVIII. Речь шла о поистине огромных суммах. Всего в 1811–1815 гг. Великобритания выплатила своим союзникам около 42 млн фунтов стерлингов. Хотя Ротшильды включились в игру не с самого начала, они быстро заняли главенствующую

щее положение. В июне 1814 г. Херрис опубликовал список выплат Пруссии, Австрии, французскому королю и британской армии. Включая деньги, которые должны были поступить, итог составил 12,6 млн франков, причем ожидалось и новые поступления. Не приходится удивляться, что лорд Ливерпул называл «мистера Ротшильда» «весьма полезным другом». «Не знаю, – говорил он Каслри, – что бы мы делали без него в прошлом [1814] году».

Не составило труда и обеспечить за собой значительную долю российских дел. По Рейхенбахскому соглашению, заключенному в июне 1813 г. между Великобританией, Россией и Пруссией, России обещали выплату 1 млн 333 тысяч 333 ф. ст., а Пруссии – 666 666 ф. ст., частично в форме процентных казначейских билетов. Однако ограниченное в наличных средствах британское правительство неоднократно отсрочивало платежи, и только в конце мая 1814 г. было достигнуто соглашение, по которому Великобритания должна была в течение 15 месяцев производить выплаты в размере миллион прусских талеров каждая (в виде процентных переводных векселей). Две трети выплат шла России и одна треть – Пруссии. Жерве, российский дипломат, которому поручили обменять дотации на наличные, вначале обратился в банк «Хоуп и К^о». За выплату авансом суммы за первые семь месяцев он предлагал двухпроцентную скидку. Но директор «Хоупа», Лабушер, колебался. В результате место «Хоупа и К^о» заняли Ротшильды, очень кстати представленные Соломоном и Джеймсом. Они не только предложили конвертировать партии денег стоимостью в 4 млн талеров на луидоры и дукаты, но и обещали доставить большую часть денег в Гамбург, Дрезден и Варшаву, где нужно было срочно выплачивать жалованье русским войскам.

Условия Ротшильдов, судя по всему, оказались достаточно привлекательными, особенно при первоначальном отсутствии конкурентов. Как писал Джеймс, Жерве «нужны были деньги, и быстро», а ни один другой банкирский дом не хотел рисковать, переправляя такие крупные суммы в далекую Варшаву. Кроме того, с точки зрения Великобритании выгодно было позволить Ротшильдам провести операцию, поскольку они сокращали проценты, которые приходилось платить Великобритании, и предлагали обмен фунтов стерлингов на талеры по более выгодному курсу, чем было оговорено изначально. Более того, Джеймс радостно объявлял, что «никогда еще правительство не заключало лучшей сделки».

«Можешь с уверенностью передать лорду Ливерпулу, – писал он Натану с юношеской бравадой, – что эта операция – настоящий шедевр!»

Операция оказалась шедевром не в одном только смысле. Как учил сыновей Майер Амшель, они всегда старались сделать свои условия привлекательными не только для правительств, но и для отдельных государственных служащих, с которыми вели переговоры. Так, чтобы лично заинтересовать Жерве в необходимости вести дела именно с Ротшильдами – сделать его надежным «другом» или «помощником» своего банкирского дома, – ему и другим русским государственным служащим тактично предлагали взятки в виде комиссионных или беспроцентных займов. Между собой братья именно так и называли свои предложения – «взятками». По условиям сепаратного соглашения с Россией комиссия в размере 1 % шла прямо в карман Жерве. «Бакшиш нашему другу» (*der Freund Schmiegeld*), как считали Джеймс и Карл, не только играл решающую роль в той конкретной операции. Он помогал облегчить будущие сделки. Ибо, как насмешливо заметил Давидсон, «теперь русские знают Соломона, а Соломон знает русских». Что характерно, братья придерживались диаметрально противоположных взглядов на размер «гонорара» Жерве. Соломон знал – точнее, думал, что знает, – цену Жерве. По здравом размышлении он решил, что Джеймс предложил русскому «слишком большой процент от прибыли» и «очевидно не умеет давать взятки»: подарка в виде часов и каких-то английских ценных бумаг, по его мнению, было бы вполне достаточно. Но Джеймс назвал слова Соломона «настоящей глупостью», заверив братьев, что он сумел бы договориться о еще большей комиссии для следующей передачи денег в Россию: «Деньги, отданные Жерве,

играют решающую роль, а я, к счастью, его знаю». Судя по всему, Карл в том споре встал на сторону Джеймса, хотя и подчеркивал, что именно он первым предложил дать Жерве взятку.

Такие выплаты политикам и государственным служащим, конечно, не стоит судить по меркам Великобритании конца XX в., когда людям, занимающим государственные посты, запрещено брать взятки, а члены парламента обязаны декларировать доходы от ценных бумаг, гонорары за консультации и даже подарки. На протяжении почти всего XIX в. на большей части Европы взяточничество было общепринятой и почти узаконенной практикой; Ротшильды часто передавали наличные деньги отдельным корыстолюбивым политикам и государственным служащим, с которыми они встречались. Конечно, как часто замечали современники, «коррупция» варьировалась в своей сути и размерах в зависимости от места и времени. Даже в 1814 г., задолго до введения гладстоновских принципов неподкупности госслужащих, британские чиновники считались в целом более порядочными, чем русские; впрочем, возможно, они просто чаще попадали в поле зрения парламента и прессы. Поэтому выплаты Жерве тщательно скрывали от Херриса, и не могло быть речи о том, чтобы сам Херрис получал такие суммы. Однако можно было придумать более тонкие способы учесть его личные интересы. В июле 1814 г. Амшель переслал Натану письмо от мадам Лимбургер, в котором та ссылаясь на своего незаконнорожденного ребенка. Амшель советовал показать это письмо отцу ребенка, Херрису. «Будет неплохо, [если ты его покажешь], – писал он, – потому что он, возможно, передаст тебе прусские и русские дела, ведь ему наверняка захочется, чтобы его ребенок получил больше денег. А если ребенок получит четверть от прибыли, мы тоже внакладе не останемся».

Операция с русскими ассигнованиями в самом деле стала *Meis-tergeschaft* – для правительства Великобритании, для Жерве, но самое главное, для самих Ротшильдов. Принимая во внимание их комиссию от Великобритании в размере 2 %, дополнительные 2 % на покрытие расходов и еще 4 % от правительства России, их общая прибыль на первом транше (4 млн талеров) составила порядка 8 %. Следующие выплаты (в размере 3,7 млн франков и 5,3 млн талеров) принесли им сопоставимый доход. Другие правительства так же охотно платили значительные комиссионные за то, чтобы превратить свои ассигнования в наличные. Правительству Мекленбурга «деньги нужны, как хлеб», – сообщал Джеймс из Шверина; поэтому Мекленбург охотно отказывался от 30 % из причитающихся им выплат в размере 1,5 млн талеров и согласен был уплатить 5 % комиссионных, если Ротшильды устроят «немедленную выплату». «Они пойдут на все, что мы от них хотим, – торжествовал Джеймс, – лишь бы скорее получить деньги». Вернувшегося из изгнания короля Франции Людовика XVIII Ротшильды также снабжали деньгами в виде векселей, выписанных на Париж. Так же легко оказалось передавать деньги и в Гессен-Кассель, где временное правительство, назначенное после отъезда Дальберга, но до возвращения курфюрста, с трудом возмещало убытки, чинимые проходящими армиями союзников. Поскольку Второй русский армейский корпус реквизирует зерно, которого и так было мало, а в военном казначействе не осталось ни гроша, чиновники Вильгельма в отчаянии обратились к Ротшильдам с просьбой о займе в 250 тысяч гульденов. Первоначально заем собирались взять всего на полгода, однако часть займа пришлось пролонгировать из-за практической невозможности собирать налоги у «ограбленного» и «измученного» населения.

Зато операция по дотациям Пруссии проходила труднее и не принесла такого большого дохода. Отчасти дело было в том, что прусские переговорщики оказались не такими покладистыми, как Жерве. Братья пытались наладить дружеские отношения с прусским министром финансов князем Бюловом и советником князя Гарденберга, Кристианом Ротером, но встретили у них довольно прохладный прием, несмотря на положительное впечатление, произведенное благодаря рекомендательному письму от Херриса. Джеймсу удалось договориться о трех переводах на общую сумму в миллион талеров, но представители Пруссии сочли 2 % комиссионных, которые он запрашивал, слишком высокой ценой. «Деньги можно сделать в России, но не в Пруссии» – таков был вывод Джеймса. И полгода спустя он не видел причин пересмотреть

свое первое суждение. «Обычно нет никакого удовольствия в том, чтобы вести дела с пруссаками», – ворчал он, когда представители Пруссии отклонили очередное их предложение. В конце концов братьям пришлось обойтись вовсе без комиссионных, и хотя 3 % прибыли, полученные от этой операции, были лучше, чем то, что они ожидали вначале, им пришлось утешаться мыслью о том, что они хотя бы закрепились в Берлине, что могло оказаться выгоднее в будущем. «Во всяком случае, – размышлял Джеймс, – сейчас, хвала Всевышнему, нам удалось протиснуться в дело, и для нас весьма полезно завязать отношения при прусском дворе».

Не так легко проходило и «налаживание связей» с австрийским двором. По Треплицкому договору 1813 г. Австрия должна была получить миллион фунтов в виде субсидии, а по Шомонскому договору, подписанному в январе 1814 г., эта сумма увеличивалась еще на $\frac{2}{3}$, причем выплаты должны были производиться ежемесячно по 138 888 ф. ст. После поражения Франции общую сумму снизили до 555 555 ф. ст. И снова Ротшильды предложили произвести часть переводов. Как обычно, их поддержал Херрис. Условия были демонстративно щедрыми: Ротшильды не только отказывались от комиссионных, но и предлагали перевести фунты стерлингов в гульден по курсу 8,48 гульдена за фунт. Однако Барбье, вице-президент австрийского казначейства, и его начальник, министр финансов граф Угарте, отказались от их предложения, сочтя, что операцию должны проводить венские банки. Вторая попытка перевести деньги в Австрию через Бельгию (для оплаты оккупационных расходов) также окончилась неудачей, потому что австрийцы поставили Ротшильдам неприемлемые условия³².

У всех межгосударственных выплат, которые удалось провести Ротшильдам в 1814 г., имелась одна общая черта: в каждом случае они находили по крайней мере два (а иногда три) способа получить прибыль. Первый и самый очевидный – комиссионные, которые, как было показано выше, варьировались от 0 до 8 %. Второй – потенциально более выгодный, но и более рискованный – заключался в игре на разнице обменных курсов, часто сильно отличавшихся друг от друга. Именно так произошло в случае выплат Пруссии, операции в остальных отношениях непривлекательной. Судя по всему, такой же метод применяли и при большинстве других переводов. По сути, братьям удавалось воспользоваться разницей в обменных курсах, существовавших в разных местах, что отражало отсутствие – особенно ярко выраженное в военное время – единого европейского рынка обмена иностранной валюты, а также действие политической неуверенности, которая в 1814–1815 гг. также была высока. В один и тот же день чек или вексель, выписанный в фунтах стерлингов, мог стоить совершенно разные суммы в гульденах в Лондоне, Амстердаме и Франкфурте. При арбитражных операциях все стремились сыграть на такой разнице; валюту покупали дешево на одном рынке и продавали дороже на другом. Точно так же обменный курс талера или дуката мог резко меняться за короткие промежутки времени. Классические форвардные валютные спекуляции требовали так рассчитать время выплат, чтобы конкретную валюту можно было купить, когда ее курс был самым слабым, и продать, когда курс был самым сильным.

Братья Ротшильд занимали особенно выгодное положение для проведения таких операций. И дело не только в том, что у них имелись постоянные отделения во Франкфурте и Лондоне, а также представительства в Амстердаме и Париже; время от времени братья ездили по делам, добираясь до Берлина и Праги. Благодаря хорошим отношениям с Херрисом они имели огромное преимущество перед своими конкурентами. Дело в том, что одной из главных причин гибкости обменных курсов были собственно переводы денег из Великобритании на континент, заниматься которыми просили самих Ротшильдов. Задолго до 1814 г. британские обозреватели поняли, что покупка крупных партий иностранной валюты, за которые расплачивались векселями в фунтах стерлингов, ведет к понижению курса фунта. Чем больше дефицит платежного баланса Великобритании – то есть чем больше таких неоплаченных субсидий приходится производить, – тем выше курс фунта. После того как Натан обещал Херрису осуществлять переводы с минимальной амортизацией обменного курса, за ним закрепили операции по переводу

субсидий; и братья не уставали напоминать Херрису о своих успехах на этом поприще. (Вот на что намекал Джеймс, назвав первый крупный перевод в Россию «шедевром» с британской точки зрения.) В то же время Ротшильдам удавалось извлекать значительные выгоды для себя благодаря тому, что они проводили свои операции на разных валютных рынках.

Суть заключалась в управлении обменным курсом фунта, что в тот период во многом было первой заботой братьев. Уже в июне 1811 г., когда их впервые задействовали в контрабанде золота на ту сторону Ла-Манша, Амшель обвинял Джеймса в «непомерном взвинчивании обменного курса в Иерусалиме [Лондоне]». На деле это означало, что фунт падал по отношению к франку. На следующий год Джеймс в письмах к Натану часто ссылается на свои попытки удержать франк от роста. «Невозможно, – заверял он Натана, – сделать больше, чем делаю я, чтобы удержать [курс] на самом низком уровне». Их опыт в таких операциях объясняет успех, с каким Ротшильдам впоследствии удавалось избегать существенного понижения, когда они переводили более крупные суммы для Херриса. К удивлению и радости Херриса, Натану удалось выплатить целых «700 тысяч ф. ст. при покупке векселей, выписанных на Голландию и Франкфурт, не произведя ни малейшего потрясения и не вызвав паники на рынке... Сейчас обменный курс лучше, чем когда проводилась операция... Я убежден, что 100 тысяч фунтов, оговоренные каким-либо иноземным министром или служащим комиссариата, вызвали бы действие, десятикратно превышающее операции Ротшильдов». Естественно, после вступления союзников в Париж фунт укрепился, но продолжительные выплаты субсидий угрожали вскоре снова его ослабить. По этой причине Ротшильды вмешались в ход операции, чтобы ускорить ее. К тому времени рынки во многом действовали по указке Ротшильдов. Как заметил Карл, «когда покупаем мы, покупают все». Это отражало широко распространенное убеждение в том, что Ротшильды действуют «от имени английского правительства и что все делается для повышения фунта стерлингов, и... мы в том весьма преуспели».

На самом деле, конечно, у Ротшильдов имелись свои причины для поддержания высокого курса фунта. При более или менее предсказуемых колебаниях фунта стерлингов возможно было участвовать в выгодных арбитражных операциях на основе крупных переводов субсидий. В мае 1814 г., например, Соломон привлек внимание Натана к значительной разнице котировок на золото между Парижем и Лондоном. Через месяц Натан, в свою очередь, велел Джеймсу купить «дешевые» фунты во Франкфурте. Субсидии, переводимые Жерве, стали основой для ряда выгодных операций, основанных на разнице в обменных курсах. Так, в июле Амшель ездил в Берлин, чтобы воспользоваться тамошним выгодным курсом дуката по отношению к луидору. Дукаты, которые были доставлены Жерве в августе и сентябре, были куплены Джеймсом в Амстердаме по более низкой цене, что принесло братьям дополнительную прибыль в размере около 4 %.

Видимо, именно такие операции принесли Ротшильдам в тот решающий период львиную долю прибыли. Амшель только отчасти шутил, когда, во время послевоенного разбухания фунта стерлингов, он в письме предупреждал Соломона: «Делай свое дело, обогати Франкфуртский дом на миллион франков, Парижский дом на миллион луидоров, а Лондонский дом – на миллион фунтов, и тебя наградят орденом Великой Армии!» Однако необходимо напомнить, что такая стратегия была сопряжена с риском. Было необычайно трудно собрать наличные, необходимые для своевременных переводов субсидий в Россию и Пруссию. Источники кредита, какими пользовался Франкфуртский дом, не раз оказывались почти истощенными, а Карл и Амшель неоднократно жаловались, что Натан откусывает кусок больше, чем они способны переварить. Сбор 600 тысяч гульденов был, как жаловался Карл, «не шуткой». В то же время правительствам, занятым переводами субсидий, естественно, не нравилось то, что Ротшильды получали огромные побочные прибыли. Даже Херрис и Жерве временами проявляли недовольство происходящим, в то время как прусскому правительству удалось снова передать

Ротшильдам по крайней мере некоторые расходы, вызванные неожиданным падением фунта в августе. Обменный курс стал камнем преткновения и при переговорах с Австрией.

Помимо всего прочего, успех арбитражных и форвардных обменных операций зависел от быстроты сообщения. Насколько возможно, братья старались держать друг друга в курсе новостей, которые могли повлиять на обменные рынки: приближение выплаты новой субсидии, вероятность возобновления военных действий, неизбежность подписания мирного договора и т. п. Есть доказательства, что уже в то время они были в состоянии передавать такие сведения (посредством своих курьеров) значительно быстрее, чем было возможно по официальным каналам или обычной почтой. Впрочем, промежутки, за какие передавались важные известия, по-прежнему были велики, и Натана постоянно просили как-то ускорить процесс. Когда в Амстердаме курс фунта стерлингов подскочил на 6 %, Джеймс раздраженно спрашивал, что ему делать: «Милый Натан, если ты думаешь, что субсидии прекратятся, можешь быть уверен, что обменный курс снова вырастет, так как векселей станет меньше. Но если ты думаешь, что будут новые переводы, тогда обменный [курс] снова упадет... А пока просто непонятно, как поступать с обменным курсом. Ужасно, что ты, милый брат Натан, не удосужился написать мне свое мнение, потому что сейчас жизненно важно знать, что там происходит».

Амшелю так не терпелось поскорее узнавать последние лондонские новости, что он просил Натана посылать письма разными путями – не только через Париж и Амстердам, но и через Дюнкерк – и вкладывать их в конверты разного цвета, чтобы его знакомый на почте мог с первого взгляда судить, растет курс (синий конверт) или падает (красный).

Несмотря на преимущество в скорости сообщения, случались и провалы. В июле 1814 г. Натан неожиданно – «как сумасшедший» – перевел братьям во Франкфурт более 100 тысяч ф. ст. Это вызвало резкое падение курса фунта во Франкфурте; а когда падение продолжилось и в августе и распространилось на Амстердам, «удрученный» Карл испугался, что Натан утратил контроль над рынком. Соломон встревоженно просил Натана «не опускать фунт ниже определенного уровня»: «Если ты не будешь достаточно осторожным, ты не останешься хозяином фондовой биржи». Даже при таком положении дел уверенность в фунте стерлингов в континентальной Европе была сильно поколеблена. Беспокойство дополнялось упорным пессимизмом Амшеля (возможно, из-за того, что, как он и боялся, плохие новости не доходили до него достаточно быстро). Карлу казалось, что настало время прекратить спекуляции с фунтом стерлингов: «Но если бы ты написал об этом Амшелю [в Берлин], он поступил бы с точностью до наоборот и немедленно стал скупать фунты стерлингов, ничего как следует не обдумав вначале. Никто на свете не может представить, через что мне пришлось пройти. Сразу после его приезда в Лейпциг он купил 10 тысяч фунтов по 136. Его мнение, что фунт вырастет до 140, но, если он и достигнет уровня 140, он по-прежнему не сможет решить, можно продавать или нет. Он распространял бы слухи, что фунт вырастет до 150 и так далее... Поэтому, когда будешь писать ему, все время держи в голове... фиксированный курс, но ему вели купить половину, потому что он, несомненно, в любом случае купит больше».

Когда Амшель осознал свою ошибку, он нашел ее «поразительной» – тем более что обрушение фунта в Берлине вызвал он сам! «Мог ли я вести себя осторожнее? – парировал он, задетый нападками братьев. – Вы как будто хотите... выходить под дождь и не промокнуть». Соломон мрачно заключил, что Натан сам принял случившееся слишком близко к сердцу: «Ни один человек на земле не способен в любое время зафиксировать курс фунта, кроме правительства, которое охотно рискнуло бы полумиллионом фунтов за год, чтобы воплотить в жизнь валютный план... Не думаю, что есть смысл покупать фунты стерлингов с целью удерживать фунт от падения, потому что в мире и так уже слишком много этой валюты». Джеймс даже предложил сменить стратегию: повысить процентные выплаты по долгам в фунтах стерлингов под предлогом продолжающегося обесценивания фунта. Вновь повысить курс следовало осторожно и постепенно – и при помощи Натана, который будет «действовать... насколько это в

моей власти», – и таким образом восстановили доверие к фунту. В ноябре Джеймс понял, что ему снова будет достаточно «появиться» на гамбургской фондовой бирже, чтобы фунт вырос. То же самое подтвердилось в начале нового года, когда он приехал в Берлин³³. В феврале он уже мог с уверенностью сообщать Натану: «Поднимется или упадет фунт в Париже – зависит единственно от меня».

Был еще один (во многом сходный) способ получить прибыль косвенным путем на переводах субсидий: спекуляции на колебаниях в цене облигаций. Подобно валютному курсу, цены на облигации были крайне чувствительными к крупным международным переводам, а также к связанным с ними политическим событиям. Например, цена русских облигаций резко упала с 65 % от номинала до всего 25 % с февраля по октябрь 1812 г. по той причине, что французское вторжение в Россию привело к приостановке выплат процентов по государственному долгу. Новость об отступлении французов из Москвы вызвала кратковременное оживление на рынке: 30 ноября облигации котировались по 35 в Амстердаме, а в марте 1813 г. поднялись до 50, но снова упали до 41 в июне после известий о победах Наполеона в Саксонии. По мере того как победа союзников становилась все вероятнее, русские облигации снова повышались в цене, а выплата субсидий со стороны Великобритании намекала на неминуемое возобновление выплат процентов. Поэтому все, кто предчувствовал поражение Франции, считали разумным покупать облигации стран – союзниц Великобритании, пока они котировались относительно низко. Ротшильды также попытались так поступить, хотя и довольно поздно. К тому времени как Натан послал своего зятя Мозеса Монтефиоре в Париж с распоряжением сделать несколько спекулятивных покупок, русские облигации уже шли почти по номиналу. Тем не менее Джеймс не сомневался, что они поднимутся еще выше, поскольку получил от Жерве сведения о том, что скоро возобновят выплату процентов по ним. И Амшель в августе того же года начал скупать небольшие пакеты облигаций у соседних немецких княжеств. А в марте 1815 г. покупки Ротшильдов, основанные на сходных расчетах, подняли цены на австрийские облигации. Однако, судя по всему, они получили на таких операциях гораздо меньше прибыли, чем на арбитражных операциях и операциях с иностранной валютой, которые проводились в гораздо более широком масштабе. Более того, последние покупки облигаций, вполне вероятно, привели к существенным убыткам – по причинам, которые будут разъяснены ниже.

Ватерлоо Натана

После того как Франция была повержена, а Наполеон сослан на остров Эльба, впереди маячил конец операций с ассигнованиями – во всяком случае, так казалось. Не представлялись и новые возможности нажиться. В 1814 г. финансовое положение Франции казалось таким шатким, что ни о какой выплате репараций не могло быть и речи. Хотя долги французского государства, накопленные за предыдущий период, около 1800 г. были в основном аннулированы благодаря инфляции ассигната, Наполеоновские войны способствовали росту нового внутреннего долга до 1,27 млрд франков, а бессрочные рентные облигации (французский аналог британских консолей) шли примерно по 58 (то есть на 42 % ниже номинала). Наполеону удалось реформировать валюту, даровав монополию на выпуск банкнот Банку Франции и фактически переведя новый франк на биметаллический (золотой и серебряный) стандарт. Но к 1814 г. запасы драгоценных металлов в Париже истощились. Таким образом, победоносные союзники просили от реставрированного режима Бурбонов самое большее скромной контрибуции за расходы на оккупацию Франции в виде процентных королевских бон. Возможно, Ротшильды, привыкнув к своему главенствующему положению при переводах британских субсидий, ожидали, что и сейчас им поручат ведущую роль в таких операциях. Однако их ждало разочарование. Хотя они, судя по всему, и занимались некоторыми выплатами России в пересчете на франки, их заявка на конвертацию австрийской доли королевских бон в наличные

за комиссию в размере 0,5 % была отклонена, как и последующие предложения, сделанные другим странам-союзницам.

По этой причине заманчиво полагать, будто возвращение Наполеона с Эльбы 1 марта 1815 г. знаменовало для Ротшильдов полосу удачи. В то время как братья все больше лишались покоя, Сто дней Бонапарта снова погрузили Европу в пучину войны, восстановив те финансовые условия, в которых Ротшильды процветали ранее.

Гипотеза о том, что Натан выгадал на драматических событиях 1815 г., играет центральную роль в мифологии, окружающей Ротшильдов: неоднократно утверждалось, что, первым узнав о поражении Наполеона при Ватерлоо – даже раньше, чем правительство, – Натан сумел заработать огромные деньги на фондовой бирже. Разумеется, самые невероятные, сказочные подробности – например, личное присутствие Натана на поле сражения, бешеная скачка рядом с Веллингтоном, пересечение Ла-Манша в шторм из Остенде в Дувр, прибыль от 20 до 135 млн ф. ст. – давным-давно развенчаны. Тем не менее историки, в том числе сам Виктор Ротшильд, по-прежнему считают, что Ротшильды, по крайней мере до некоторой степени, получили выгоду от возобновления военных действий и окончательной победы союзников. Даже если деньги, вырученные на покупке британских государственных облигаций сразу после сражения, составляли лишь 10 с лишним тысяч фунтов, общая прибыль Ротшильдов от сражения при Ватерлоо оценивается примерно в миллион фунтов.

То, что произошло на самом деле, сильно расходится с вымыслом. Правда, что возобновление войны лишь на первый взгляд сулило возврат к выгодным условиям 1814 г. – но не из-за того, какое действие война оказала на консоли, которые, как мы видели, с тех пор играли для Натана сравнительно незначительную роль. (В 1815 г. новую эмиссию государственных облигаций, как прежде, провели Бэринги.) Скорее, речь может идти о возобновлении прежних отношений Натана с Херрисом на том основании, что возвращение Наполеона порождало ту же насущную потребность в переводах денег из Англии на континент, что и год назад. До некоторой степени такое умозаключение казалось совершенно верным. Но, судя по переписке Ротшильдов, возобновление платежей Веллингтону и континентальным союзникам Великобритании оказалось источником уже не таких легких заработков, как в 1814 г. Более того, возможно, ряд ошибок, совершенных братьями, привел не к прибыли, а к убыткам в критический период до и после Ватерлоо. Судя по всему, в данном случае действительность диаметрально противоположна вымыслу.

Для начала, возвращение Наполеона стало для Ротшильдов, выражаясь словами Натана, «весьма неприятным известием». В начале марта братья начали скупать австрийские ценные бумаги, ожидая повышения цен на рынках как в Вене, так и в Лондоне. Когда 10 марта Натан получил весть о бегстве Наполеона с острова Эльба, приятные перспективы развеялись. Как он сообщал Соломону, «на бирже застой... и мне чинят препятствия против отправки тебе большого перевода». В Париже последствия оказались даже хуже. «В настоящее время продолжать дела здесь практически невозможно», – докладывал Джеймс. Правда, Натан быстро переориентировал свои операции. Решив, что британскому правительству вскоре снова понадобятся деньги на континенте, он начал скупать золото в Лондоне, которое затем продал Херрису для поставок Веллингтону. Речь шла об огромных суммах: только в первую неделю апреля Натан купил «100 тысяч гиней золотом, 50 тысяч иностранных и свыше 100 тысяч испанских долларов и... почти на 200 тысяч фунтов первоклассных векселей». Чтобы максимально увеличить сумму, которую можно было предложить Херрису, Натан также отправил Соломона в Амстердам, а Джеймса в Гамбург с приказом «купить много золота для армий». Золото затем необходимо было переслать в Лондон. Первая поставка на континент – три слитка стоимостью около 3 тысяч ф. ст. – была отправлена 4 апреля; 1 мая последовало около 28 тысяч фунтов, а к 13 июня было послано более 250 тысяч ф. ст. 22 апреля Натан продал Херрису золота примерно на 80 тысяч фунтов; к 20 октября он достал золотых монет на общую сумму в 2 млн 136 тысяч

916 фунтов – достаточно, чтобы наполнить 884 ящика и 55 бочонков. Кроме того, он снова предложил свои услуги по доставке новой порции субсидий британским союзникам, которые в наивысшей точке достигли беспрецедентной суммы – миллиона фунтов в месяц. На сей раз не только Россия и Пруссия, но и прежде отчужденные австрийцы поняли, что у них нет иного выхода, кроме согласия вести дела с Ротшильдами. К такому же выводу пришли и другие государства, в том числе Саксония, Баден, Вюртемберг, Бавария, Саксен-Веймар, Гессен, Дания и Сардиния. Всего торговый баланс Херриса с Натаном в 1815 г. составлял 9 789 778 ф. ст.³⁴

Учитывая, что комиссия, которую Ротшильды брали за эти переводы, составляла в 1814 г. от 2 до 6 %, эта цифра косвенно свидетельствует о прибыли в районе 390 тысяч фунтов. Однако здесь не учитывается роль колебаний обменного курса, которые в 1814 г. стали ключевым фактором в вопросе трансфертных платежей. Натан скупал золото в Лондоне с непосредственной целью ослабить фунт стерлингов и повысить цену золота на целых 23 %. Подобные действия представляли большой риск, так как в марте еще оставалось неясным, будет ли Великобритания снова воевать с Бонапартом. (Если бы войну, например, отложили, Натан мог оказаться владельцем большого количества никому не нужного золота, которое падало в цене.) Когда наконец подтвердилось решение о возобновлении военных действий, Натан снова принялся укреплять курс фунта по отношению к континентальным валютам – ему по праву приписывают рост курса с 17,5 до 22 франков за фунт. «Главкомандующий» Ротшильдов был вполне уверен в своей способности контролировать обменные курсы. «Тебе не нужно беспокоиться ни с какой стороны, – писал он Джеймсу. – Наши здешние средства как львы... равны, если не превосходят, весь и всяческий спрос». Такую же безмятежность Натан демонстрирует и в письме Карлу: «Я не ограничиваюсь пустяковой разницей в обменном курсе... которая даст мне решающее превосходство над рынком». Кроме того, Натан не сомневался в том, что его последнее соглашение с Херрисом, по сути, лишено риска, так как в нем стояло условие немедленного возмещения любой суммы, посланной на континент (где он ранее уже произвел крупные выплаты авансом).

Однако он просчитался в двух жизненно важных отношениях: заключив, что для победы над Наполеоном понадобится еще одна длительная кампания, а также решив, что финансовый паралич, сковавший континентальную Европу год назад, быстро вернется, после чего поле будет расчищено от конкурентов. На самом деле между возвращением Наполеона с Эльбы и разгромом при Ватерлоо прошло всего три месяца, причем первые два из этих трех месяцев военные действия были самыми минимальными. В результате конкуренты Ротшильдов в Амстердаме, Гамбурге и Франкфурте сумели состязаться с ними на денежных рынках так, как не могли в 1814 г. Первые вести о неприятностях пришли из Гамбурга, где – к ужасу Натана – Джеймс не сумел поднять обменный курс, скупая золото. Затем из Амстердама сообщили, что у Веллингтона столько золота, что он не знает, что с ним делать. Поэтому 5 мая Натан «получил приказ от правительства с сегодняшнего дня прекратить все операции из-за того, что ты выслал слишком много товара». Придя в ярость, он тут же обвинил во всем Джеймса: «Отказываюсь понимать... почему ты не в состоянии исполнять распоряжения, которые я отдавал тебе неоднократно... Уверен, что ты не сознаешь, какой ущерб ты мне причиняешь... из-за твоей невнимательности я потерял не менее $\frac{7}{8}$ оборота, на какой рассчитывал... И на какой же результат ты надеешься? Ведь приказы исходили не от меня, а от правительства, о чем я упоминал ранее; теперь меня обвиняют во всем! Прошу тебя вообще пока ничего не делать с покупкой монет или векселей, выписанных на Лондон; если же ты это сделаешь, я не одобрю твоих действий никоим образом и не приму векселя, а верну их тебе опротестованными. Надеюсь, у меня не будет повода повторять...»

Однако Джеймс едва ли был виноват. Просто – как указал Давидсон – его «подрезали» европейские банкиры, например Хекшер, который разгадал всю нелепость поставок Ротшильдами золота из Гамбурга и Амстердама в Лондон, откуда его тут же отправляли назад, на кон-

тинент: «Когда я покидал Лондон, Р., главный комиссар и вообще все тревожились, удастся ли приобрести столько золота, сколько возможно... Чтобы исполнить приказ, пришлось выписывать векселя на Лондон. С тех пор положение приняло другой оборот, и сейчас лишь начались приготовления к давно ожидаемой войне. Поскольку же реальные военные действия не ведутся, золото можно приобрести повсеместно. Более того, банкирские дома, которые в то время, когда Бони снова захватил Францию, не имели желания заниматься подобными операциями, сейчас тоже стремятся получить свою долю».

Джеймс, которого с позором отправили назад, в Париж, и Соломон, к которому в Амстердаме присоединился Карл, старались остановить падение фунта стерлингов, однако ущерб уже был причинен.

Именно тогда военное положение достигло своего эпохального пика при Ватерлоо. Несомненно, отраднее было получить вест о поражении Наполеона первыми. Газета с пятой, решающей сводкой с места действия вышла в Брюсселе в полночь 18 июня; благодаря скорости, с какой курьеры доставляли корреспонденцию, уже ночью 19 июня газету привезли в Нью-Корт, лондонскую резиденцию Ротшильдов. Прошло всего 24 часа после победоносной встречи Веллингтона с Блюхером на поле сражения и почти 48 часов до того, как майор Генри Перси доставил официальную депешу Веллингтона в дом лорда Харроуби, где ужинали члены кабинета министров (в 11 вечера 21 июня). Сведения, полученные Натаном, появились так быстро, что 20 июня, когда он передал их правительству, ему никто не поверил. Не поверили и второму курьеру Ротшильдов, который прибыл из Гента³⁵. Однако, независимо от того, насколько рано Натан все узнал, известие об исходе сражения при Ватерлоо, с его точки зрения, можно было назвать каким угодно, только не хорошим. Он не ожидал так скоро услышать ничего решающего; всего за пять дней до сражения он по поручению правительства Великобритании разместил новый заем на миллион фунтов в Амстердаме. В то время когда его курьер приближался к Лондону, он организовывал выплату субсидий Бадену. Победа англичан при Ватерлоо означала, что ему придется до срока завершить свои финансовые операции от имени антифранцузской коалиции, что было для него крайне некстати. Ведь братья занимались не только скупкой значительного количества дешевого золота. У них скопилось на миллион с лишним фунтов казначейских билетов, которые необходимо было продать в Амстердаме, не говоря уже о множестве неоконченных контрактов на выплату субсидий, которые должны были прекратиться в тот миг, как подпишут мирный договор. Когда Нью-Корта достигли сообщения, подтверждающие, что конец войны близок, Натан, скорее всего, думал не об огромных прибылях, как гласит легенда, а, наоборот, о растущих убытках. Джон Роуорт, агент Ротшильда в рядах британской армии, описывал изнурительный пеший переход из Монса в Женап: днем он шел «в облаке пыли, под палящим солнцем», а по ночам спал «под пушечным жерлом, на земле». Но когда он наконец догнал главнокомандующего Веллингтона, Данмора, ему вернули ненужные прусские монеты стоимостью в 230 тысяч ф. ст.

Хотя Натан велел братьям по-прежнему доставлять золото в военное казначейство Веллингтона, операция утратила актуальность. Ближе к концу июля «встревоженный» Карл приостановил выплаты военному казначейству. Через два месяца оказалось – у Джеймса так мало наличных, что ему пришлось поступить так же. Амшель во Франкфурте, наоборот, «купался» в деньгах, которые никому не были нужны. Как признавал Карл, «теперь нам не нужны деньги для армии, ибо у армии их достаточно». К концу года Джеймс, пытаясь вернуть хотя бы часть денег, вынужден был предложить Драммонду разместить деньги в Париже, однако его предложение сухо отвергли. Еще большие трудности возникли в Амстердаме, где Карл не сумел продать британские казначейские векселя со сравнительно скромной скидкой, согласованной Натаном и Херрисом. Более того, внезапное наступление мира настолько расшатало амстердамский рынок, что такие долгосрочные векселя вообще почти никак не удавалось продать. Последнее обстоятельство стало поводом для новых раздраженных упреков, какими обмени-

вались братья³⁶. Разгром Франции, кроме того, губительно повлиял на операции с субсидиями. В Берлине застопорились переговоры Джеймса с прусским правительством после того, как на волне победы при Ватерлоо фунт резко вырос. Другие немецкие княжества тут же потребовали выплачивать им субсидии по более выгодному для них обменному курсу. В дополнение к таким неприятностям братья получили весть о семейной трагедии: смерти их сестры Юлии в возрасте 35 лет. «Дух мой в подавленном состоянии, – признавался Натан Карлу через две недели после Ватерлоо, – и я никак не могу заниматься делами так, как мне бы хотелось. Грустное сообщение о смерти сестры всецело заняло мой разум, и потому сегодня я... почти не уделял внимания делам». Последствия победы при Ватерлоо оказались совсем невыгодными для Ротшильдов; наоборот, у них наступил острый кризис.

В Лондоне Натан отчаянно старался свести ущерб к минимуму; и именно в этом контексте следует рассматривать покупку компанией британских ценных бумаг. 20 июля в вечернем выпуске лондонского «Курьера» сообщалось, что Натан произвел «крупные закупки ценных бумаг». Через неделю Роуорт услышал, что Натан «неплохо преуспел благодаря рано поступившим сведениям о победе, одержанной при Ватерлоо», и просил принять участие во всех дальнейших покупках государственных ценных бумаг, «если, по вашему мнению, они принесут выгоду». Это как будто подтверждает точку зрения, что Натан в самом деле купил консоли благодаря тому, что раньше других узнал об исходе сражения. Однако прибыль, полученная таким способом, не могла быть очень велика. Как в конце концов продемонстрировал Виктор Ротшильд, рост консолей из самой нижней точки (53) начался всего за неделю до Ватерлоо, и даже если Натан 20 июня, когда консоли шли по 56,5, купил их на максимально возможную сумму, 20 тысяч ф. ст., а продал их через неделю, когда они шли по 60,5, его прибыль едва ли превосходила 7 тысяч фунтов. То же самое можно сказать об акциях «Омниум», еще одной форме государственных облигаций, которые после известия о победе выросли на 8 %. Более того, судя по переписке братьев, такие покупки в больших масштабах начались позже, перед подписанием Парижского мирного договора. Судя по необычно тревожному письму Натана, даже такие закупки были изматывающими нервы спекуляциями, поскольку приходилось рассчитывать, что на сей раз французы не станут сопротивляться условиям мира: «Все идет хорошо, так что помоги мне, Господи, [даже] лучше, чем ты можешь себе представить. Я вполне доволен. Я поехал к Херрису, и после встречи с ним мне... полегчало. Он клянется, что все идет хорошо. Я купил акции по 61^{1/8} и 61^{1/2}, и Херрис клянется... что все идет хорошо, с Божьей помощью... Настроение у всех нас улучшилось. Надеюсь, такое же действие мое письмо окажет и на тебя».

Если верить Соломону, Натан также купил примерно на 450 тысяч фунтов облигаций «Омниум» по 107; если бы он последовал совету брата и продал по 120, его прибыль достигла бы 58 тысяч ф. ст. Но такая сумма, очевидно, не казалась ему значительной; вначале он с трудом купил небольшое количество облигаций и решил их придержать, надеясь на рост цен в новом году. Более того, возможно, только в конце 1816 г. Натан произвел свою самую успешную на тот период спекуляцию с ценными бумагами: покупку на 650 тысяч ф. ст. по среднему курсу 62. Большинство приобретенного он продал в ноябре 1817 г. по 82,75, получив 130 тысяч ф. ст. прибыли. Впрочем, прибыль принадлежала не ему, поскольку первоначальные инвестиции, по предложению Херриса, были сделаны государственными облигациями.

Вторым и более важным способом возместить часть потерь, вызванных Ватерлоо, было пролонгирование, насколько возможно, выплат британским союзникам. В этой области у Ротшильдов нашлись бесценные сообщники в самих союзных государствах, которые, естественно, хотели прикарманить как можно больше до того, как подпишут мирный договор и выплаты субсидий прекратятся.

В октябре представитель Пруссии Йордан частным образом признался, что континентальные страны намеренно затягивают переговоры, чтобы получить субсидию еще за месяц; с помощью «подарка» в виде британских государственных облигаций на 1100 ф. ст. Ротшиль-

дам удалось взять выплаты на себя. Как и прежде, покладистость демонстрировал Жерве, представитель России, – он получил щедрый куш (2 % от суммы выплат) за то, что порекомендовал Ротшильдов для проведения операции. «Главное, – сообщал Джеймс из Парижа, – что Жерве, слава Богу, сделали главным комиссаром всего. Вчера он сказал мне: «Ротшильд, мы должны получить прибыль!» Правительство Австрии, которое раньше проявляло осторожность, также (отчасти благодаря лоббированию Лимбургера) доверило часть выплат Ротшильдам. Как заметил Карл, «с австрияками нелегко вести дела... но после того, как завоюешь их доверие, на них можно положиться». С другой стороны, из-за роста конкуренции на континенте сокращались комиссионные, которые можно было брать с таких операций. Труднее стало и получать побочные прибыли от арбитражных сделок. Некоторые правительства – например, Саксен-Веймара – стремились ни в коем случае «не попасть всецело в руки г-на Ротшильда, который, в конце концов, еврей». Братья неоднократно ссылались на скудость прибыли (часто составлявшей всего 1 %), которую они получали в тот период, и кажется сомнительным, чтобы различные крошечные немецкие княжества, которым Амшель переводил выплаты – в том числе Франкфурт, а также Саксен-Кобург и Кобург-Саарфельд, – стоили того «жестокое разочарования», на которое он жаловался. Соломон и Амшель были настроены философски. «Нельзя каждый день зарабатывать миллионы, – писал первый, узнав о том, что переговоры с Пруссией затягиваются. – Ничего на этом свете невозможно добиться силой. Делай, что можешь; большего ты сделать не в состоянии». Весь мир не мог «принадлежать Ротшильду». «Здесь дела обстоят совсем не так, как в Англии, где каждую неделю проводятся миллионные операции. Для немца 100 тысяч гульденов – большая сумма». Едва ли такой фатализм понравился его брату в Лондоне.

Иными словами, лето 1815 г. можно назвать каким угодно, только не временем чистого успеха для Ротшильдов. Судя по договору, составленному в марте того же года, коллективные активы братьев существенно выросли после составления последнего балансового отчета в 1810 г. Но не менее $\frac{2}{3}$ суммарного капитала в 1815 г. было доверено Натану, который не фигурировал в договоре 1810 г. Если рассматривать только доли четырех его братьев, можно подумать, что их капитал в континентальной Европе даже уменьшился. Более того, договор составлялся до кризиса Ста дней и потому может считаться доказательством более раннего успеха (в первую очередь, как кажется, имевшего отношение к крайне выгодным операциям с Херрисом в 1814 г.). Правда, к лету 1816 г., по оценкам братьев, их совместный капитал вырос до 900 тысяч – 1 млн ф. ст., то есть за период между мартом 1815 и июлем 1816 г. их капитал удвоился. Учитывая, что в июне 1818 г. по, их расчетам, капитал составлял 1 772 000 ф. ст. (рост на $\frac{2}{3}$ за два года), темпы роста были велики. Но есть все основания сомневаться в том, что наиболее резкий скачок произошел непосредственно после Ватерлоо.

Трудно точно сказать, как Ротшильды действовали в тот период, потому что они и сами понятия об этом не имели. События, предшествовавшие возвращению Наполеона с Эльбы, были настолько сумбурными и так громаден был оборот различных их трансфертных операций в 1814 и 1815 гг., что их уже рудиментарные методы ведения подсчетов оказались совершенно неадекватными.

Впервые проблема учета возникла в июне 1814 г., когда Карл отчаянно искал деньги для одной особенно крупной выплаты союзникам. Единственный способ получить их, жаловался он, заключался в «мошенничестве» (выпуске «дружеских векселей», то есть векселей, не связанных к «реальным» покупкам товаров). Когда Джеймс пожаловался на это, Карл указал, что «вести книги» – не его обязанность. На том этапе главным бухгалтером в семье считался Соломон – тот, кто всегда мог подбодрить отца, сделав его «на бумаге... богатым за минуту». Но даже он признавался, что уже не в состоянии отслеживать огромные вложения, которые делал Натан от имени всех братьев. К августу 1814 г. они с Амшелем вынуждены были при-

знать, что они «совершенно запутались и не знают, где деньги». «Вместе мы богатые, и если учитывать нас впятером, мы довольно много стоим, – встревоженно писал Соломон Натану. – Но где деньги?» Натан довольно желчно ответил, что «следует вести учет, как [Карлу] нужно соблюдать деловой этикет».

То же самое повторилось в сентябре 1815 г., когда братья на континенте столкнулись с острым дефицитом наличных денег. «Но, милый Натан, – писал Соломон, – у тебя там, должно быть, огромное количество денег, потому что я здесь кругом в долгу, и у Амшеля осталось немного. Все должно быть там, у тебя, однако ты пишешь, что ты тоже в долгу. Где же наши запасы [наличных]?» Подсчитав, что он только в Париже задолжал целых 120 тысяч ф. ст., через несколько дней он повторил вопрос: «Должно быть, все наши деньги у тебя. Мы здесь ужасно бедны. У нас нет ни одного лишнего гроша. У Амшеля осталось меньше миллиона, и потому остальное должно быть у тебя, в том числе и то, что мы должны... Выясни, где семейные деньги, милый Натан. Я не знаю... Где наши деньги? Это просто нелепо! С Божьей помощью, они найдутся, когда мы произведем весеннюю чистку!»

Когда Натан в ответном письме предположил, что именно Амшель у них «главный богач», состояние братьев было близким к панике.

Трудность заключалась в том, что Амшелю в скором времени предстояло произвести выплаты в Берлине и других местах, а у него практически не было на руках наличных денег, в то время как средства Карла были почти полностью вложены в казначейские векселя Великобритании в Амстердаме. И в Париже положение было тревожно суровым. «Эта вечная задолженность – не очень приятное дело», – жаловался Джеймс. «Мы должны выплатить много, очень много, – вторил ему Соломон. – Милый Натан, ты пишешь, что у тебя там один или два миллиона. Так и должно быть, потому что наш брат Амшель разорен. Мы разорены. Карл разорен. Так что хотя бы у одного из нас должны быть деньги». На самом деле континентальные Ротшильды в то время избегали «банкротства», делая краткосрочные займы и пуская в оборот безденежные, «дружеские» векселя. Неудивительно, что в своих затруднениях они обвиняли Натана. Повторяя более ранние нападки отца, Соломон с горечью обвинял брата в бесхозяйственности: «Мы полагаемся на чудеса и удачу, и я еще раз повторяю, что ты не ведешь записи достаточно четко. Во имя Господа, такие важные операции необходимо проводить со всей точностью. К сожалению, в том, как ты ими занимаешься, нет никакого порядка». Слишком много учета производилось не на бумаге, а «в голове». Приходится ли удивляться, что австрийское правительство боялось, что Ротшильды могут «обанкротиться»?

Натан старался успокоить братьев, уверяя, что им нечего бояться. Но Амшель продолжал тосковать по осязаемому доказательству семейного богатства. «Ты утверждаешь, что мне не нужно спрашивать, где на самом деле находятся деньги, – писал он Натану. – В этом отношении я похож на маленького Ансельма [сына Соломона, которому тогда было 13 лет], который всегда интересуется, где деньги. «Говорят, что у моего отца пять миллионов, – говорит он. Он хотел бы увидеть их все в одной куче». Так миллионеры они, интересовался он, или банкроты? От неуверенности у него начались проблемы со здоровьем: «Должен признаться, что с Суккота [октябрь 1815] я плохо себя чувствую и больше не могу этого выносить. Если хочешь, чтобы твой брат пребывал в добром здравии, ты должен постараться и уменьшить его тревогу из-за денег. Я пожертвовал своим здоровьем. Я должен все воспринимать легче... я потерял свое чутье к спекуляции». Он жаловался, что они «живут, как пьяницы»: «Мы не знаем, должны мы деньги английскому правительству или нет».

В довершение всего тот период хаоса совпал с нападками на Херриса в палате общин; его обвиняли в «бесхозяйственности». Поэтому Херрис требовал от Натана подробных отчетов о состоянии их дел. Разумеется, самые яростные нападки исходили от его главного критика в парламенте, Александра Бэринга. Конечно, требования Херриса не были лишены оснований. При расчетах по крайней мере с одним государством (Российской империей) Ротшильды

вытребовали дополнительные комиссионные и платили взятки, о которых Херрису не было известно. Вдобавок на ранних этапах выплат союзникам они много играли на разнице в обменных курсах. Итак, Херрис требовал показать бухгалтерские книги, которые и без того велись без особого порядка. Скорее всего, именно поэтому Натан несколько месяцев увиливал от ответа, хотя «очень требовательный» Херрис постоянно просил показать расчеты. Как выразился Соломон, даже если придется удерживать клерков в парижской конторе до полуночи, самое важное – не повредить репутации Ротшильдов в Лондоне, «так как Англия – наша главная житница». Натан так боялся скандала, что в письме Амшелю в начале 1816 г. он советовал брату не покупать новый дом во Франкфурте: «Я спросил Херриса, и он довольно сухо ответил, что я не должен увлекаться предметами роскоши, потому что сразу же появятся документы, свидетельствующие против меня, и здешние чиновники начнут расспросы... Послушай моего совета и совета Херриса... не покупай дом, подожди, пока я не улажу счета».

Херрис уже получал тревожные сообщения от Драммонда из Парижа о «фиктивной операции», которая, как убеждал его Джеймс, была необходима, чтобы избежать скачков обменного курса. «С одной стороны, по-моему, это вполне справедливо, – нервно замечал Драммонд, – но, с другой стороны, в вопросах учета, которые встанут перед аудиторами, ничего не следует так избегать, как фикции, к которой всегда относятся с подозрением... Не будет ли справедливым общим предписанием ко всем бухгалтерам *запретить всякую фикцию?*» Однако Драммонд не знал истинных размеров «фикции». В марте 1816 г., когда Джеймса навещал его коллега Данмор, последний признавался: «Сердце мое ужасно колотилось, так как я боялся, что он может отдать мне приказ послать его деньги в армию». На самом деле у Джеймса в наличии имелось не более 700 тысяч франков, гораздо меньше, чем та сумма, которую по закону мог потребовать Данмор.

В конце концов ни один из братьев не справился со счетами. Кое-как воссоздавать фантастические операции предыдущего года пришлось Бенджамину Давидсону. Ему же вменялось в обязанность по возможности скрыть тогдашние многочисленные нарушения.

Трудности, с которыми он столкнулся, были обескураживающими. Во-первых, ни один из братьев тогда еще не принял системы двойной бухгалтерии. Как выразился Амшель, берлинский банкир Мендельсон «знает, как обстоят дела с каждым [его общим счетом], в то время как мы в доме Ротшильдов вынуждены полагаться на то, что говорят счетоводы. Гассер говорит мне: «Мы получили неплохую прибыль на прусских операциях» – и я вынужден ему верить». Его слова весьма красноречивы: в конце концов, двойная бухгалтерия впервые описана венецианцем Лукой Пачоли в 1494 г., а к концу XVI в. получила широкое распространение в большинстве европейских стран. То, что Ротшильды не спешили внедрять эту систему, предполагает, что капитализм на франкфуртской Юденгассе был в техническом смысле довольно отсталым (хотя одновременно это предполагает, что гении бизнеса могут обходиться без бухгалтеров – какое-то время). Во-вторых, в записях имелись существенные пробелы, отражавшие привычную скрытность, которая развилась во Франкфурте и повсеместно в период французской оккупации. В-третьих, непонятно было, как скрыть огромные прибыли, полученные на колебаниях обменного курса без ведома Херриса. Наконец, что хуже всего, существовали «фиктивные» «дружеские векселя», выпущенные на сумму, превышавшую 2 млн ф. ст. Как сухо заметил Давидсон, «кому-то надо было заранее подумать о том... что однажды Херрису захочется взглянуть на эти счета».

К счастью, Давидсону удалось вывести цифры, которые доказывали, что главным бенефициаром при выплатах субсидий стало правительство, а не Ротшильды. В конце концов лорд Ливерпул и его коллеги приняли соломоново решение: «Даже сто банковских домов не сумели бы провести операции такого объема за девять месяцев и принести прибыль правительству». В октябре 1816 г., когда должность комиссара была отменена, Херриса с почетом отправили в отставку, назначив ему пенсию, а запрос палаты общин, в котором требовали не назначать его

ревизором, оплачиваемым из бюджетных средств, был отклонен. Тем не менее в январе 1818 г. Соломон еще высказывал опасения в связи со счетами: «Мы еще не оправдались перед правительством... Пока правительство приостановило вопрос рассмотрения счетов с Херрисом, мы еще не оправдались. Мы богаты или бедны? Насколько я понимаю, мелкий служащий более доволен тем малым, что у него есть, чем мы – тем количеством, которое есть у нас. Почему? Потому что у него на шее не висят запутанные расчеты с правительством...»

Итак, логично прийти к выводу, что огромные прибыли 1814 и 1815 гг. были получены куда более таинственными – и рискованными – способами, чем подразумевает традиционный миф о Ватерлоо.

Братские отношения

Представление о братских отношениях считалось в Европе XIX в. очень важным. Масоны, либералы, а позже социалисты идеализировали братские отношения, создавая удивительное множество ассоциаций и обществ, которые призваны были скреплять искусственные братские узы за пределами узкого семейного круга. Конечно, ничего нового в таком подходе не было. Тем же самым на протяжении веков занимались религиозные монашеские ордена. Но слова «*Alle Menschen werden Brüder*» («Все люди станут братьями») из «Оды к радости», написанной Шиллером и положенной на музыку Бетховеном, несли в себе тонко завуалированное революционное значение. Если вспомнить самый известный лозунг Великой французской революции, представление, что все люди становятся братьями, было столь же радикальным, сколь и мечта о том, что все люди будут свободными и равными.

Современники часто делали вывод о том, что необычайный успех Ротшильдов служит примером таких идеальных братских отношений. Чем-то исключительным было не само по себе количество братьев или сестер (у Майера Амшеля и Гутле было пять сыновей и пять дочерей). У Фрэнсиса Бэринга также было пять сыновей. Более того, уже в 1870-х гг. почти пятая часть (18 %) всех замужних женщин в Великобритании растили по десять и более выживших детей, а более чем у половины было шестеро или более детей; в Германии статистические данные такие же. Больше всего современников поражало, что братья Ротшильд работали вместе как будто в полном согласии. Эту особенность подчеркивал Фридрих Генц в своей статье для «Энциклопедии» Брокгауза, сильно повлиявшей на общественное мнение: «С величайшей добросовестностью братья повиновались проникновенному завету отца, данному на смертном одре, поддерживать нерушимое единство [интересов]... После его смерти любое предложение, откуда бы оно ни исходило, служит предметом коллективного обсуждения; всякая операция, даже самая незначительная, проводится по согласованному плану и объединенными усилиями; и каждый получает равную долю от ее результатов».

Симон Мориц фон Бетман, франкфуртский конкурент Ротшильдов, подхватывал: «Согласие между братьями вносит большой вклад в их успех. Ни один из них не помышляет в чем-то обвинять другого. Ни один из них не критикует враждебно операции другого даже в том случае, когда результат не оправдывает их ожиданий». «Ротшильды столько же обязаны своим процветанием единству, – замечал позже Бенджамин Дизраэли, – которое свойственно всем ветвям этой многочисленной семьи, как и своему капиталу и способностям. Они похожи на арабское племя». Вскоре такое мнение вылилось в миф о «пяти франкфуртцах». Как писал в 1830-е гг. один немецкий литератор, «эти пять братьев вместе образовали несокрушимую фалангу... и, верные своему принципу никогда ничего не предпринимать по отдельности и согласовывать все операции между собой, всегда следовали ему и преследовали ту же цель».

Подобные замечания казались бы бесполезными, если бы братская гармония была нормой; однако парадокс в том, что, в отличие от идеализированных поэтами братств, настоящие братья редко хорошо работали вместе. И евреям, и христианам известна история Иосифа и

его братьев, одна из лучших библейских историй о братской расправе: ненависть Гада и Асира к их сводному брату, не по летам развитому любимцу Иосифу; пылкая привязанность Иосифа к своему младшему брату Вениамину; двойственные чувства Рувима, перворожденного; ненависть – и примирение в конце. Отношения между братьями Хоуп и братьями Бэринг были не такими бурными, однако они не сумели преодолеть личные разногласия во имя братского единства. Поскольку братья Ротшильд обошли их с финансовой точки зрения, было решено, что они воплотили неуловимый идеал.

В действительности очень трудно было сохранять братскую любовь в хаотических условиях 1814 и 1815 гг. После того как их средства истощились в результате многочисленных крупных и рискованных операций, личные отношения между Ротшильдами часто портились – иногда дело доходило почти до полного разрыва. Главной причиной для таких разногласий, несомненно, служила все возрастающая властность Натана по отношению к своим деловым партнерам. Технически, по договору 1815 г., братья были равноправны: прибыль делилась в равных долях, и Натан выдал каждому из братьев долговую расписку на 50 тысяч ф. ст. в компенсацию за свою гораздо большую долю капитала. Но, как в то время замечали Соломон и другие, сочетание вспыльчивости Натана и все большей англоцентричности операций компании в конечном счете превращало остальных братьев в простых агентов. Натан, как только наполовину в шутку заметил Соломон, был «главнокомандующим», а остальные – его «маршалами», в то время как суммы «собственных фондов», которыми им приходилось распоряжаться, были «солдатами», которых необходимо было «держат в состоянии боевой готовности». Довольно показательно подразумевавшееся сравнение с самим Наполеоном, против которого в конечном счете были направлены все их финансовые операции. Кстати, такое сравнение делали не только родные братья Натана. Как говорил Суинтон Холланд своему компаньону Александру Бэрингу в 1824 г.: «Должен откровенно признаться, что у меня не хватило бы духу для его операций. Они в целом хорошо спланированы, осуществляются с большим умом и искусством – однако в сфере денег и финансовых средств он то же, чем Бонапарт был на войне, и если наступит неожиданное потрясение, он рухнет на землю, как и тот, первый». Для Людвиг Бёрне и Натан, и его братья были «финансовыми Бонапартами». В 1870-е гг. литераторы по-прежнему проводили такие сравнения. Но на самом деле именно Натан стал Бонапартом финансового мира; с императором Франции его роднили и сверхчеловеческая жажда риска, и нетерпимость к неспособным подчиненным.

В 1811 г. – еще до смерти отца – остальные братья начали жаловаться на иногда нетерпимый тон писем Натана. Но лишь начиная с середины 1814 г. он стал по-настоящему доминирующим партнером – чтобы не сказать деспотом. Главным поводом для ссор стало его стремление указывать братьям, что делать. В июне 1814 г. он приказал Соломону ехать в Амстердам, чтобы помочь Джеймсу, и воспользовался случаем, чтобы обругать братьев, оставшихся во Франкфурте: «Знаешь, Амшель и Карл меня ужасно огорчают. Ты и понятия не имеешь, как по-идиотски они пишут, и они тянут из меня как сумасшедшие... Они пишут мне такие глупости, что сегодня я очень зол. Амшель пишет Джеймсу, как будто может вести дела самостоятельно». Очевидно, письмо задело нужную струну, и призыв Давидсона к Натану воздержаться от «пренебрежительной переписки» последовал слишком поздно. Расстроенный Карл слег, предупредив Натана, что, если «он будет продолжать в том же духе», вскоре «один из его партнеров окажется на том свете», так тяжело подействовали на него письма. Соломон тоже жаловался на «страшные боли в спине и ногах», однако интонация его письма была более сердитой: «Я ни на миг не поверю, что, даже будь я ученым Натаном Ротшильдом, я мог бы обращаться с другими четырьмя братьями как с глупыми школьниками и только себя считал умным... Не хочу больше огорчаться и болеть больше, чем я болею и без того. Выражаясь прямо, мы не пьяницы и не дураки. У нас даже есть нечто такое, чего, видимо, нет у тебя в Лондоне, – мы аккуратно ведем наши книги... Будь мои слезы черными, я писал бы куда легче,

чем чернилами... День, когда из Англии приходит почта, повергает меня в ужас. Эти письма снятся мне каждую ночь... Так не пишут своим родным, своим братьям, своим партнерам».

Однако на все возражения братьев Натан просто угрожал прекратить все дела: «Должен признать, что я сыт по горло запутанными делами и их неприятными последствиями... И отныне, начиная с сегодняшнего дня... думаю, что будет лучше, если Соломон закроет все парижские счета и приедет в Лондон. А Давид[сон] может захватить с собой амстердамские счета. Затем мы сверим книги. Ожидаю отчет и из Франкфурта... потому что сыт компанией по горло... Знаю, что все вы люди умные, и теперь все пятеро из нас получают, благодарение Богу, покой».

Его слова возымели желаемое действие: Натан отдавал приказы, на которые более или менее не следовало возражений, как признавался Соломон в письме Соломону Коэну в августе 1814 г.: «Мой брат в Лондоне – главнокомандующий, я его фельдмаршал, и, следовательно, я обязан по мере возможностей исполнять свой долг и... вынужден отчитываться перед своим главнокомандующим, выслушивать его замечания и т. д. Возможно, я слегка утрирую, чтобы показать ему, насколько серьезны мои слова, и все же будет преувеличением заметить, что я теряю голову... Будучи хорошим командующим, ты должен точно знать все, что положено знать командующему, а не думать постоянно об одних наступлениях, но тебе следует время от времени переходить к обороне, чтобы сохранить силы».

Судя по этому письму, Соломон по-прежнему беспокоился, что Натан принимает все слишком близко к сердцу, но теперь он явно видит себя в подчиненной роли, в роли советника: «Мы относимся к тебе как к главнокомандующему, а мы – твои генерал-лейтенанты. Возможно, Господь дарует нам удачу, благословение и успех. В этом случае мы останемся генералами. Те же, кто, не дай бог, не имеют ни покоя, ни удачи, даже не капралы». Карл также признавал главенство Натана, хотя прибегал к слегка другому сравнению: «Я только последнее колесо [в карете] и считаю себя лишь деталью механизма». Они с Соломоном, возможно, не питали особой любви к Амстердаму, но оставались там, поскольку так велел Натан. Даже просьбы Соломона отпустить его во Франкфурт – где он за предыдущие три года провел всего три недели, – чтобы повидаться с женой или присутствовать на бар-мицве сына, очевидно, считались Натаном неразумными; вторая просьба встретила согласие только на том условии, что Соломон вернется в Париж на следующий день, а за время пребывания во Франкфурте займется тамошними счетами. У Натана была только одна забота: дело. «Все, что ты пишешь, – устало жаловался Соломон, – оплати это, оплати то, пошли это, пошли то».

«С 1811 г... я ездил туда, куда призывали меня дела. Если бы я сегодня был нужен в Сибири, я бы... поехал в Сибирь... Прошу, окажи мне услугу и воздержись от дальнейших раздраженных писем. Ночуешь на постоялом дворе, часто при свечах, и ждешь писем от братьев. Вместо того чтобы ложиться спать в хорошем настроении, ты подавлен и мучаешься бессонницей. Какие радости нам остались? Все мы уже в годах, удовольствия юности вне пределов досягаемости; к сожалению, нам пришлось сказать им... «спокойной ночи»; желудки у нас больные, так что и обжорство уже не для нас. Следовательно, для нас заказаны почти все мирские радости. Неужели нам отказаться и от радости переписки?»

Но Натан упивался своим аскетическим материализмом: «Пишу тебе, излагая свое мнение, так как писать тебе – мой долг, будь он проклят... Я перечитываю твои письма не единожды, а, наверное, сотню раз. Да ты и сам без труда все себе представляешь. После ужина мне обычно нечем заняться. Я не читаю книг, не играю в карты, не хожу по театрам, моя единственная радость – мое дело, и в этом смысле я читаю письма Амшеля, Соломона, Джеймса и Карла... Что касается письма Карла [о покупке большого дома]... все это полная ерунда, ибо, пока дела у нас идут хорошо и мы богаты, все готовы льстить нам, а те, кому не нужны наши деньги, нам завидуют. Наш Соломон слишком хорош и покладист ко всему и всем, и

если какой-нибудь паразит нашептывает что-нибудь ему на ухо, он думает, что все люди благородны; истина же в том, что все преследуют собственные интересы»³⁷.

Частным образом даже Генц признавал Натана первым среди равных. Именно он обладал «замечательным чутьем, которое всегда позволяет им всем выбирать то, что нужно, а из двух хороших выбирать наилучшее»: «Самый глубокий довод Бэринга не так способен вдохновить меня... как веское суждение одного из более умных Ротшильдов – ибо среди пяти братьев есть один, чей ум оставляет желать лучшего, и другой, чей ум слаб, – и если Бэринг и Хоуп когда-нибудь допустят ошибку, могу с уверенностью утверждать: это произойдет потому, что они сочтут себя умнее Ротшильда и не последуют его совету».

Очень показательно, что в последней фразе указан «Ротшильд» в единственном числе. Настоящий «финансовый Бонапарт» был только один.

Вероятно, Генц имел в виду Амшеля и Карла, когда писал об «одном, чей ум оставляет желать лучшего, и другом, чей ум слаб». Такое суждение было несправедливо: точнее сказать, Амшель и Карл менее склонны были рисковать, чем их братья. Амшель был самым осторожным из пяти и постоянно мечтал вести «тихую жизнь». «Я не стремлюсь сожрать весь мир», – писал он в характерном для него грубоватом стиле. Его идеалом была «безмятежная работа», без тех тревог, какие обычно вызывали наполеоновские планы Натана. Карл, четвертый брат, отличался нервозностью и неуверенностью; он, как и Амшель, не был чрезмерно честолюбив. «Я сыт по горло делами, – признавался он старшему брату в типичном для него письме. – Желал бы, чтобы Бог дал мне самую малость, достаточную для жизни, одежду для себя и хлеб насущный. Я не хочу парить в небесах». Это чувство, несомненно, усилилось во время фиаско с амстердамскими казначейскими векселями, навлекшими на него бурю обвинений. После того случая, как писал Соломон, Карл по-настоящему «боялся» Натана, хотя по-прежнему способен был отпускать критические замечания за спиной «босса». Мы уже имели случай убедиться в том, что Соломон обладал и необходимым интеллектом, и самоуверенностью, чтобы усомниться в стратегии Натана; но он был слишком «тихим и задумчивым» и «принимал все слишком близко к сердцу» – по мнению старших служащих Ротшильдов вроде Давидсона и Брауна, – чтобы противостоять воинственности брата. Когда возникала необходимость, Соломон предпочитал занимать сторону Натана против остальных.

Впрочем, главенство Натана никогда не было абсолютным: партнерство не выродилось в диктатуру. На то имелось несколько причин. Во-первых, самый младший брат Натана, Джеймс – которому в 1815 г. исполнилось всего 23 года, – подчеркнуто не желал подчиняться его воле, он проявлял гораздо больше строптивости, чем остальные три брата. Во время одной особенно тяжелой ссоры в июне 1814 г. Джеймс сохранял хладнокровие и язвительно писал Соломону Коэну, что тот позволяет Натану «диктовать, как обойтись с миллионами, как будто это яблоки и груши». Хотя временами Джеймс и собирался покинуть Париж, маловероятно, что он оставался там только потому, что так приказал ему Натан. Самый младший из пяти братьев был ровней Натану и по темпераменту, и по уму; кроме того, Джеймс обладал преимуществом лучшего образования. Показательно, что именно Джеймс побуждал братьев принять систему двойной бухгалтерии. На самом деле только разница в возрасте обязывала Джеймса в течение двадцати последующих лет уступать брату. Даже признавая главенство Натана, Джеймс держался с ним отнюдь не почтительно. «Главное сейчас – выработать разумный план для Англии, – писал он Натану в марте 1818 г. – И заняться этим придется тебе... Решение я оставляю тебе. Мой долг – главным образом привлекать твое внимание к этому вопросу, а твой долг как главнокомандующего – продумывать решения». Уже в декабре 1816 г. у Карла появился повод жаловаться на нападки Джеймса, который в письмах утверждал, что франкфуртское отделение не приносит достаточно денег. Джеймс проявлял те же черты, что и Натан. Поэтому менее воинственным братьям время от времени приходилось обуздывать Натана, а позже

Джеймса. После одной из самых серьезных неудач в послевоенный период Амшель писал Джеймсу: «Никогда нельзя терять голову. Вот в чем заключается преимущество партнерства. Если один из партнеров выходит из себя, остальные обязаны сохранять спокойствие. Если головы теряют все – тогда спокойной ночи. Надеюсь, что [мое письмо застанет тебя] успокоившимся и что ты поблаговаришь Господа за то, что мы нажили состояние быстрее, чем кто-либо другой».

В самом деле, не раз бывало, что Натан охотно откладывал решение трудного вопроса, заявляя, что ему нужно посоветоваться с братьями. Временами это была просто уловка; но иногда он в самом деле прислушивался к их мнению.

Наконец, как бы они ни ссорились, у братьев не было никого, кому они могли бы так всецело доверять. Известно, что в одном случае, когда Натан забыл жирировать векселя, Соломон подделал его подпись; невозможно представить, чтобы кто-нибудь другой мог так поступить. Даже лучшие клерки держались в шаге позади: когда один из них, по фамилии Фейдель, начал приобретать излишнее влияние на Амшеля, реакцию Карла нельзя назвать иначе как ревностью. И не к таким близким родственникам, особенно зятям – мужьям сестер или братьям жен, – всегда относились с долей подозрения, как к чужакам, которые хотят вторгнуться в их общество. Джеймс особенно беспокоился, что Натан слишком доверяет родственникам своей жены, Соломону Коэну и Абрахаму Монтефиоре (брату Мозеса), и испытал облегчение, когда узнал, что это не так: «В редких случаях человеку необходимо понимать, что даже то, что говорят ему друзья, – не что иное, как лесть, в которой нет ни единого правдивого слова; уходя от тебя, они смеются над твоей доверчивостью. Что ж, дорогой Натан... ты умен и честен, ты знаешь свет... До того, как пришло твое письмо, с моего сердца упал камень, потому что Соломон сказал, что в Лондоне теперь все по-другому, не только [Абрахаму] Монтефиоре и Соломону Коэну больше не позволяют читать и обсуждать письма и все дела, но даже и Давидсону не позволено так поступать. Теперь все подтвердилось в твоём письме».

Точно так же объединились остальные братья, узнав о попытках Карла найти жену в Гамбурге. Всем им было глубоко небезразлично, какую семью выберет Карл. В конце концов, неподдельные узы братской любви были выкованы на Юденгассе, и никакие другие узы не могли с ними сравниться. «Обещал ли кто-нибудь нам больше, когда все мы спали в одной тесной комнатке на чердаке?» – спрашивал Соломон, когда Натан ворчал из-за того, что какие-то консоли продали слишком быстро. Такие воспоминания не забываются, как бы далеко друг от друга ни жили братья и какими бы горькими упреками ни осыпали друг друга в письмах.

Размер – и предел – братского единства проступили наиболее явственно, когда братья спорили о том, менять ли условия договора о партнерстве 1815 г. В результате крупных операций 1814–1815 гг. возник запутанный узел финансовой взаимозависимости, который невозможно было распутать без огромного труда. Возник вопрос, позволить ли Джеймсу основать новое отделение в Париже под недвусмысленно коллективным именем «Братья Ротшильд» (*de Rothschild Freres*). Хотя Джеймс был против слияния счетов различных учреждений, тревожился и Амшель, боясь, что Джеймс может вовлечь его в рискованные операции. Их с Карлом удалось переубедить, только когда Джеймс согласился, что капитал компании не станет достоянием гласности. Братья приняли важное решение, и их скрытность создала стойкий прецедент. Результат стал компромиссом, на достижение которого ушло почти два года. В договоре 1818 г. партнерство братьев определялось как «три совместных торговых учреждения, управляемые под общей взаимной ответственностью названных пяти партнеров», но в то же время «*образующих всего один общий совместный концерн*». Тонкое различие, которое довольно точно излагало способ, каким братья преодолели свои личные разногласия благодаря глубокому и стойкому пониманию общей братской цели.

Глава 4

«Двор всегда на что-то пригодится» (1816–1825)

Ты, конечно, прав в том, что можно многое получить от правительства, у которого нет денег. Но придется идти на риск.

Джеймс Ротшильд – Натану Ротшильду

У Н. М. Ротшильда... есть деньги, сила и власть.

Натан Ротшильд – Кристиану Ротеру

В 1823 г. в Лондоне были опубликованы 12, 13 и 14-я песни «Дон-Жуана» Байрона. В то же время автор принял участие в Греческой войне за независимость – как оказалось, с роковыми для себя последствиями. К тому времени Байрон одинаково славился и вольнодумством, и своей аристократической расточительностью. Тем не менее в поздних произведениях он остро сознавал власть денег – и особенно новый тип финансовой власти, которую олицетворял Натан Ротшильд.

О, золото! Кто возбуждает прессу?
Кто властвует на бирже? Кто царит
На всех великих сеймах и конгрессах?
Кто в Англии политику вершит?
Кто создает надежды, интересы?
Кто радости и горести дарит?
Вы думаете – дух Наполеона?
Нет! Ротшильда и Беринга миллионы!

Эти строки неоднократно цитировались и прежде. Однако имеет смысл прочесть и следующую строфу, так как она тонко иллюстрирует двойственные чувства, с какими современники относились к эффектному финансовому буму начала 1820-х гг. Для Байрона Ротшильд и Бэринг, вместе с «либеральным нашим Лаффитом», были «владыками настоящими вселенной», от которых

...зависит нации кредит,
Паденье тронов, курсов перемены;
Республик биржа тоже не щадит,
Заботятся банкиры несомненно,
Чтобы проценты верные росли
С твоей, Перу, серебряной земли.

Далее Байрон поразительно точно характеризует тот аскетический материализм, который, как мы видели, отличал ранних Ротшильдов. Более того, будет вполне логичным предположить, что размышления поэта об их «классической воздержанности» навеяны самим Натаном:

...Да ведь ей – поэт!
Поклонник высшей и чистейшей страсти,
Прекрасный блеск накопленных монет
Ему дает изысканное счастье;

Его слепит алмазов чистых свет
И кротких изумрудов сладострастье;
И для него, как солнце, горячи
Червонных слитков яркие лучи.

Ему принадлежат материки;
Из Индии, Цейлона и Китая
Плывут его суда; в его мешки
Церера собирает урожай.
Его чуланы, склады, сундуки
Богаче королевских. Презируя
Все плотские восторги, он один
Царит над всем – духовный властелин.

Быть может, он, потомству в назиданье,
Построит школу, церковь, лазарет,
Оставив после смерти в новом зданье
Унылый бюст иль сумрачный портрет?
Быть может, человечества страданья
Он утолить задумает? Но нет!
Он предпочтет богатство целой нации
Держать в руках – и строить махинации³⁸.

Предположение Байрона – пусть даже и сатирическое, – что Натан Ротшильд, вместе с Александром Бэрингом, «вершит политику», требует некоторого разъяснения. Разумеется, Бэринги были широко известны. Подобно Ротшильдам, семья происходила из Германии (Фрэнсис Бэринг эмигрировал из Бремена в 1717 г.); и, подобно Натану, сын Фрэнсиса, Джон, сколотил состояние на текстиле, производя шерсть. Позже, в 1770 г., его сыновья основали торговый банк «Братья Бэринг» (Baring Brothers). Однако Бэринги, будучи лютеранами, без труда влились в общественную элиту Эксетера, а позже Лондона. Младший сын Джона, Фрэнсис, с 1784 г. был членом парламента, с 1779 г. – членом правления Ост-Индской компании, а в 1793 г. ему пожаловали титул баронета. Александр, его сын и преемник в банке, также стал членом парламента в 1806 г. В противоположность им, всего за несколько лет до выхода «Дон-Жуана», роль Ротшильдов в финансировании войны с Наполеоном по-прежнему оставалась в основном тайной, известной лишь представителям политического и финансового «внутренних кругов». Даже имя парижского банкира Жака Лаффита пользовалось куда большей известностью, чем имя Ротшильдов: в 1814–1820 гг. Лаффит был директором Банка Франции, а в период Ста дней, в числе прочих, финансово поддерживал Наполеона. Что же произошло за годы, следовавшие после Ватерлоо? Почему Натан стремительно приобрел такую славу – в том числе дурную, – что про него можно было сказать, что он «в Англии политику вершит», «царит на всех великих сеймах и конгрессах» и «дарит радости и горести»?

Экономические последствия мира

Ответ можно поискать в том, что следует назвать (употребив фразу, бывшую в ходу при сходных обстоятельствах, но на сто лет позднее) экономическими последствиями мира – 2-го Парижского мирного договора 1815 г., навязанного Франции после Ватерлоо. 1-й Парижский мирный договор 1814 г. не подразумевал никаких контрибуций, однако после Ватерлоо победившие участники седьмой антифранцузской коалиции (Великобритания, Россия, Австрия и

Пруссия) были настроены не столь милосердно. Наряду с желанием наказать французов за действия тех, кто вновь сплотился вокруг

Наполеона во время Ста дней, существовала практическая потребность платить войскам, оккупировавшим Северную Францию, – на каком-то этапе их насчитывалось более миллиона. По окончательным условиям мирного договора Франция обязана была выплатить 700 млн франков в пятилетний срок, начиная с марта 1816 г. До уплаты Франция должна была согласиться на оккупацию ее территории армиями союзников в количестве 150 тысяч человек. Расходы на содержание оккупационных войск также возложили на французское казначейство³⁹.

Очевидно, Ротшильды надеялись, что финансовые статьи мирного договора, – подразумевавшие новые, потенциально доходные, международные трансферы, на сей раз не из Лондона, а из Парижа, – предоставят им массу возможностей возместить убытки, которые они понесли во время Ста дней. Сначала у них имелись основания для оптимизма, по крайней мере в том, что касалось отношений со странами-получательницами. Жерве, как обычно, обещал передать Ротшильдам большую часть выплат для России; ожидалось, что и Херрис поручит им большой транш для Великобритании. Однако вскоре стало очевидно, что любые дела, связанные с французскими контрибуциями, придется делить с другими банками, которые спешили бросить вызов монополии Ротшильдов в области международных трансфертных платежей. Лишь вступив в свободные партнерские отношения с банками Мендельсона в Берлине, Бетмана и Гонтарда во Франкфурте, венским банком «Арнштайн и Эскелес» (Arnstein & Eskeles) и гамбургским банком «Пэриш и К°» (Parish & Co.), Соломону и Джеймсу удалось принять участие в начальных выплатах Пруссии и Австрии. Даже британские и русские контрибуции они не могли воспринимать как нечто само собой разумеющееся.

Отчасти трудности возникли из-за упадка влияния. Данмор, представитель Херриса в Париже, был настроен не так «дружелюбно», как сам Херрис, в то время как министр иностранных дел Российской империи граф Нессельроде имел основания благоприятствовать Гонтарду. Ротшильды сочли серьезной неудачей отставку сначала Жерве, а затем и Херриса. Хуже того, другие чиновники, с которыми им пришлось вести переговоры, – Мериан в России и Ротер в Пруссии – отказались брать взятки. Но истинной проблемой стало то, что после заключения мирного договора усилилась конкуренция. Прибыль составляла всего 1,5 % или даже меньше. В связи с этим Джеймс жаловался: «...мы совсем не рады конкуренции, потому что в деле слишком много народу». Соломона особенно раздражали представители Австрии, которые «переходили из одного банка в другой ради лишнего су». В конечном счете они с Джеймсом стали почти фаталистами: «Здесь невозможно проводить крупные, блестящие операции. Но, раз уж мы взялись... возьмем все, что можно, чтобы дело не уплыло к другим». Как они часто повторяли, утешало их только одно: дружеские отношения с правящими дворами, какими бы низкодоходными они ни были, вели к операциям в будущем. Братья никогда не воротили нос от мелких операций и с радостью авансировали мелкие немецкие княжества. Кроме того, они авансом же проводили компенсационные выплаты со стороны России за нанесение ущерба частной собственности русскими войсками.

Однако куда более обескураживающей стала неудача Джеймса получить долю в операции, которая готовилась с другой стороны «контрибуционного уравнения». Уже к концу 1816 г. стало ясно: Франция сможет выплатить контрибуцию и содержать оккупационные войска только посредством крупного займа. Несмотря на попытки урезать потребление и поднять налоги, стране никак не удавалось накопить ежегодный излишек сверх 170 млн франков – не в последнюю очередь из-за несговорчивости крайне жесткой, ультрароялистской палаты депутатов. «Бесподобная палата», как прозвал ее Людовик XVIII, как и большинство народных собраний XIX в., куда избирались в соответствии с принципом имущественного ценза, не горела желанием повышать прямые налоги. Более того, бюджет 1816–1817 гг. показал дефицит свыше 300 млн франков, и финансирования удалось добиться лишь с большим трудом через

краткосрочное кредитование. Более того, рынок столицы Франции сам по себе был слишком слаб, чтобы без посторонней помощи справиться с новыми эмиссиями так необходимых рентных облигаций. Когда пятипроцентные облигации упали до 50, правительству пришлось обращаться за помощью за границу – у него просто не оставалось другого выхода.

Сразу после второго отречения Наполеона перспективы Ротшильдов относительно влияния на французский двор были неплохими. Во-первых, они отвечали за передачу британского займа вернувшемуся королю Франции. Во-вторых, вернулся Дальберг, бывший князь-примас наполеоновского Рейнского союза и великий герцог Франкфурта: он вошел в состав французского временного правительства и стал еще одним оппортунистом (самым знаменитым из которых был Талейран), кому удалось пережить очередную смену власти благодаря своевременному переходу на сторону противника⁴⁰. Однако отставка Талейрана с поста премьер-министра и замена его герцогом Ришелье, судя по всему, ослабила позиции Ротшильдов. Джеймс всячески старался обхаживать секретаря Ришелье, который, видимо, снабжал Ротшильдов ценной информацией о намерениях Франции. Но осенью и зимой, когда возник вопрос о займе, министр финансов Корветто предпочел поручить его Бэрингу и Пьеру-Сезару Лабушере из банка «Хоуп и К^о»⁴¹, которого «сосватал» Габриэль-Жюльен Уврар, еще один выживший осколок империи. В начале 1817 г. заключили договор, по которому, в обмен на комиссию в 2,5 %, Бэринги обязались предоставить французскому правительству первоначальные 297 млн франков в обмен на пятипроцентные рентные бумаги. Из-за того что облигации выпускались в течение нескольких месяцев тремя сериями и котиrowались по 52,5, 55,5 и 61,5, это означало, что французское правительство повышало свой национальный долг примерно на 534 млн франков ради суммы, составлявшей менее 300 млн франков наличными, – иными словами, оно платило проценты по фактической ставке около 9 %, почти вдвое больше номинальной процентной ставки на свои рентные бумаги. Вопреки позднейшей мифологии, Ротшильдов почти вытеснили из этой замечательной операции, «чтобы предотвратить, – по словам Бэринга, – гонку на биржах, которая окончится обесцениванием».

Джеймс получил тяжелый удар; он потратил много сил на разработку собственных планов займа и вплоть до последней минуты верил, что ему, по крайней мере, позволят войти в какой-нибудь консорциум. «Подавленный» и злой, он поносил Бэринга за двуличие, утверждая, что его конкурент подкупил французские власти, преувеличив неплатежеспособность Франции и получив благодаря этому полугодовую передышку. Его гнев удвоился, когда неудачей окончилась и последняя попытка (вместе с Лаффитом и Пэришем) примкнуть к группе Бэринга для выпуска третьей серии ренты в июле 1817 г. Соломон, вернувшийся в Париж из Лондона, невольно восхищался ловкостью соперников, обошедших его брата: «Он изрядный мошенник, этот Бэринг. Сегодня он ужинает с нами, вместе с Лаффитом... Мы должны быть очень осторожными во всем, что связано с ним. Бэринги были и остаются такими же сведущими, как и мы, они ловко пользуются своим влиянием. Среди здешних властей нет ни одного значимого человека, кто не был бы с Бэрингом в приятельских отношениях... Русский посол Поццо ди Борго на стороне Франции и Бэринга, они вращаются в одних кругах... Бэринг и французский министр финансов делят прибыль. Министра считают одним из самых продажных...»

Независимо от того, насколько справедливыми были обвинения, Бэринг находился в достаточно сильной позиции, чтобы снова вытеснить Джеймса, когда начались переговоры о последнем займе, необходимом для выплаты остатка контрибуции. Хотя рентные бумаги номиналом в 290 млн франков в мае 1818 г. сразу разошлись среди широкой публики, правительство, судя по всему, боялось безудержной спекуляции, которую привлекали эти бумаги (подписка превысила намеченную сумму почти в 10 раз, и котировки взлетели до 80 по сравнению с выпускной ценой в 66,5), и вторая серия на 480 млн франков (номинал) в том же месяце была поручена Бэрингу. Когда Джеймсу – вместе с другими парижскими банкирами Багено, Делессером, Греффюем, Оттингером и Лаффитом – предложили какие-то жалкие 10 млн франков,

которые они к тому же должны были разделить с Дэвидом Пэришем, он пришел в негодование и осуждал «чудовищное» обращение. Ему и другим пришлось довольствоваться лишь крохами от займа в 31 млн франков, выданного городу Парижу. Как сообщал герцог Веллингтон лорду Ливерпулу, «дело в том, что Бэринг, держащий в руках французские финансы и понимающий, что французские займы войдут в Англии в моду, до некоторой степени руководит мировым денежным рынком. Он сознает свою силу, и успешно противодействовать ему – задача не слишком простая». Если и был в истории период, когда Бэрингов называли «шестой великой державой» (фраза, приписываемая Ришелье; скорее всего, апокриф), то он наступил именно тогда.

Очевидно, братьев не случайно не допускали к прямому участию в крупномасштабном французском займе. Пережив травму Ста дней, Натан имел все основания сомневаться в стабильности реставрированного режима Бурбонов. Соломон старался его успокоить: по сведениям из самых надежных парижских источников, «во Франции больше не будет революции, – уверял он, однако добавлял: —...по крайней мере, в обозримом будущем, а если что-нибудь и будет, то следующие три месяца определенно нечего бояться». В конце концов, как он признавал, «невозможно застраховаться от французских горячих голов», как невозможно исключить и будущее банкротство. Подобные замечания предполагают, что Соломон не больше Натана верил во французскую валюту. Подобный пессимизм усиливали «слухи о войне», которые Джеймс слышал в Париже в мае 1816 г. Через несколько месяцев он еще больше встревожился, узнав, что британское правительство подумывает о замене Людовика XVIII герцогом Орлеанским, – как предупреждал Джеймс, такой шаг неминуемо приведет к гражданской войне. Беспокойство усиливалось из-за ширившегося недовольства в 1817 г., вызванного неурожаем и высокими ценами на продукты.

С другой стороны, финансовое положение реставрированных Бурбонов было не таким шатким, как казалось, что подтверждает стремительный рост цен на рентные бумаги в течение 1817 г. и первой половины 1818 г. Вот почему заем стал таким выгодным для его подрядчиков. Благодаря высокой инфляции ассигната в 1790-е гг.

Франция – в отличие от Великобритании – более или менее погасила государственный долг, копившийся в течение всего XVIII в. В 1815 г. общий государственный долг составлял около 1,2 млрд франков, примерно 10 % от национального дохода, – намного меньше, чем у Великобритании, которая к тому же копила «с чистого листа». Поэтому после того, как Бэринг покатил «снежный ком», Франции оказалось довольно просто производить новые займы, никоим образом не трогая цену ренты. Пока рентные бумаги росли в цене, Бэринг, как с горечью заметил Джеймс, получал «деньги ни за что». Средства Франции на самом деле были «огромными», а политическое положение стабильным: «Если союзники уйдут, Франция останется спокойной. Не сомневайся, здесь не осталось ни одной партии, которая могла бы устроить сопротивление правительству, по крайней мере в ближайшее время».

Таким образом, неудача Ротшильдов в связи с займами на выплату контрибуций 1817 и 1818 гг. дорого им обошлась. Они прекрасно усвоили урок: если они в начале 1814 г. обошли других банкиров, теперь им пришлось столкнуться с решительной попыткой Бэрингов и Бетманов восстановить прежнее влияние на финансы европейских стран, а также с новыми конкурентами в лице не таких известных Гонтара и баварского финансиста Адольфа д'Эйхтала⁴². Как выразился Карл в 1814 г., «главное, что к нам относятся враждебно, потому что дело в наших руках». «Врагов у нас в избытке, – сетовал Джеймс год спустя, – хотя все больше связано с завистью, чем с враждебностью. Каждые пять минут кто-то... подходит к [прусскому министру] с вопросом: «Почему все дают Ротшильдам?» Раньше, замечал Карл, когда риск был больше, им приходилось легче, потому что было меньше конкуренции. В самом деле, Джеймс даже признавал, что, желая не допустить их к операции по выплате контрибуций, венские банкиры поступали «так же, как в свое время Ротшильды» с выплатой субсидий британским союз-

никам. Видимо, самую большую угрозу в тот период представлял Бэринг. Он и его помощники не только «хотели подчинить всю Францию своей воле, чтобы они могли делать, что хочется», они также представляли угрозу положению Натана в Лондоне. По словам Амшеля, Натан был бы «очень огорчен, если бы кто-то другой проводил операции с Лондоном. Ему кажется, что Лондон более или менее принадлежит ему». Вряд ли его бы порадовала весть о том, что «[из-за Бэринга] ты больше не играешь первую [роль] на фондовой бирже и не можешь определять котировки» ценных бумаг. Однако рост конкуренции отмечался и на меньших финансовых рынках вроде Касселя, где конец войны и возвращение курфюрста привели к отчаянным попыткам покончить с монополией Ротшильдов над его финансами, окрепшей за годы, проведенные им в изгнании, и получить долю из ротшильдовских «золотых гор»⁴³. Как писал Джеймс в начале 1818 г., «весь мир завидует».

Ротшильды относились к конкурентам без всякой радости. Более того, они осыпали их ругательствами, называя Schurken («негодаями»), Bosewichte («жуликами»), Spitzbuben («мошенниками»). Еще до Ватерлоо они много говорили о том, что нужно «вставлять палки в колеса» соперникам-«негодаям» и «ворам» и наносить им «удары побольнее». В 1818 г. вопрос заключался в том, как лучше «причинить боль» Бэрингу и Лабушеру. Если верить легенде, братья нанесли удар посредством мощной интервенции на рынке французских рентных бумаг. Сначала они вложили крупную сумму в новые серии, выпущенные при участии Бэрингов. Затем, в то время как представители великих держав встречались в Ахене для обсуждения окончательных репарационных выплат, они предположительно принялись избавляться от этих бумаг с катастрофическими последствиями для цен. Таким образом Ротшильды решительно ослабили позицию Бэринга, принудив его отказаться от размещения последнего займа для Франции. Конечно, поразительная скорость, с какой Ротшильды обошли своих более именитых соперников, нуждается в разъяснении. И Бэринг в самом деле был сильно поражен резким падением ренты – на самом низком уровне бумаги котировались по 60; его спасло только то, что многие министры, приехавшие в Ахен – в том числе Нессельроде, австрийский канцлер князь Меттерних и его прусский коллега князь Гарденберг, – сами покупали пай, и поэтому все были заинтересованы в отмене последнего займа⁴⁴. Однако того, что за крахом стоят именно Ротшильды, не подтверждают никакие обнаруженные на сегодняшний день архивные свидетельства.

После 1816 г. братья, несомненно, хотели примкнуть к игре на повышение на рынке французских облигаций. В начале марта 1817 г. у Джеймса скопилось рентных бумаг на 3 млн франков (по номиналу), а к концу месяца он приобрел их еще на 7 млн, в надежде на будущий рост. Вскоре его забросали приказами покупать рентные бумаги для Натана и его лондонских родственников, хотя сам Джеймс по-прежнему пребывал «в темноте» относительно того, сколько можно поддерживать рост. Кажется также весьма вероятным (позже это подтверждал и Уввар), что Джеймс воспользовался системой оплаты по частям, чтобы максимально увеличить свои спекулятивные покупки. Но нет доказательств сговора в ходе продаж в 1818 г. Получив прибыль, Джеймс тщательно скрывал факт продаж, чтобы избежать ослабления рынка в целом; а летом 1817 г., когда рентные бумаги действительно ослабли, братья стали скупать их, чтобы поддержать рынок. Более того, именно тогда начался длительный период в жизни Джеймса, когда он заботился о состоянии рентных бумаг и тревожился из-за любых новостей, способных на них повлиять. Эта тема занимает важное место в его переписке на следующие 50 лет. Годом позже, в июле 1818 г., он не видел повода сомневаться в заключении Лаффита и Делессера, что к концу года рентные бумаги вырастут до номинала.

Ничто из вышеизложенного не должно нас удивлять. Ротшильды пошли бы на серьезный риск, если бы захотели помешать процессу окончательной «ликвидации» французских контрибуций. В феврале 1818 г. Соломон недвусмысленно возражал против нападения на Бэринга: если смогут сказать, что «диверсию организовали Ротшильды, заем провалился, нельзя будет

вывести войска», то есть интервенция в конечном счете обернется против самих Ротшильдов. Кроме того, Бэринг был членом парламента и уже задавал достаточно неприятных вопросов о деятельности Херриса на посту главного комиссара. У Ротшильдов имелись веские основания не восстанавливать его против себя. Лучше всего можно объяснить резкое падение цены ренты во время Ахенской конференции политикой Банка Франции, который после мая искусственно взвинчивал цены на рентные бумаги, раздавая щедрые ссуды парижским банкам. После того как руководство банка, столкнувшись с дефицитом средств, осознало свою ошибку, оно отреагировало слишком бурно, устроив условия дисконтирования. После такого ограничения спекуляция рентными бумагами временно приостановилась, а цены поползли вниз. Как только руководство банка убедили снова ослабить политику, рентные бумаги снова подросли, хотя лишь в 1821 г. (когда они шли по 87) восстановилась достаточная уверенность в них и выпустили последний репарационный заем. Более того, если Ротшильды надеялись выгадать на уходе Бэринга с французского рынка, их ждало разочарование: заем 1821 г. достался парижским банкам Оттингера, Делессера и Багено.

В действительности Ротшильды продавали не французские рентные бумаги, а британские консоли, и они поступали так в конце 1817 г., а не в конце 1818 г. Полученная ими прибыль с лихвой компенсировала любые убытки, какие они могли понести летом 1815 г. Как мы видели, в конце того года Натан, по рекомендации Херриса, приобрел крупные партии трехпроцентных консолей по 61,1 и 61,5, а также на 450 тысяч ф. ст. акций «Омниум» по 107. Весь 1816 г. он отмахивался от неоднократных советов перепуганных братьев получить прибыль, поэтому к концу года он собрал у себя консолей на 1,2 млн фунтов (по номиналу). Должно быть, примерно столько составлял весь капитал компании. Точки зрения родственников по поводу такой стратегии разделились: Амшель, осторожный, как всегда, считал, что «глупо... вкладывать все состояние в один-единственный вид ценных бумаг», и настойчиво уговаривал Натана продавать, особенно после того, как они с Карлом поняли, что им во Франкфурте остро не хватает наличных. Джеймс проявил больше воодушевления, – по его словам, вложение в консоли принесло им «столько же, сколько заем». Впрочем, и он не разделял уверенности Натана в том, что консоли дойдут до 80, и к апрелю 1817 г. он тоже начал уговаривать брата остановиться. Однако те, кто находились ближе к резиденции Натана в Нью-Корте, участвовали в спекуляции Натана собственными личными сбережениями. Каролина, жена Соломона, очевидно, слегка тронулась рассудком, проживая рядом с зятем: в августе 1816 г. она видела сны о том, что консоли подскочили до 86! – вот характерный «взгляд изнутри» на косвенное участие женщин из семьи Ротшильд в семейном бизнесе в тот период. В мае 1817 г., когда игра на повышение была разгадана, Натан наконец уступил просьбам братьев и продал консолей на 600 тысяч фунтов, но он, очевидно, сделал это весьма неохотно и быстро реинвестировал еще больше средств до возобновления роста в следующем месяце. К июлю, когда консоли выросли до 82 и в его распоряжении было их на 1,6 млн фунтов (номинал), Соломону пришлось признать, что его брату удался очередной деловой «шедевр».

Именно тогда Натан начал продавать. На той операции он заработал более 250 тысяч ф. ст. Любопытно, что это произошло за пять месяцев до декабря 1817 г., когда рынок достиг окончательного пика в 84,25 (см. ил. 4.1). Возможно, это объясняет, почему Натан тянул время перед тем, как отдал остальным приказ продавать. Даже его зятя и старейший клиент на рынке, курфюрст Гессен-Кассельский, не знали конфиденциальной информации до тех пор, пока Натан не продал консоли. Когда стало очевидно, что рынок действительно достиг своего пика – к 1820 г. котировки снова упали ниже 70, – Мозес Монтефиоре приветствовал удачный ход своего шурина: «Я очень рад узнать, что ты играл на понижение так же хорошо, как раньше играл на повышение; должно быть, у тебя были кое-какие трудности с моим братом Абрахамом, ведь для вас обоих это вновь... Ты так часто побивал своих противников, что сомневаюсь,

чтобы на фондовой бирже еще оставались достаточно выносливые игроки, способные противостоять тебе в любой значительной операции».

И хотя невозможно дать простое объяснение победе Ротшильдов над их конкурентами в 1820-е гг., тот удачный ход, несомненно, сыграл свою роль.

4.1. Средняя цена трехпроцентных консолей, 1780–1830 гг.

Почему Натан в конце 1817 г. решил избавиться от консолей? Отчасти, возможно, к такому решению его подтолкнула тревога его парижских братьев из-за возможности войны с Испанией: не в последний раз братья истолковывали угрозу вооруженного конфликта между великими державами как повод для продажи государственных облигаций. Но куда важнее были полученные им поистине бесценные сведения об изменениях в фискальной и денежной политике Великобритании. Такие конфиденциальные сведения Натан получил благодаря своей крепнущей дружбе с казначеем Николасом Ванситтарттом, а также первым контактам его братьев с герцогом Веллингтоном – «стариком-Прямая-спина» – в Париже. Как вовремя заметили Ротшильды, на росте консолей выгадали не только они, но и правительство Великобритании. В 1816 г. на покупку консолей по 62 потратили 650 тысяч ф. ст. из резервного фонда военного казначейства, оставшегося после поражения Наполеона. После того как консоли взлетели до 82, казначейство получило прибыль в размере около 130 тысяч ф. ст. За одним удачным шагом последовал другой: Натану намекнули об операции по консолидированию долга, которая подразумевала выпуск новых государственных облигаций по 3,5 или 3,25 % на сумму в 27 млн ф. ст. Они должны были понизить рынок трехпроцентных консолей. Как показывают письма Соломона того времени, конфиденциальные сведения более всего остального предопределили следующий ход Натана: «Вансит-тарт человек превосходный, до такой степени, что намекнул тебе о предстоящей операции по консолидированию долга. Он прекрасно понимает, что только ты один повысил курс консолей, укрепил кредит Англии и что ты – крупный держатель облигаций... Пора разработать план. Мы согласны с тобой, что в случае, если консолидирование пройдет успешно... консоли упадут до 80 или даже немного ниже... Уверяю тебя, как только все персоны, близкие к Нью-Корту, поймут, куда дует ветер, они сыграют на понижение и заработают миллионы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.